

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

**ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В
МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ**

Руководитель работы: д.э.н., профессор Р.А. Фарамазян
Редактор: В.К. Хазанкина

**Москва
ИМЭМО РАН
2009**

УДК 327
ББК 66.4(2 Рос)
Военно 634

Серия “Библиотека Института мировой экономики и международных отношений”
основана в 2009 году

Авторский коллектив: Р.А. Фарамазян (руководитель проекта), О.В. Гусарова, С.Ю. Казеннов, Л.В. Панкова, А.Г. Савельев, Д.А. Сивков, В.К. Хазанкина (редактор).

Аналитические материалы: М.А. Грешнев, В.Н. Кумачев, Л.И. Остапкович, В.К. Хазанкина

Научно-техническая работа по сбору и обработке материалов и информации:
Е.М. Королева, В.А. Перминова

Работа подготовлена при поддержке РФНФ, грант № 09-02-00631а/р

Военно 634

Военно-экономическое обеспечение национальной безопасности России в многополярном мире. Рук. проекта – Р.А. Фарамазян. М.: ИМЭМО РАН, 2009, 93 с.

ISBN 978-5-9535-0218-4

Авторы анализируют состояние военно-экономической безопасности России, рассматривают основные пути усиления экономических основ национальной безопасности. На базе сделанного анализа предлагаются практические рекомендации, направленные на модернизацию ОПК и оснащение ВС современными видами ВВТ.

Работа предназначена для широкого круга читателей, интересующихся данными проблемами, а также для специалистов, изучающих проблемы военно-экономической безопасности России.

Military economy safeguarding of Russian national security in multipolar world.

Authors analyze the state of Russian military economy security, examine the principle ways of reinforcement of economic bases of national security. On the basis of the analyses made the practical oriented recommendations are proposed aimed at the modernization of defence industrial complex and equipment of armed forces with new-type of sophisticated weapons.

The work is recommended for a broad circle of readers interested in these problems, as well as for specialists studying the military economy problems of Russian security.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0218-4

© ИМЭМО РАН, 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	4
ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА 1. ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС И ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ (Р.А. ФАРАМАЗЯН).....	6
1.1. Состояние оборонно-промышленного комплекса	7
1.2. Военно-экономическая безопасность России.....	16
ГЛАВА 2. МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ КАК НЕОБХОДИМАЯ ПРЕДПОСЫЛКА УКРЕПЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПОВЫШЕНИЯ ОБОРОНОСПОСОБНОСТИ СТРАНЫ (С.Ю. КАЗЕННОВ)	28
2.1. Задачи, ресурсы и ограничители модернизации.....	28
2.2. Главные проводники модернизации: проблемы в условиях кризиса	36
2.3. Без чего модернизационный прорыв в России невозможен	43
ГЛАВА 3. РОЛЬ ИННОВАЦИЙ В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (Л.В. ПАНКОВА)	53
3.1. Инновационные процессы в ОПК России.....	56
3.2. Механизм обеспечения инновационной деятельности в военном секторе.....	61
ГЛАВА 4. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА ВЕЛИКОБРИТАНИИ (А.Г. САВЕЛЬЕВ, Д.А. СИВКОВ).....	69
4.1. Крупные военные программы.....	73
4.2. Основные военные корпорации.....	75
ГЛАВА 5. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ И ЕС В ОБЛАСТИ БЕЗОПАСНОСТИ (О.В. ГУСАРОВА)	83
5.1. Основы сотрудничества России и ЕС в области безопасности.....	83
5.2. Договор о европейской безопасности: инициатива России.....	88
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	92

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВВП - валовой внутренний продукт
- ВВТ - вооружение и военная техника
- ВООП - военно-ориентированные отрасли промышленности
- ВС - Вооруженные силы
- ВТО - Всемирная торговая организация
- ВТС - военно-техническое сотрудничество
- ВЭП - военно-экономический потенциал
- ГЧП - государственно-частное партнерство
- ДАРПА - Управление перспективных исследований и разработок министерства обороны США
- ЕПБО - Европейская политика безопасности и обороны
- ЕС - Европейский Союз
- ИАП - инновационно-активные предприятия
- ИД - инновационная деятельность
- ИП - инновационный продукт
- КНР - Китайская Народная Республика
- МО - Министерство обороны
- НБ - национальная безопасность
- НИОКР - научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы
- НИС - национальная инновационная система
- НМП - новый мировой порядок
- ОПК - оборонно-промышленный комплекс
- РСРТ - ранняя стадия разработки технологий
- РФ - Российская Федерация
- СИПРИ - Стокгольмский международный институт исследований проблем мира
- СНБ - Совет национальной безопасности
- СПС - Соглашение о партнерстве и сотрудничестве

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы все более отчетливо проявляется тенденция возрастания роли экономических факторов в обеспечении национальной и международной безопасности в многополярном мире. Цель данной работы проанализировать основные сдвиги в развитии мировой военной экономики, способах экономического обеспечения военного строительства. Авторы стремились сосредоточить внимание на наиболее важных проблемах военно-экономической безопасности России, показать насколько сегодняшнее состояние оборонно-промышленного комплекса (ОПК) страны отвечает современным требованиям. В работе подчеркивается, что для укрепления безопасности и обороноспособности России необходимо встать на путь модернизации и инновационного развития, изменения сырьевой модели структуры экономики. Для этого нужна обоснованная стратегия перехода на инновационную модель экономического роста, нужны конкурентные программы создания национальных инновационных систем и механизмы внедрения в экономику инновационных процессов.

В работе отмечается, что ОПК пока не в полной мере обеспечивает военно-экономическую безопасность страны. Новое геостратегическое и геоэкономическое положение России в многополярном мире, ее оборонные интересы требуют реформирования и модернизации ОПК, разработки более четкой военно-экономической стратегии и политики, развития адекватной современным условиям и требованиям военно-экономической базы страны. Одной из ключевых задач в реорганизации ОПК является ликвидация технического отставания от западных стран. Поэтому реформирование ОПК необходимо осуществлять на базе технического перевооружения и создания научно-технического задела, способного обеспечить разработку и производство современных средств ведения войн нового типа.

В процессе работы над проектом авторы стремились показать взаимодействие РФ и ЕС в военной области, выявить новые тенденции в развитии военной экономики западных стран, особенно те аспекты, которые могли быть критически использованы в реформировании отечественного ОПК.

Глава 1. Оборонно-промышленный комплекс и военно-экономическая безопасность России

В последние годы все более отчетливо проявляется сдвиг в соотношении факторов, определяющих национальную и международную безопасность. Появляются новые угрозы, вызываемые как военными, так и невоенными средствами. Некоторые задачи, которые в прошлом возлагались преимущественно на военную силу, теперь все чаще решаются другими невоенными средствами - политическими, экономическими и др. В решении проблем безопасности государства все возрастающую роль играют экономические факторы. Это связано с тем, что экономика является фундаментальной основой обеспечения всех видов безопасности государства, в частности, в военной области. Сейчас в международных отношениях считаются, прежде всего, с государством, чья военная мощь подкрепляется соответствующим экономическим потенциалом. Кроме того, в спорных международных делах все чаще прибегают к использованию различного рода экономических санкций.

Наблюдаемая тенденция возрастания роли политических, экономических и других невоенных факторов в решении национальной и международной безопасности ведет к относительному снижению роли военной силы в международных отношениях. Однако в абсолютном плане военная сила была и остается важнейшей опорой национальной безопасности государства. Военные и невоенные угрозы тесно взаимосвязаны. Поэтому невоенные средства в решении международных проблем часто подкрепляются различными формами силового давления, опираются на военную мощь государства. Хотя роль военной силы в международных делах существенно изменилась, пока еще ни одно государство не отказывается от создания и поддержания собственных вооруженных сил. Более того, в последнее время в некоторых странах все настойчивее звучат призывы к модернизации и усилению военной мощи. В начале XXI века снова обозначились процессы повышения роли военной силы для обеспечения политических и экономических интересов государств. Если в 90-х годах прошлого века наблюдалось некоторое сокращение мировых военных расходов, то в новом десятилетии эти расходы, наоборот, растут.

Следовательно, и в современных условиях военная мощь является одной из фундаментальных основ обеспечения национальной безопасности государства. Пока будет сохраняться необходимость в военной силе как в инструменте политики государства, решения спорных международных вопросов, достижения военным путем экономических, политических и иных целей государства, будет, конечно, сохраняться и потребность в создании соответствующей военно-экономической базы. Предназначение военной мощи, процесс подготовки и ведения войн неизбежно требуют содержания значительных вооруженных сил, что не может быть осуществлено без выделения на эти нужды крупных людских, материальных, финансовых и других ресурсов, без соответствующего экономического обеспечения военного строительства. Причем наблюдается долгосрочная историческая тенденция к увеличению размеров этих затрат.

Экономические ресурсы составляют материальную основу и являются одним из важнейших компонентов военной мощи государства. Не может быть надежно обеспечена военная безопасность страны при слабой экономике, без создания и поддержания необходимого военного сектора национального хозяйства, обеспечивающего военно-экономическую безопасность страны. Военный сектор хозяйства играет роль связующего звена между экономикой и военно-экономическими потребностями государства. Функциональное предназначение

военного сектора хозяйства заключается в производстве огромного ассортимента продукции и услуг оборонного назначения, в материально-техническом обеспечении функционирования военной мощи государства. В ведущих странах мира военный сектор хозяйства представляет собой сложную систему специализированных структур экономики, целенаправленно используемых для экономического обеспечения военного строительства, надежной защиты национальной безопасности как высшего общественного блага.

В отечественной и зарубежной литературе встречаются различные обозначения военного сектора национального хозяйства: "Военная экономика", "Оборонная экономика", "Военно-промышленный комплекс" и т.д. У нас этот сектор принято называть "Оборонно-промышленный комплекс" (ОПК).

1.1. Состояние оборонно-промышленного комплекса

В годы холодной войны в противоборствующих странах, прежде всего в США и СССР, был создан небывалый в истории человечества по размерам, структуре, организации и другим параметрам постоянно функционирующий военный сектор экономики. Можно сказать, что холодная война в значительной степени была военно-экономическим противоборством, в частности, соревнованием производственных и научно-технических баз США и СССР, отвлекающим от мирного использования колоссальные ресурсы. Созданный в Советском Союзе ОПК позволил к началу 70-х годов достичь, а затем сохранить военно-стратегический паритет с США и другими странами НАТО. После окончания холодной войны и распада СССР произошли кардинальные изменения в ОПК России. При этом если в западных странах реформирование военного сектора сопровождалось усилением их военной мощи, модернизацией военно-промышленной базы, разработкой и производством новейших вооружений, то в России в 90-х годах наблюдались, к сожалению, противоположные тенденции, в частности, резкое ослабление военной мощи и военно-экономической безопасности страны. Причем самым слабым звеном в структуре военной мощи оказалась экономическая сфера.

В результате распада СССР значительно сузился военно-экономический потенциал России, было расчленено прежде единое военно-экономическое пространство, разрушены теснейшие кооперационные связи между оборонными предприятиями, оказавшимися в различных независимых государствах СНГ. Большое негативное влияние на состояние ОПК оказало отсутствие четкой, последовательной и обоснованной государственной политики и стратегии обеспечения национальной безопасности, концепции военного строительства, реформирования военно-экономической сферы. Правительство реформаторов с самого начала считало, что угрозы для безопасности страны якобы исчезли, объявило демилитаризацию экономики в качестве одной из своих приоритетных целей. Курс на демилитаризацию экономики был, безусловно, оправдан, и необходимость его проведения не может вызывать никаких сомнений. Россия не в состоянии была экономически выдержать существующий в СССР уровень военных затрат, однако формы, методы, темпы его осуществления во многих случаях были явно неоправданными. По сути дела, четкой и обоснованной государственной концепции военного строительства, преобразований в военно-экономической сфере не просматривалось.

Резкое сокращение Государственного оборонного заказа, непродуманные и крайне неэффективные методы конверсии не могли дезорганизовать функционирование предприятий ОПК. Не улучшила положение в ОПК неудачная приватизация, когда крупнейшие оборонно-промышленные объединения

расчленились и приватизировались за бесценок и по частям, превращаясь в мелкие предприятия, к тому же иногда попадавшие под иностранный контроль. Конверсионные программы проваливались одна за другой не только из-за недостаточного финансирования, но и потому, что нередко были ориентированы, прежде всего, на технические возможности создания гражданской продукции и мало учитывали такие рыночные категории, как спрос, цена, качество и неизбежная конкуренция со стороны других отечественных производителей и импорта изделий-аналогов.

Все эти обстоятельства привели к тому, что в 90-х годах ОПК оказался в глубоком системном кризисе. В связи с резким уменьшением оборонного бюджета и особенно закупок вооружения и военной техники начался процесс обвального сокращения размеров военного производства. За 1990-1997 гг. оно сократилось на 91%, а расходы государства на закупки вооружения и военной техники - в 14 раз. Самый резкий спад производства наблюдался в передовых и высокотехнологичных отраслях: в ракетно-космической (64%), электронной (63%), средств связи (50%). Такого сокращения не происходило ни в одной крупной стране мира. Недостаточное и неритмичное государственное финансирование производства ВВТ привело к тому, что почти все предприятия ОПК оказались в тяжелом финансовом положении, а многие из них - под угрозой банкротства. Высокотехнологичные оборонные отрасли стали быстро приходить в упадок, была подорвана научно-техническая и производственная база ОПК, оборонная промышленность оказалась на грани технологической катастрофы. Заметно усилилось технологическое отставание России от США и других развитых западных стран. В 90-х годах указанные обстоятельства и особенно существующее явное противоречие между проводимой нашим правительством военно-экономической политикой, объективными закономерностями и новейшими тенденциями развития военной экономики ведущих западных стран привели к резкому ослаблению военной и военно-экономической безопасности России.

После продолжительного и резкого спада производства в ОПК в конце 90-х годов начался его рост. Переломным стал 1999 год, когда впервые было достигнуто существенное увеличение выпуска продукции, причем как военного, так и гражданского назначения. С тех пор сохраняется положительная динамика производства во всех отраслях ОПК, что видно из данных табл. 1.

Таблица 1. Темпы изменения общего объема продукции ОПК
(в % к соответствующему периоду предыдущего года)

	1999г.	2000г.	2001г.	2002г.	2005г.	2006г.
Всего	132,6	125,3	104,5	116,0	103,6	109,8
В том числе:						
Авиационная промышленность	132,1	140,2	111,0	122,8	98,1	125,2
Ракетно-космическая промышленность						
Промышленность вооружений	144,5	113,7	101,0	121,0	106,1	113,4
Промышленность боеприпасов	132,8	108,0	111,0	117,3	98,6	108,7
Судостроительная промышленность	144,1	122,2	95,2	95,7	105,3	110,7
Радиопромышленность	142,9	119,3	90,4	106,9	116,3	84,2
Промышленность средств связи	102,7	128,7	95,7	117,3	-	-
Электронная промышленность	139,6	144,4	103,7	105,1	-	-
	142,4	153,0	117,7	113,6	105,8	115,3 ¹

¹В целом по радиоэлектронному комплексу.

Составлено по: «Россия: экономическая конъюнктура». 2002, № 1, стр.59; 2007, Итоги 2006 года, стр. 86.

Однако следует подчеркнуть, что даже после заметного роста объема военного производства в России этот объем сейчас намного ниже уровня 1991 года. Сейчас и речи не может быть о том, чтобы Россия могла обеспечить военно-стратегический паритет, выдержать военно-экономическое соревнование с западными странами, как это делал Советский Союз в годы холодной войны. Но Россия в силу своего геополитического положения и ряда других объективных обстоятельств не может обойтись без современной боевой мощи, достаточной для надежной обороны страны, сохранения ее целостности. Это, в свою очередь, требует создания такого ОПК, который гарантировал бы военно-экономическую безопасность страны, экономическое обеспечение военного строительства, оснащение Вооруженных сил новейшими видами и системами оружия, а также сохранение и усиление позиций России на внешних рынках вооружений.

Исторически сложилось так, что в ОПК оказалась сосредоточена большая часть интеллектуального и технологического потенциала страны. Пользуясь неограниченным доступом к ресурсам бывшего Советского Союза, конструкторы вооружения и военной техники могли создавать самые передовые и современные их виды и системы. Именно благодаря унаследованному от СССР научно-техническому заделу Россия продолжает сохранять конкурентоспособность в области вооружений. Несмотря на кризисное состояние, ОПК даже сейчас располагает мощным научно-техническим и производственным потенциалом, значительными возможностями как для производства ВВТ, так и для содействия ускорению технического перевооружения и модернизации гражданских отраслей экономики. ОПК России занимает особое место в системе национального хозяйства. Здесь и поддержка государства, и наибольшая концентрация наукоемких технологий, и наличие предприятий с продукцией мирового уровня (прежде всего, в аэрокосмической сфере). Доля оборонного комплекса в области общенациональных научных разработок составляет, по разным оценкам, от 65 до 75%. И хотя доля ОПК в общем промышленном потенциале России примерно 4-5%, на него приходится около 30% валового производства в машиностроении и порядка 45% машино-технического экспорта, а по отдельным видам высокотехнологичной продукции,

например, аэрокосмической, электронной, оптической, предприятия ОПК обеспечивают 100% выпуска.

ОПК объединяет предприятия различных отраслей промышленности: авиационной, ракетно-космической, радиоэлектронной и систем управления, судостроительной, обычных вооружений, боеприпасов и спецтехники. Из общего количества предприятий и организаций по форме собственности составляют: государственные предприятия - около 34%, частные, в том числе и акционерные общества без государственного участия - около 28%, смешанный сектор, в том числе акционерные общества с участием государства - 38%. Общее количество промышленных предприятий в российском оборонном комплексе - 952, научных учреждений - 640 и научно-производственных объединений - 70. Так называемое "ядро" ОПК составляют, по данным российских экспертов, 1265 предприятий.¹ Примерно 300 предприятий вовлечены в сферу военно-технического сотрудничества с зарубежными странами. В общей сложности в реестре "оборонки" числится 4,5 тыс. заводов. Предприятия ОПК расположены в 72 субъектах Российской Федерации, из них около 40% - в Центральном федеральном округе. В 10 регионах России имеется 66 территориально-промышленных групп, в рамках которых действует 129 градообразующих предприятий и организаций ОПК. По данным официальной статистики, на предприятиях ОПК трудится более 2 млн. человек, в том числе почти 75% - непосредственно в сфере производства вооружения и военной техники и около 25% занимаются научной деятельностью. Для предприятий ОПК характерны такие особенности, как значительная зависимость от размеров ГОЗ, высокая наукоемкость и капиталоемкость, особые требования к качеству выпускаемой продукции, высокий уровень специализации и монополизации производства.

В соответствии с данными доклада, выполненного по руководством Ю. Коптева, возглавляющего Департамент оборонно-промышленного комплекса Минпромэнерго,² основными лимитирующими условиями развития российского ОПК являются следующие обстоятельства:

- финансовые вложения в исследования и разработки в России в 10 раз меньше, чем в большинстве развитых стран, инвестиции в основные фонды в 5 раз меньше, фондовооруженность работников в 2-3 раза ниже, производительность труда в 5-10 раз меньше;

- более 50% уникальных технологий, обеспечивающих потребности производства вооружений основных образцов, либо физически утрачено, либо физически и морально устарело;

- больше половины станочного парка на предприятиях оборонного сектора изношено на 100%, почти каждый второй станок уже выработал свой ресурс;

- средний возраст работников ОПК - 54 года, в оборонных НИИ - 57 лет (возраст 90% их научных сотрудников превышает 50 лет).³

- ухудшение ситуации в ОПК во многом определяется существующей системой финансирования военных заказов;

- отмечается отставание от конкурентов на мировом рынке в таких отраслях, как авиационная промышленность, судостроение, средства связи, а также медицинская техника и высокотехнологичное оборудование для топливно-

¹ В. Соловьев, В. Иванов. Госпрограмма вооружений на 2002-2006 годы провалена. НВО, 2005 г., № 28, стр. 2. (Данные по докладу, выполненному под руководством Ю. Коптева, возглавляющего Департамент оборонно-промышленного комплекса Минпромэнерго.)

² В. Соловьев, В. Иванов. Госпрограмма вооружений на 2002-2006 годы провалена. НВО, 2005 г., № 28, стр. 2.

³ В начале 90-х годов средний возраст сотрудников ОПК был на уровне 28-30 лет.

энергетического комплекса (ТЭК). Между тем, в настоящее время 60% медицинского оборудования выпускается на оборонных предприятиях. ТЭК зависит от них на 30%.

По мнению российских экспертов, в ближайшие 3-5 лет будет исчерпан задел по имеющимся в России НИОКР. Как известно, основу оборонных технологий ОПК на сегодняшний день составляют разработки, которые появились до 1993 г. Лишь четвертая часть современных отечественных критически важных технологий близка к мировому уровню, еще 30% могут быть оценены как удовлетворительные, позволяющие достигнуть мирового уровня в течение 5-7 лет.⁴

В конце прошлого десятилетия наметился поворот в отношении государства к развитию оборонного комплекса. В октябре 1999 г. впервые с начала 90-х годов было сделано заявление о том, что ОПК следует рассматривать в качестве самого главного стратегического резерва российской экономики.⁵ Начавшееся с 1999 г. реформирование ОПК можно условно разделить на четыре этапа. На современном - четвертом этапе основным механизмом реализации государственной политики в области развития ОПК является Федеральная целевая программа "Развитие ОПК РФ на 2007-2010 годы и на период до 2015 года". Одна из центральных задач реформирования ОПК должна заключаться в замене существующих, во многом устаревших организационных структур новыми видами интегрированных структур. При этом возможно внутриотраслевое и межотраслевое интегрирование научно-технического и производственного потенциала предприятий различных форм собственности. Такое интегрирование может проводиться различными методами, в частности, путем слияния и объединения предприятий, создания финансово-промышленных групп (ФПГ), синдикатов, холдингов и т.д. Считается, что наиболее эффективными типами интегрированных структур в ОПК являются холдинги для корпорации с жесткой вертикалью управления, которые могут создаваться путем объединения действующих предприятий, занятых выполнением Государственных оборонных заказов. Создание новых интегрированных структур может проводиться как на постоянной основе, так и под выполнение конкретного проекта. Крупные интегрированные предприятия имеют существенные преимущества. Им легче нести затраты на НИОКР, на создание опытных образцов, справляться с различного рода техническими, финансовыми и другими рисками, добиваться экономии на сокращении штатов, накладных и других расходов. Консолидация военного производства влечет за собой и такие экономические выгоды, как расширение рынков сбыта (в том числе за счет расширения ассортимента выпускаемой продукции), увеличение масштабов производства, приобретение дополнительных мощностей и т.д. Несмотря на это, в России создание крупных интегрированных структур происходит крайне медленно.

В системообразующих интегрированных структурах объединяется основная часть научного и производственного потенциала, адекватного существующим и прогнозируемым потребностям в соответствующей продукции. В качестве примера можно привести Объединенную авиастроительную корпорацию (ОАК), призванную объединить существующие на данный момент авиастроительные предприятия. Корпорация создана для сохранения и развития научно-производственного потенциала авиастроительного комплекса России, концентрации интеллектуальных, производственных и финансовых ресурсов для реализации перспективных программ создания авиационной техники. В ОАК входят головные НИИ, ОКБ по данному классу техники, серийный завод и группа заводов, изготавливающих финальные изделия, а также поставщики наиболее важных комплектующих изделий. Сейчас в состав ОАК входят как отдельно функционирующие предприятия, так и крупные

⁴ Критическое отставание. НВО, 2005 г., № 32, стр.1 (в разделе "Коротко").

⁵ Интервью В. Путина газете "Коммерсант" 6 октября 1999 г.

научно-производственные интегрированные структуры самых различных организационно-правовых форм и форм собственности.

Одной из ключевых задач в реорганизации ОПК является ликвидация технического отставания от западных стран. Анализ структуры передовых производственных технологий, используемых в оборонных отраслях российской промышленности, показывает, что в настоящее время на предприятиях оборонных отраслей промышленности сосредоточено порядка 34% общего количества передовых производственных технологий, используемых в промышленности РФ. По удельному весу производственных технологий, внедренных в 2002-2004 гг., предприятия ОПК (34,29%) догоняют промышленность России в целом (39,8%).⁶ За 2002-2004 годы количество внедренных передовых производственных технологий возросло по сравнению с периодом 1996-1998 гг. в авиационной промышленности - в 1,9 раза (с 1046 до 2333 единиц); в оборонной промышленности - в 2,9 раза (с 994 до 2911 единиц); в судостроительной промышленности - в 2,5 раза (со 146 до 363 единиц); в радиопромышленности - в 2,6 раза (со 198 до 520 единиц); в промышленности средств связи - в 2,4 раза (со 184 до 338 единиц); в электронной промышленности - в 2,4 раза (с 207 до 495 единиц), а в производстве атомной техники (без энергетических реакторов) - больше чем в 100 раз (с 23 до 2318 единиц).⁷ Однако надо подчеркнуть, что в целом до сих пор на предприятиях ОПК сохраняется значительный уровень основных фондов с высокой степенью морального и физического износа.

ОПК нуждается в техническом перевооружении. Нельзя выпускать новейшие виды вооружения, используя старую технологию. Поэтому нужна новая технология, а это требует громадных капиталовложений. По результатам обследования Центра экономической конъюнктуры при Правительстве РФ, в настоящее время объем инвестиций в лучшем случае позволяет поддерживать производственную базу на существующем уровне. Каждое второе обследованное оборонное предприятие вообще не осуществляет инвестиций в развитие производственной базы.

За последнее десятилетие резко снизилась доля государственных инвестиций в ОПК. Основным источником инвестиций сейчас являются собственные средства предприятий. В абсолютном выражении эти инвестиции далеко недостаточны для крупномасштабного обновления производственных мощностей ОПК и для финансирования НИОКР на уровне, необходимом для создания нового поколения вооружения и военной техники. В этих условиях одна из труднейших проблем ОПК заключается в том, чтобы найти новые, в том числе внебюджетные источники увеличения капиталовложений.

Реформирование ОПК необходимо осуществлять на базе технического перевооружения и создания современного научно-технического задела, способного обеспечить разработку и производство средств ведения войн нового типа. Однако Россия находится в критическом положении с сохранением инновационного потенциала предприятий ОПК. Многократно сократились государственные расходы на военные НИОКР. Только в период с 1990 по 1997 гг. произошло более чем 13-кратное снижение расходов на НИОКР в области военного производства. До сих пор предприятия "оборонки" фактически используют научно-технический потенциал, созданный еще в СССР.

Несмотря на заметное увеличение военного бюджета России за последние годы, доля расходов на исследования и разработки выросла незначительно (см. табл. 2). Из-за недостаточности финансирования и ограниченности ресурсов страна не в состоянии вести военные НИОКР по всему спектру, обеспечить

⁶ "Россия: экономическая конъюнктура". Центр экономической конъюнктуры. 2005 г., № 3, стр. 82.

⁷ "Россия: экономическая конъюнктура". Центр экономической конъюнктуры. 2005 г., № 3, стр. 82.

воспроизводство всех технологий, как это делал прежде СССР. По мнению специалистов, за последние годы в России не было реализовано ни одного нового крупного инновационного проекта, не создано серьезного задела в области разработки вооружений.

Таблица 2. Плановые показатели финансирования Вооруженных сил Российской Федерации (тыс. руб.)

Показатели	2007 год	2008 год	2009 год
Всего:	873520	1005713	1213124
В том числе:			
Содержание ВС	580613	604510	756190
Закупки ВВТ	118348	180742	217000
НИОКР	89662	93945	103200
Текущий ремонт	53086	72281	73200
Капитальное строительство	31811	54235	63534

Источник: Уточненные данные Министерства обороны.

В этих условиях исключительное значение приобретает проблема стимулирования инвестиционной и инновационной деятельности в ОПК посредством использования механизмов бюджетной поддержки, предоставления налоговых, кредитных и иных льгот. Сейчас реформирование ОПК, повышение эффективности и конкурентоспособности оборонной промышленности невозможно без адекватных изменений в инновационной сфере.

Отечественный ОПК из-за ограниченности ресурсов сейчас не в состоянии обеспечить разработку и производство всех видов и систем оружия. Поэтому важно выбирать приоритетные направления развития перспективных видов вооружения и военной техники, концентрации усилий на разработку и производство такого ассортимента новейших средств, которые необходимы для обеспечения безопасности России, отвечают интересам современной стратегии и тактики ведения военных действий и позволят сохранить и укрепить позиции российского вооружения на мировом рынке оружия.

Одна из серьезных проблем ОПК - это кадры. Чрезвычайно опасный характер приобрели потери в «человеческом капитале». Имеется в виду не только резкое сокращение численности и старение занятых, но и распад сложившихся производственных коллективов, утрата "корпоративной памяти", т.е. совокупного опыта и знаний всех сотрудников конкретного предприятия, исчезновение целых научных школ и направлений в сфере оборонных НИОКР. Кадровая проблема, в частности нехватка инженеров высокой квалификации, дефицит квалифицированных рабочих, приобрела острый характер. Средний возраст персонала в научных учреждениях составляет 60 лет, в производстве - 50 лет и более. На многих предприятиях нехватка высококвалифицированных инженеров достигает 80%, рабочих - 84%.⁸ Катастрофически не хватает молодых специалистов.

Сокращение численности и стремительное старение кадров предприятий ОПК объясняется многими причинами, но в первую очередь такими, как недостаточный объем Государственного оборонного заказа; естественная (по возрасту) убыль ведущих специалистов - как научных сотрудников, так и высококлассных рабочих всех специальностей; отсутствие притока молодых специалистов (выпускников ВУЗов, техникумов и ПТУ); потеря социальной привлекательности труда на предприятиях ОПК; низкий уровень заработной платы.

⁸ "Военно-техническое сотрудничество", № 1, 2002 г.

В последние годы происходят некоторые перемены к лучшему, однако перелома пока нет. Решение этой острой проблемы требует разработки и принятия комплекса целенаправленных государственных мер.

К слабым и уязвимым местам функционирования российского ОПК следует отнести и его чрезмерную зависимость от внешнеэкономических связей. Резкое снижение уровня финансирования за счет Государственного оборонного заказа (ГОЗ) объективно заставило оборонные предприятия искать новые источники зарабатывания средств, прежде всего за счет ВТС с иностранными государствами. В результате с начала 90-х годов экспорт вооружения стал играть все более заметную роль в деятельности ОПК.

За 1991-2001 гг. Россия поставляла в 13,8 раза больше ВВТ иностранным государствам, чем в собственные Вооруженные силы. Достаточно сказать, что за 1999-2000 гг. Министерство обороны приобрело всего лишь один танк, четыре БМП и четыре вертолета. На долю экспорта приходится свыше 80% общего объема производимой предприятиями ОПК военной продукции. Такого перекоса в сторону внешней ориентации оборонной промышленности не наблюдается ни в одной стране Запада. И это происходит в то время, когда у российской армии только менее 25% ВВТ относится к категории современных (в армиях ведущих стран мира доля современного оружия составляет 70-75%). У многих крупных оборонных предприятий доля военной продукции, идущей на экспорт, в общем объеме их производства нередко превышает 90%. Это говорит о том, что экспорт ВВТ остается для них основным средством выживания.

Опасность чрезмерной ориентации ОПК на экспортные поставки заключается в том, что у зарубежных заказчиков появляется возможность определять не только основные характеристики производимых у нас ВВТ, но и структуру, и облик российской оборонной промышленности.

Сохранение высокого уровня зависимости от ВТС опасно и в связи с тем, что наблюдается долгосрочная тенденция сокращения размеров мирового рынка оружия, усиления конкуренции на нем, роста спроса на новейшие системы. Пока на этих рынках пользуются спросом российские военные самолеты и вертолеты, средства ПВО, боевые корабли и подводные лодки, стрелковое оружие и многое другое. Однако вот уже длительное время мы продаем в основном те виды ВВТ, которые были разработаны еще в советское время. Постепенно иссякает запас конкурентоспособных технологий, а созданию нового научно-технического задела, разработке средств ведения новых типов войн уделяется крайне недостаточное внимание. Все это может привести к тому, что через какое-то время России трудно будет не только усилить, но даже сохранить свои позиции на мировом оружейном рынке.

Долгосрочные интересы обеспечения военной безопасности России требуют ориентации развития ОПК прежде всего на удовлетворение минимально необходимых потребностей собственных Вооруженных сил, создание фундаментального научно-технического задела и современной производственной базы, способных обеспечивать выпуск средств ведения войн XXI века, не допускать серьезного отставания в военной области от наиболее развитых западных государств.

Создание условий для обеспечения такого вектора развития ОПК крайне необходимо как для укрепления обороноспособности России, так и одновременно для максимально возможного расширения ее ВТС с зарубежными государствами, при этом важно не только сохранение темпов роста экспорта ВВТ, но и особенно расширение и более активное использование таких форм ВТС, как совместная разработка и производство ВВТ в рамках международных консорциумов,

лицензионное производство, офсетные сделки, усиление кооперационных связей (в первую очередь со странами СНГ) и других форм, имеющих более важное, чем экспорт оружия, значение с точки зрения повышения эффективности функционирования ОПК и обеспечения военно-экономической безопасности России.

Для укрепления военно-экономической безопасности страны и перевооружения армии государство тратит огромные средства, в том числе и на ОПК. За последние годы значительно выросли расходы на военные цели. Общие объемы ассигнований для Министерства обороны предусмотрены на 2009 год в размере около 1439 млрд. рублей, на 2010 год - 1509 млрд. рублей, на 2011 год - 1615 млрд. рублей. Расходы на оснащение Вооруженных сил, включающие закупку и ремонт вооружения, НИОКР, являются самыми объемными в военном бюджете. На очередное трехлетие на оснащение Вооруженных сил предусматривается более 1,5 трлн. рублей. Треть из них запланирована на 2009 бюджетный год.⁹ Намечено увеличить закупки вооружения и военной техники. В 2009 г. Вооруженные силы должны получить новые самолеты всех типов, вертолеты, корабли и подводные лодки и др.

Президент России Д. Медведев 17 марта 2009 года на расширенном заседании военной коллегии Минобороны выделил ряд приоритетных задач, которые должны обеспечить модернизацию наших Вооруженных сил, повысить их боеготовность, в том числе оснащение войск новейшими видами вооружений. Президент отметил, что сейчас на разработку и закупку таких вооружений направляются значительные средства, причем даже несмотря на те проблемы в финансах, которые мы сегодня имеем, объем этих средств практически полностью сохранился в ранее планируемых показателях.¹⁰

За последние годы закупки вооружений интенсифицировались, но, несмотря на это, в целом объемы поступающих в российские войска новых ВВТ не покрывают их естественной убыли. Достаточно сказать, что с 2000 г. до 2007 г. Военно-Воздушные силы РФ получили только три новых боевых самолета - один Ту-160 и два Су-34.¹¹ Министр обороны А. Сердюков на указанном расширенном заседании военной коллегии Минобороны отметил, что большая часть вооружения и военной техники физически и морально устарела и естественная убыль не компенсируется закупками. Как следствие - доля современных образцов вооружения и военной техники составляет всего лишь около 10% (в США - 70%). Планируется только к 2015 году долю современных образцов довести до 30%, а к 2020 году - до 70%.¹² Несмотря на рост ассигнований государства на развитие вооружения и военной техники и положительные тенденции в оборонных отраслях (увеличение объемов производства, повышение уровня инновационной активности, внедрение передовых производственных технологий), не происходит ожидаемых существенных сдвигов в технической оснащенности российских войск, качестве оборонной продукции. Очевидно, что проблемы находятся в сфере формирования, размещения, финансирования и исполнения Гособоронзаказа, в реформировании ОПК.

Российский ОПК в его современном состоянии не может разработать и поставить армии и флоту весь «спектр» современных средств и систем вооружения, необходимых для обеспечения военной безопасности страны. Наиболее емкую характеристику состояния отечественного ОПК дал на правительственном часе 25 февраля 2009 г. Гендиректор ГК "Ростехнологии" С. Чемезов, получивший «в наследство» системообразующие и не самые худшие предприятия этого комплекса:

⁹ Газета «Россия», № 13, 9 апреля 2009 г.

¹⁰ Президент России. Официальный сайт. 17 марта 2009 года, стр. 1, 2.

¹¹ НВО, № 32, 21-27 сентября 2007 г.

¹² Президент России. Официальный сайт. 27 марта 2009 года, стр. 4, 6.

«Положение промышленных предприятий и научных организаций, входящих в госкорпорацию, является ... очень сложным. Общая сумма кредиторской задолженности 440 предприятий, акции которых передаются в качестве имущественного вноса в корпорацию, включая 340 предприятий ВПК, за девять месяцев 2008 года увеличилась по сравнению с прошлым годом на 13,5% и составила 625 миллиардов рублей. Финансово-экономическое состояние только 36 стратегических организаций ВПК можно признать устойчивым, около 30% организаций имеют признаки банкротства. Особенно проблемная ситуация сложилась в отрасли боеприпасов и спецхимии, в которой около 50% предприятий относится к потенциальным банкротам. За последние 4 месяца ситуация только ухудшилась. Организации ВПК, передаваемые в корпорацию, являются определяющими для создания и производства важнейших вооружений. Однако ... только 15% применяемых ими технологий соответствует мировому уровню. Основные производственные фонды изношены на 70%. Темпы обновления оборудования составляют около 3-4% в год, хотя морально устаревшее уже достигло 80%. Практически не поставлена на учет и не защищена интеллектуальная собственность, на создание которой государство затратило огромные ресурсы. Попытка создания до 2006 года на оборонных предприятиях 75 вертикально интегрированных государственных холдингов не удалась. Сформировано только 24 значимых структуры. Все указанное свидетельствует о том, что запас прочности и выживаемости ОПК заканчивается».

В целом можно сказать, что в существующем положении ОПК не отвечает современным требованиям обеспечения национальной и военно-экономической безопасности России, не вполне гарантирует ее надежную защищенность от внешних и внутренних угроз.

1.2. Военно-экономическая безопасность России.

Безопасность и военная мощь любого государства определяются в первую очередь состоянием ее экономики. Сейчас для обеспечения национальной безопасности России первостепенное значение приобретает проблема укрепления не только ее общеэкономического, но и военно-экономического потенциала (ВЭП). Исторически наблюдается долгосрочная тенденция роста военных потребностей, возрастания роли экономики в военном деле. Экономика является материально-технической основой оборонных приготовлений. При прочих равных условиях, чем выше экономические возможности страны, тем выше и ее военная мощь. Поэтому для определения оборонного потенциала страны, выявления ее экономических возможностей по обеспечению военного строительства, содержанию необходимых вооруженных сил важное значение имеет изучение масштабов, уровня развития и структуры материального производства и существующих объективных предпосылок расширения военно-экономической деятельности в случае чрезвычайных обстоятельств.

Экономика обуславливает количественный и качественный состав вооруженных сил. Через производство вооружения и военной техники (ВВТ) экономика воздействует на планы строительства вооруженных сил и способы ведения войн. В опубликованном в 2002 г. Генеральным Штабом ВС РФ военно-теоретическом труде подчеркивается, что «финансово-экономические факторы, с одной стороны, выступают в качестве материальной базы решения задачи строительства ВС, а с другой, - как ограничивающее условие, проявляющееся через предельно допустимый уровень отвлечения трудовых, интеллектуальных, материальных, финансовых и других ресурсов от сферы материального

производства.¹³ Экономическая готовность всегда играла и будет играть в будущем существенную роль в обеспечении военных усилий противоборствующих сторон. Добиваться высокой готовности экономики к отражению внешних вызовов и агрессии – задача сложная и разносторонняя и решать ее необходимо в современных условиях заблаговременно, в частности, путем создания и поддержания необходимого военного сектора национального хозяйства, обеспечивающего военно-экономическую безопасность страны.

Проблемы военно-экономической безопасности могут быть четко сформулированы и успешно разрешены только в общем контексте обеспечения национальной безопасности страны. В новой «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» (утвержденной Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г., № 539) подчеркивается, что «состояние национальной безопасности Российской Федерации напрямую зависит от экономического потенциала страны и эффективности функционирования системы обеспечения национальной безопасности».

Военно-экономическая безопасность органически включена в систему национальной безопасности. Она неотделима от безопасности экономической. Но особенно она связана с собственно военной безопасностью, составляя с ней единое целое, выступая в качестве ее подэлемента. Экономика, как известно, является материальной основой военной мощи, ее важнейшим компонентом, военный же сектор хозяйства играет роль связующего звена между экономикой и военно-экономическими потребностями государства. Военно-экономическая деятельность обусловлена интересами создания и поддержания военной мощи как инструмента обеспечения военной безопасности страны. Исходя из этого, следует подчеркнуть, что не может быть обеспечена военная безопасность без создания необходимой экономической базы и обеспечения военно-экономической безопасности государства.

Военно-экономическую безопасность можно определить как совокупность условий и факторов, обеспечивающих своевременное и надежное удовлетворение текущих и перспективных военно-экономических потребностей в размерах, достаточных для поддержания необходимого уровня обороноспособности и безопасности государства. Ее можно также охарактеризовать как способность страны в любых ситуациях парировать внешние и внутренние угрозы военно-экономического характера.

Объективной основой для выделения военно-экономической безопасности в качестве элемента (или подэлемента) национальной безопасности служит важная роль военно-экономической деятельности государства в обеспечении его военной безопасности и существование военного сектора хозяйства со всей его спецификой и закономерностями развития, особым функциональным назначением. Военно-экономическая безопасность любого государства зависит от многих факторов, но, прежде всего, от состояния и динамики развития национальной экономики в целом и особенно ее военного сектора.

Военно-экономическая безопасность государства в каждое конкретное время в решающей степени определяется качественными и количественными характеристиками, результативностью и эффективностью функционирования существующей военной экономики. Для исследования и оценки состояния военно-экономической безопасности, ее качественной и количественной характеристики могут быть использованы различные критерии и показатели. В целях качественной оценки военно-экономической безопасности предлагается применять критерии и

¹³ Основы теории и методологии планирования строительства Вооруженных сил РФ, под ред. Квашнина А.В. М., Воентехиздат, 2002 г., стр. 90.

показатели, в частности, характеризующие отдельные аспекты военно-экономической деятельности государства. К ним можно отнести:

- возможности реально функционирующей военной экономики регулярно удовлетворять текущие военно-экономические потребности, необходимые для надежного обеспечения обороноспособности государства в данное конкретное время;

- степень соответствия качественных характеристик выпускаемых в стране вооружения и военной техники современным требованиям, а также аналогичным показателям вооружения и военной техники основных геополитических соперников;

- эффективность, надежность и устойчивость функционирования военной экономики, ее способность к саморазвитию и прогрессу, разработке и производству современных сложных видов и систем оружия, к использованию экономических и научно-технических возможностей таким образом, чтобы удовлетворять военные потребности с минимальными затратами;

- потенциальные возможности военной экономики своевременно удовлетворять перспективные военно-экономические потребности государства, как в мирное время, так и при чрезвычайных обстоятельствах, при возникновении внешних и внутренних угроз различного характера;

- степень мобилизационной готовности экономики, наличие организационных, управленческих и иных возможностей для мобилизации в случае чрезвычайных обстоятельств существующего в стране военно-экономического потенциала в целях развертывания военного производства в потребных размерах и в необходимые сроки.

Для количественной характеристики военно-экономической безопасности могут быть использованы различные показатели, в том числе такие, как:

- количественные параметры созданной и поддерживаемой военно-экономической мощи государства, важнейшими из которых являются: размеры затрат на содержание личного состава вооруженных сил, количество находящихся на вооружении основных видов оружия и боевой техники, количественные характеристики созданной и используемой военно-экономической инфраструктуры, общая стоимость вооружения, военной техники и другого военного имущества и т.д.;

- абсолютные и относительные (в процентах к ВВП, в расчете на одного военнослужащего и на одного жителя страны) размеры затрат на оборону;

- количество выпускаемых в стране основных видов систем оружия, а также объем другой продукции военного назначения;

- размеры производственных мощностей предприятий оборонного комплекса, степень их загрузки, потенциальные возможности по наращиванию производства продукции военного назначения;

- численность занятых в военной экономике и в сфере военных НИОКР;

- абсолютные и относительные размеры стратегических резервов государства;

- размеры и состояние военно-экономического потенциала и основных его элементов (людских ресурсов, производственных мощностей промышленности, достижений научно-технического прогресса, инфраструктуры, природных ресурсов, сельского хозяйства и т.д.), которые определяют как возможные размеры использования ограниченных экономических ресурсов в военных целях в мирное время, так и предельно возможные границы расширения выпуска различных видов военной продукции при чрезвычайных обстоятельствах.

При анализе состояния военно-экономической безопасности по указанным критериям и показателям выясняется, что по большинству из них динамика и текущее состояние экономического обеспечения военного строительства России далеко не благоприятны. Это означает, что в современных конкретных условиях

Россия не готова при любых обстоятельствах надежно парировать внешние угрозы военно-экономического характера. Такая опасная ситуация не может не оказывать негативное влияние на военную безопасность страны. Для обеспечения военной безопасности России крайне необходимо приспособить Вооруженные силы и военную экономику к новым условиям и требованиям, создать такую военно-экономическую базу, которая способна обеспечить подготовку и ведение войн нового типа.

Опыт войн в Югославии, Афганистане и Ираке показывает, что в мире происходят кардинальные изменения в системе организации вооруженных сил и методах вооруженной борьбы. Эти изменения, с одной стороны, обусловлены появлением новых, в частности высокоточных систем оружия, а с другой, - предъявляют повышенный спрос к экономике, прежде всего, требуют создания материальной базы для подготовки и ведения войн нового типа. В этих условиях без коренной перестройки отечественного ОПК не могут быть эффективно решены сложнейшие проблемы экономического обеспечения военного строительства, оснащения армии всем необходимым для ведения новых форм военных действий, поддержания национальной безопасности России на требуемом уровне. При любых преобразованиях ОПК главным соображением остается обеспечение военно-экономической безопасности государства, своевременное и достаточно полное удовлетворение его военного спроса, текущих и перспективных потребностей вооруженных сил, особенно в высокоточных средствах ведения войн новых типов. Поэтому реформирование ОПК не может быть успешным, если оно не будет взаимосвязано с военной политикой и военной доктриной, с основными направлениями военного строительства, если заранее не будут определены его главные текущие и перспективные задачи, в частности, размеры, структура и характер платежеспособного военного спроса и конкретных Государственных оборонных заказов на ближайшие годы. Необходимо, чтобы у ОПК всегда была ясность относительно перспектив его функционирования.

В процессе реформирования российского ОПК целесообразно критически использовать опыт реформирования военной экономики ведущих западных стран, в частности США. В 90-х годах в США произошла довольно успешная реструктуризация военной промышленности. Это объясняется многими причинами, среди которых важнейшими были финансовая помощь и жесткий контроль со стороны государства, активное использование рыночного механизма и передовых методов организационного управления на микроуровне, длительный подъем американской экономики в 90-х годах. Успеху реформирования способствовал и тот факт, что корпорации в этих целях, помимо усиления концентрации военного производства путем слияний и поглощений, использовали и другие методы, в том числе диверсификацию и конверсию производства, экспорт вооружения и т.д. В результате реструктуризации военной промышленности в течение короткого времени в США возникли немногочисленные гигантские военно-промышленные фирмы, обладающие огромным опытом, финансовыми, научно-техническими и производственными возможностями для разработки и производства различной военной продукции. Существенно выросла степень концентрации и монополизации военного производства.

Чрезвычайно важно, чтобы у России была четкая военно-экономическая политика и стратегия, которая учитывала бы особенности происходящей революции в военном деле и наиболее вероятные изменения в военно-экономической деятельности в обозримом будущем в мире, стала бы основой формирования облика, размеров, структуры и системы организации ОПК, новой модели экономического обеспечения военного строительства и военно-экономической

безопасности России. Разработка военно-экономической стратегии должна опираться на четко определенные интересы национальной безопасности России, на разработанную адекватную этим интересам военную доктрину. При разработке стратегии военно-экономической безопасности необходимо учитывать многоэлементность и системность национальной безопасности, множественность и комплексность угроз, закономерности внутреннего развития военно-экономической сферы. Стратегия военно-экономической безопасности должна обеспечивать достижение основных целей в соответствии с принятой концепцией национальной безопасности и утвержденной военной доктриной, но при этом не должна подрывать другие элементы национальной безопасности (то есть учитывать возможные неблагоприятные воздействия на них), а также не должна противоречить закономерностям военно-экономического и общеэкономического развития.

В последние десятилетия под воздействием революции в военном деле, научно-технического прогресса и других факторов наблюдаются глубокие изменения в материально-технической базе военной мощи, способах экономического обеспечения военного строительства, в самом облике военной экономики. Происходят процессы трансформации военной экономики, формирования ее новой модели, принципиально отличающейся от прежней по основным качественным и количественным параметрам, системе организации и управления, формам взаимосвязей с военной организацией государства, общей экономикой и другими областями общественной деятельности. Все это ведет к формированию новой парадигмы военной экономики. Для обеспечения прорыва в развитии российского ОПК с учетом современных требований парадигмы военной экономики необходимы комплексные меры. Требуется разработка теоретически обоснованной новой модели реформирования ОПК, трансформации военной экономики, одним из центральных элементов которой является формирование военно-экономической стратегии и политики государства. По нашему мнению, такая модель должна учитывать решение следующих ключевых задач:

- оценить необходимые для надежной обороны страны текущие и перспективные военно-экономические потребности;
- выявить наиболее рациональные пути реформирования ОПК, оптимизации его размеров и структуры, адаптации к новым условиям и требованиям;
- разработать новые, адекватные рыночным условиям, принципы организации военно-экономической деятельности, принимать действенные меры для превращения ОПК в более компактный и устойчиво функционирующий сектор экономики. Концентрировать ограниченные ресурсы для производства ВВТ на наиболее перспективных и рентабельно работающих предприятиях;
- путем эффективного использования Гособоронзаказа, финансирования наиболее перспективных и капиталоемких программ разработки и производства перспективных видов ВВТ стимулировать консолидационные процессы в ОПК, создание крупных интегрированных предприятий, схожих по возможностям с западными военно-промышленными корпорациями;
- особое внимание уделять созданию финансово-экономических, нормативно-правовых и иных условий для модернизации научно-технической и производственной базы ОПК, построению инновационной военной экономики; повышению возможностей для разработки и производства перспективных образцов вооружений, необходимых для ведения вооруженной борьбы современными методами;
- искать пути повышения эффективности использования уникального научно-технического потенциала оборонно-промышленного комплекса в целях модернизации и ускорения развития общей экономики, укрепления

общеэкономического потенциала страны, а тем самым и экономической базы военной мощи;

- повысить роль государства в управлении военной экономикой. Завершить создание адекватного рыночным условиям механизма государственного регулирования военно-экономической деятельности. Оптимально сочетать административно-правовые и финансово-экономические рычаги для регулирования военно-экономической деятельности;

- стимулировать усиление интеграции военного и гражданского секторов экономики как важного направления рационализации военно-экономической деятельности. Использование этого направления в России особенно важно в связи с тем, что, во-первых, до сих пор наиболее передовая технология сконцентрирована преимущественно в ОПК; во-вторых, российская гражданская экономика существенно отстает от современного мирового уровня технического и технологического развития.

Главная цель разработки и практической реализации научно обоснованной военно-экономической политики и стратегии должна заключаться в том, чтобы найти рациональные пути решения комплекса сложнейших военно-экономических проблем, создания ОПК, отвечающего современным требованиям обеспечения национальной и военно-экономической безопасности России.

Сложившаяся экономическая ситуация связана с большими негативными последствиями для национальной и военно-экономической безопасности России. Для ликвидации этой опасности и обеспечения высоких и устойчивых темпов экономического роста необходимо проводить структурные сдвиги в российской экономике. Но такие изменения, к сожалению, в ней происходят чрезвычайно медленно. Модернизация и изменение структуры российской экономики могут быть достигнуты только путем осуществления целенаправленных государственных мер, направленных на рост инвестиций в несырьевой сектор, обеспечение опережающих темпов развития отраслей обрабатывающей промышленности, усиление их конкурентоспособности на мировых рынках.

Для повышения конкурентоспособности отечественной экономики необходимо, прежде всего, кардинально перестроить ее структуру. В современной трактовке структурная политика определяется как система мер со стороны государства и бизнеса, направленная на повышение в структуре хозяйства доли высокотехнологичных отраслей с высокой добавленной стоимостью, конкурентоспособных на внутреннем и мировом рынках.

Участие России в глобализации экономики не должно ограничиваться только экспортом топлива, сырья и вооружений. Чрезвычайно важно разнообразить и существенно усилить экспортный потенциал страны. Это сложнейшая стратегическая задача может быть решена путем ускоренного развития перерабатывающих отраслей промышленности, ее реструктуризации.

В целях исправления диспропорций в экономике необходимо больше государственных усилий, в частности, для сокращения зависимости от нефти и газа, что дает стране возможность стать менее уязвимой к изменениям мировой конъюнктуры. Для модернизации и структурной перестройки российской экономики необходимы огромные инвестиции. В течение последних лет сохранялась высокая доля промышленных предприятий, в том или ином объеме осуществляющих инвестиции в основной капитал. При этом для подавляющей части промышленных предприятий приоритетным направлением инвестирования в основной капитал пока является замена изношенной техники и оборудования, что не оказывает существенного влияния на обновление производственного аппарата. Такой характер инвестиций объясняется тем, что по-прежнему на российских промышленных

предприятиях сохраняется преобладание основных фондов с высокой степенью морального и физического износа. Главным источником инвестиций в основной капитал являются собственные финансовые ресурсы промышленных предприятий. Кредитами на эти цели воспользовались около трети предприятий, бюджетными средствами - менее 10%. Невысока доля (3%) предприятий, привлечших иностранные инвестиции.¹⁴

В последние годы растут иностранные инвестиции в российскую промышленность. У иностранных инвесторов сохраняется и даже усиливается интерес главным образом к традиционным отраслям добывающей промышленности, на долю которых приходится более 3/5 от общего объема иностранных инвестиций в российскую промышленность.

Существующие объемы, характер и отраслевое распределение внутренних и иностранных инвестиций недостаточны для обеспечения необходимых темпов модернизации и диверсификации российской экономики, ослабления ее сильной зависимости от углеводородного сырья. Для решения этих важных и сложных для России проблем необходимо добиваться существенного увеличения капиталовложений, причем, прежде всего, в инновационные отрасли материального производства, предполагающие стимулирующее освоение в стране высоких отечественных и иностранных технологий и принципиально новых видов машин и оборудования.

Сейчас инновационные стратегии предприятий, в том числе предприятий ОПК, направленные на обновление производственных технологий и выпускаемых товаров, приобретают исключительную важность. В конкурентной борьбе фирмы добиваются преимущества, находя новые способы конкуренции в своей отрасли и выходя с ними на рынок единственно возможным путем - путем инноваций. К концу прошлого столетия стало очевидным, что основы устойчивого экономического роста определяются уровнем развития и динамизмом инновационной сферы - науки, наукоемких отраслей и компаний, мировых рынков технологий. Инновации представляют собой материализованные научные и технические идеи, получившие признание на потребительских рынках. В рамках национального хозяйства многих стран возникли принципиально новые структуры - инновационные системы, в которых постоянно и непрерывно зарождаются и реализуются кластеры новых научных и технических идей. Научно-технический прогресс, инновационная деятельность изменили не только масштабы и структуру экономики индустриально развитых стран, но оказали большое влияние на качество жизни.

В новом десятилетии постепенно нарастает инновационная активность в ОПК России, причем темпами, превышающими соответствующие показатели по промышленности в целом. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики о технологических инновациях предприятий и организаций за 2003 год, к инновационно-активным¹⁵ относилось каждое третье предприятие оборонных отраслей, в то время как в среднем по промышленности только каждое десятое предприятие могло быть отнесено к инновационно-активным.¹⁶ По данным экспертных опросов руководителей предприятий ОПК, проводимым в конце 90-х годов, удельный вес инновационно-активных предприятий в общем объеме предприятий ОПК оценивался лишь в 22%. 78% предприятий были отнесены к

¹⁴ "Общество и экономика", 2004 г., № 1, стр. 24, 28-29.

¹⁵ К инновационно-активным предприятиям относятся предприятия, имевшие в течение последних трех лет завершенные инновации, т.е. новые продукты, реализуемые на рынке, или новые производственные процессы, внедренные в практику.

¹⁶ Россия: экономическая конъюнктура. 2004. (Центр экономической конъюнктуры при Правительстве РФ). М., декабрь 2004 г., Выпуск 4, стр. 61.

"неинновационным" предприятиям.¹⁷ Причем 4% составляли инновационно-активные предприятия международного уровня и 18% - российского уровня. При этом лишь на 17% инновационно-активных предприятий мирового уровня (или на 0,01% всех предприятий ОПК) материально-техническая база соответствовала мировым стандартам. Доля инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции предприятий ОПК составила в 2003 году более 10%, а соответствующая доля в отгруженной за рубеж продукции - свыше 20%. Основным производителем и экспортером инновационной продукции является авиационная промышленность. Наиболее высокий удельный вес инновационной продукции в объеме производства и экспорта отмечен в промышленности средств связи, что соответствует мировым тенденциям. Главным источником финансирования инновационной деятельности в ОПК РФ являются сегодня собственные средства предприятий - 71%. Федеральный бюджет обеспечивает лишь 15,2%, что, однако, более чем в 7 раз выше, чем по промышленности России в целом. Зарубежные инвестиции не имеют широкого распространения ни в ОПК (0,1%), ни в промышленности в целом - 1,4%.

Сейчас становится все более ясным, что XXI век будет веком экономики знаний, которые станут главным фактором экономического роста и основой благополучия человечества. Однако это произойдет только в том случае, если получат необходимое развитие и распространение инновационные механизмы, обеспечивающие превращение результатов фундаментальных и поисковых исследований в конкретные, экономически эффективные и востребованные продукты, услуги или технологии.

Исходя из того, что наступивший век будет веком экономики, основанной на знаниях, большинство индустриальных стран мира поставило перед собой стратегическую цель - обеспечить инновационный путь развития экономики.

Россия находится на этапе становления национальной инновационной системы. В этих условиях чрезвычайно актуальным становится изучение и систематизация зарубежного опыта инновационного развития. Опыт зарубежных стран показывает, что следование по инновационному пути развития экономики, в том числе военной, требует огромных капиталовложений, прежде всего, на проведение крупномасштабных исследований и разработок и доведения их результатов до практического применения в промышленности, создания условий для эффективного функционирования инновационного рынка.

Россия, как и большинство индустриально развитых стран мира, ставит перед собой в качестве стратегической цели переход на инновационный путь развития. Разработанная правительством «Стратегия социально-экономического развития России до 2020 года», по сути, является политическим решением о переводе российской экономики с инерционного сценария на инновационный путь развития. Одним из главных механизмов реструктуризации экономики России, ее модернизации и устойчивого подъема должна стать национальная инновационная система.

В инновационном развитии экономики ключевую роль играют НИОКР. Поэтому большинство индустриально развитых стран мира стремятся довести национальные расходы на НИОКР до уровня 3% ВВП. Некоторые страны уже успешно справляются с этой задачей. Например, в 2001 г. доля затрат на НИОКР в ВВП США составила 2,71%, Германии - 2,53%, Франции - 2,2%, Канады - 1,94%, Великобритании - 1,85%. В России удельный вес расходов на НИОКР в ВВП в 2001 году равнялся всего лишь 1,16%.¹⁸

¹⁷ Витебский В.Я., Косалс Л.Я., Кузнецов М.И., Рывкина Р.В., Симагин Ю.А. Оборонные предприятия России во второй половине 2000 года: ВПК, государство и общество. М., 2000 г., стр. 64.

¹⁸ Science and Engineering Indicators. 2004, p. 4-5.

В перспективе можно ожидать дальнейшее повышение наукоемкости, т.е. расширение масштабов научной и инновационной деятельности относительно ВВП или стоимости продукции отдельных отраслей и компаний многих стран. По прогнозным данным ИМЭМО РАН, до 2020 г. для группы наиболее развитых стран возможно небольшое наращивание или стабилизация показателей наукоемкости ВВП (см. табл. 3).

Таблица 3. Прогноз финансового обеспечения науки ведущих стран и регионов мира (расходы на НИОКР к ВВП), %

Годы	США	Япония	ЕС-15	ЕС-25	Россия	Индия	Китай
1995	2,51	2,7	1,80	1,72	0,97	0,90	0,61
2000	2,72	2,9	1,89	1,80	1,05	0,95	1,01
2005	2,72	3,2	1,97	1,87	1,25	1,45	1,51
2020	3,0	3,5	2,3	2,2	2,25	2,40	2,5

Источник: *Мировая экономика: прогноз до 2020 г. М., Магистр, 2007 г., стр. 90.*

Как видно из таблицы 3, опережающие темпы роста затрат на НИОКР в Китае и Индии приведут к существенному сближению их показателей наукоемкости с показателями развитых стран. При сохранении современных тенденций они существенно опередят Россию.

Для анализа тенденций ресурсного обеспечения НИОКР отдельных стран важно учитывать не только удельный вес этих расходов в ВВП, но и абсолютные размеры этого важнейшего показателя, которые существенно различаются по странам.

Особенно важную роль НИОКР играют в развитии военного сектора экономики. После окончания холодной войны расходы на военные НИОКР в мире несколько сократились. Например, в США эти расходы уменьшились (в постоянных ценах 2007 фин. года) с 53,0 млрд. долл. в 1990 г. до 43,3 млрд. долл. в 2002 г. В западноевропейских странах наблюдалось сокращение расходов на военные НИОКР. Например, с 1990 г. до 2000 г. эти расходы во Франции сократились с 5,6 млрд. долл. до 2,8 млрд. долл., в ФРГ - с 2,1 млрд. долл. до 1 млрд. долл. Особенно резко сократились в абсолютных и относительных размерах военные НИОКР России, доля которых в военном бюджете страны упала с 19,7% в 1990 г. до 9,3% в 1999 г.

Однако и после окончания холодной войны ведущие страны мира продолжали выделять значительные суммы на совершенствование и разработку новейших видов военной техники. С конца же 90-х годов начался новый виток увеличения мировых расходов на разработку перспективных систем оружия, особенно на авиационную технику. С тех пор в ведущих западных странах наблюдается тенденция увеличения расходов на военные НИОКР.

Наибольший размах военные НИОКР получили в США. На превращение США в крупнейшую и самую мощную военно-технологическую державу мира огромное влияние оказали существующие в течение многих десятилетий военно-политические установки о необходимости поддержания военно-технологического превосходства над другими странами мира. В официальных документах Пентагона постоянно подчеркивается роль военно-технического превосходства. Эти доктринальные установки всегда поддерживались и поддерживаются выделением крупномасштабных средств на развитие военной науки, разработку и использование новейших технологий для создания и совершенствования все более эффективных средств вооруженной борьбы. Если расходы на военные НИОКР в 2000 финансовом году составили 43,3 млрд. долл., то в 2007 финансовом году они выросли до 71,9 млрд. долл., а их удельный вес в общих расходах Пентагона - соответственно с

12,6% до 16%. По уровню затрат на НИОКР США превосходят другие ведущие страны мира. На долю США приходится 2/3 мировых расходов на военные НИОКР. Четко прослеживается тенденция увеличения наукоемкости военного производства. Так, в первые годы нового столетия процентное отношение затрат на НИОКР к затратам на закупки ВВТ в среднем составляет около 80%, в то время как в 70-80-х годах прошлого века этот показатель равнялся примерно 9-10%. Военно-политическое руководство США огромное внимание уделяет использованию научно-технического прогресса и инновационных процессов для усиления военной мощи страны, модернизации военно-промышленной базы страны.

В последние годы военные НИОКР, после некоторого сокращения в 90-х годах, заметно растут и в западноевропейских странах. По некоторым оценкам, европейские страны выделяют на военные НИОКР 10 млрд. евро, а в США расходы достигают 70 млрд. евро. Расходы на техническое оснащение в пересчете на одного военнослужащего в США составляют 80 тыс. евро, в Европе - 20 тыс. евро. Руководители крупнейших европейских компаний считают, что Европе следует увеличить расходы на военные НИОКР.

Долгосрочная тенденция увеличения расходов на военные НИОКР наблюдается в Китае. Эти расходы выросли с 300 млн. долл. в 1990 г. до 800 млн. долл. в 2000 г. и до 1800 млн. долл. в 2004 г. Китай большое внимание уделяет укреплению научно-технического потенциала и военно-промышленной базы страны, созданию условий для разработки и производства новейших образцов вооружения и военной техники. Пекин стремится стать крупнейшим экспортером оружия, в том числе за счет приобретенных в России технологий. Военные НИОКР заметно растут, как видно из таблицы 3, и в России, однако наши расходы в абсолютных и относительных размерах значительно уступают соответствующим показателям США и других западных стран. Например, процентное отношение затрат на НИОКР к затратам на закупки ВВТ в военном бюджете России в 2009 году составляет всего лишь 28,7% (в США около 80%).

Существенную роль в обеспечении инновационного развития экономики западных стран играет созданная в этих странах инновационная инфраструктура. В США и других западных странах сложилась и непрерывно совершенствуется мощная, развивавшаяся в течение десятилетий и хорошо финансируемая система промышленных, исследовательских, учебных и других организаций и учреждений, которые занимаются проведением НИОКР. Ускорению инновационных процессов в значительной степени способствует формирование международной научно-технической базы, особенно в военной промышленности.

Для обеспечения инновационного пути развития экономики России необходимо решить ряд основных задач. Прежде всего, целесообразно довести общий объем национальных расходов на НИОКР до 3% от ВВП, причем преимущественно за счет государственного стимулирования инвестиций частного сектора. Важное значение имеет выполнение поставленной Правительством задачи повысить долю инновационной высокотехнологичной продукции в общем объеме реализации промышленной продукции до 15%, а в экспорте до 20% в 2010 году.¹⁹ Необходимо также обеспечить совершенствование нормативно-правовой базы научной, научно-технической и инновационной деятельности; адаптировать научно-технический комплекс к условиям рыночной экономики; обеспечить взаимодействие государственного и частного сектора в целях развития науки, технологий и техники; добиться рационального сочетания государственного управления и рыночного механизма, мер прямого и косвенного стимулирования научной, научно-технической

¹⁹ «Российская газета», 19 ноября 2004 г, с. 1-2.

и инновационной деятельности при реализации приоритетных направлений развития науки, техники и технологий.

В мае 2009 г. президент Д. Медведев признал неудовлетворительной ситуацию с внедрением инноваций на промышленных предприятиях и с качеством научных исследований. Среди причин такого положения дел он назвал неэффективную организацию труда, устаревшую материально-техническую базу, крайне низкий уровень инвестиций в научные разработки. Президент подчеркнул, что «Несмотря на правильные программные установки, никаких существенных изменений в технологическом уровне нашей экономики не происходит. И это особенно очевидно в период глобального финансово-экономического кризиса».²⁰

Директор ИМЭМО РАН А. Дынкин пишет, что «в мире существует опыт интегральных сопоставлений национальных инновационных систем – инновационные табло. Мы делали такие оценки по методике ЕС. К сожалению, Россия находится недалеко от группы отставших стран. США – в группе лидеров, но на 5-6-м месте. Лидер мирового списка – Швейцария. Китай – в группе инновационных преследователей».²¹

Для нашей страны одна из приоритетных задач должна заключаться в том, чтобы обеспечить прорыв в развитии высоких технологий, в частности, информационных. В этих целях важное значение имеет развитие механизмов частно-государственного партнерства в приоритетных секторах, обеспечивающих появление прорывных технологий и продуктов и их коммерциализацию на глобальном рынке.

В XXI веке успех развития экономики любого государства предопределяется способностью страны задействовать не только внутренние, но и внешние источники роста, активно участвовать в процессах глобализации. В этих условиях решающее значение приобретает правильный выбор ниши, которую государство может занять в мировом разделении труда.

Россия всегда была одним из ведущих субъектов исторического процесса. Несмотря на геополитическое отступление на многих стратегических направлениях и утрату ряда позиций на мировой арене в последние два десятилетия, Россия объективно сохраняет параметры великой державы, обладая обширной территорией, богатыми природными ресурсами, населением с высоким интеллектуальным потенциалом, историческими традициями державности, а также значительным военным, в первую очередь ядерным, потенциалом.

Следует ожидать, что после выхода из финансово-экономического кризиса у нас сохранятся высокие темпы экономического роста. В разработанной нашим Правительством стратегии социально-экономического развития России до 2020 года предусматривается существенный рост экономического потенциала страны. По прогнозным данным ИМЭМО РАН, общий объем ВВП России вырастет (в ценах 2005 г.) с 1560 млрд. долл. в 2005 г. до 3750 млрд. долл. в 2020 г. При этом надо иметь в виду, что начавшийся в 2008 г. мировой финансовый кризис может внести некоторые коррективы в этот прогноз.

Финансовый кризис заметно ухудшил производственную деятельность не только предприятий ОПК России, но и крупнейших компаний авиакосмической и оборонной промышленности западных стран. Несмотря на увеличение продаж, в первом квартале 2009 г. финансовые показатели 20 крупнейших в мире компаний авиакосмической и оборонной промышленности ухудшились: их совокупная прибыль

²⁰ «Независимая газета», 18 мая 2009 г.

²¹ «Финансовые Известия», 23 марта 2009 г.

снизилась на 12%, а ее доля в обороте – на 13,9%. Что касается прироста продаж, то он составил только 1,7% против 10% в первом квартале 2008 г.²²

Рост ВВП России сопровождается укреплением экономических основ национальной безопасности страны. Такой рост позволил за последние годы значительно увеличить расходы на военные цели, в том числе на развитие оборонно-промышленного комплекса страны. Дальнейший рост экономического потенциала России создает предпосылки для необходимого увеличения затрат на Вооруженные силы и реформирование ОПК.

Сейчас важнейшим вопросом является повышение эффективности использования выделяемых на оборону финансовых ресурсов. Для решения этой проблемы прежде всего необходимо с максимальной точностью определить основные цели и задачи военного строительства, которые должны основываться на «Стратегии национальной безопасности» и Военной доктрине государства.

Чрезвычайно важно, чтобы на основе реалистической оценки существующих вызовов и угроз были разработаны новые научно обоснованные: концепция национальной безопасности, военная и военно-экономическая политика и стратегия, учитывающие особенности современных геостратегических условий, происходящей революции в военном деле и наиболее вероятные изменения в экономической и военно-экономической деятельности в обозримом будущем в мире, которые стали бы надежной основой разработки планов военного строительства, формирования облика, размеров, структуры и системы организации ОПК, создания новой модели экономического обеспечения национальной и военно-экономической безопасности России.

²² БИКИ, № 108, 22 сентября 2009 г.

Глава 2. Модернизация российской экономики как необходимая предпосылка укрепления национальной безопасности и повышения обороноспособности страны

2.1. Задачи, ресурсы и ограничители модернизации

Современное состояние российской экономики, в том числе военной экономики, сферы национальной безопасности, оборонно-промышленного комплекса (ОПК), вооруженных сил, возникшие в последнее время проблемы с экспортом ВВТ заставляют с особым вниманием отнестись к вопросу модернизации всего хозяйственного комплекса страны. РФ может действительно стать «великой державой», одним из ведущих полюсов многополюсного мира с достаточным запасом прочности в плане национальной безопасности и ее главных составляющих только с переходом от «сырьевого» к «интенсивному», инновационному типу развития. Причем промедление с этой трансформацией чревато самыми негативными последствиями. Одна из важных причин неотложности реформ для РФ – наличие многих традиционных и резкий рост новых угроз и вызовов в условиях повышения уровня глобальной (очень жесткой) конкуренции, нестабильности в экономике и сфере безопасности.

Решительные практические, хирургически выверенные шаги модернизационных реформ должны предприниматься даже несмотря на сегодняшний кризис, объективно тормозящий развитие, усиливающий консервативные, «охранительные» тенденции, дабы исключить потерю базовой для России ценности – социально-экономической стабильности, без чего будут невозможны уже никакие реформы. Совершенно не случайно именно сейчас столь пристальное внимание уделяется отработке безопасных и эффективных сценариев, подходов, «дорожной карты», «генеральной линии» по переводу России, ее экономики, общества на новые рельсы развития, вписыванию их в глобальную систему хозяйствования.

В 2006-2009 гг. в соответствии с поручением Президента России по итогам заседания Госсовета РФ 21.07.2006г. разрабатывалась «Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 г.», дополненная рядом национальных проектов, федеральных целевых программ, отраслевых концепций и стратегий развития, прогнозных материалов (разумеется, уточненных с поправкой на кризис). В мае 2009 г. принята «Стратегия национальной безопасности РФ», в которой перспективам развития России, проблемам национальной безопасности, инновационной модернизации уделено особое место. Впервые «невоенная» безопасность страны по своей значимости была поставлена на один уровень с военной, если не выше. В этих документах и материалах вопросам комплексного, в том числе военного и военно-экономического обеспечения национальной безопасности страны как основополагающего условия развития РФ в современном мире придавалось особое, «сакральное» значение.

«Концепция-2020» может рассматриваться и как своего рода заявка России на участие в формировании нового мирового порядка (НМП) и на роль одного из лидеров мирового развития, как «сигнал», посланный другим главным игрокам на международной арене. Им предлагается «привыкать» к новому качеству России, не сводимому к роли «страшилки» и энергодонора, - и соответственно взаимодействовать с ней должным образом. Надо сказать, что у мирового сообщества, в первую очередь у Запада, имелись определенные иллюзии относительно возможностей существенной корректировки курса политики РФ, внешней и внутренней, в своих интересах, ее возвращения в первую половину 90-х в

результате президентских выборов в России в 2008 г. и перестановок в структурах верховной власти. И в последние два года на Россию оказывается беспрецедентное давление извне. Поняв сегодня, что отката в прошлое не следует ожидать, Запад по ряду позиций (отнюдь не по всем, например, это не касается «мягкой» экспансии НАТО на постсоветское пространство) весьма прагматично «отыгрывает назад».

Сыграло свою роль и нарастающее ухудшение ситуации в мировой экономике, политике, сфере безопасности. Иметь в этих условиях РФ в качестве жесткого оппонента для Запада неприемлемо. Фактически Западом подтверждена готовность совместно работать с Россией по ключевым региональным и глобальным вопросам. И это отражает понимание реальных перспектив восстановления Россией мощи и влияния в мире. Что дало основание американскому разведсообществу оказать «большую честь» и записать РФ в число главных «угроз» (а в большей степени вызовов) национальным интересам США.

Получившую широкую известность «эпитафию» вице-президента США Дж. Байдена по поводу будущего России, ее совокупной мощи, технологического и военного потенциала вряд ли следует всерьез рассматривать как ожидание на Западе скорого заката России, коллапса ее экономики и государственности. Всем прекрасно понятно, что на самом деле происходит неизбежное смещение геополитического центра мира из Евроатлантики в Евразию, где РФ уже в силу своего местоположения должна играть ключевую роль. И в стратегических интересах того же Запада не слабая, усыхающая (в том числе «с чужой помощью») Россия, а сильный игрок на международной арене, способный реально поддерживать глобальный и региональный геополитический баланс. Но то, что РФ сегодня дает действительный повод для подобных нелицеприятных «мыслей вслух» и их живого обсуждения в международной политической и аналитической среде – факт безусловный и безрадостный.

Разумеется, РФ сможет воспользоваться предоставленным ей шансом занять подобающее место в мире только в случае правильного выбора вектора развития и сценария грядущих реформ. Особо важно, чтобы выбранный сценарий был не только «современным», как сейчас говорят, «продвинутым», но и фактически реализуемым на практике, с учетом всех имеющихся у России ресурсов, ограничителей, внешних и внутренних, готовности российского общества к осуществлению модернизационного рывка, а у мирового сообщества – понимания необходимости по крайней мере не оказывать этому противодействия (в своих же, заметим, интересах). Иными словами, эффективными модернизационные реформы будут только при соединении групп самых разнообразных факторов. Среди которых – реалистичность, предсказуемость, привлекательность, не только инвестиционная, но и имиджевая; обеспеченность совокупностью ресурсов и условий, поддержка со стороны государства и его активное практическое присутствие в модернизационных проектах, стабильность; популярность в обществе и востребованность им; отсутствие негативных импульсов со стороны мирового сообщества, его влиятельной и наиболее развитой части.

Существенной особенностью настоящего и тем более будущего времени является то, что оборонная деятельность, сфера ОПК все в большей мере зависит от состояния экономики и общества в целом. И все менее носит обособленный, как прежде, анклавный характер, отгородясь спецпредприятиями, спецтехнологиями, спецкадрами. И это не только привычная, но отнюдь не менее болезненная проблема раздела бюджета на «пушки и масло». Хотя в условиях рынка и открытой конкуренции за финансовые ресурсы, заказы, квалифицированные кадры и т.д., особенно при их резком дефиците, она только усилилась. Современная «военная» и «гражданская» экономика находятся в состоянии теснейшего взаимодействия,

взаимопроникновения, подпитывают и взаимодополняют друг друга. Соответствующая запросам сегодняшнего дня конкурентоспособная экономическая база – это не только основа совокупной мощи страны, развития ОПК, все более высокотехнологичных вооруженных сил и управления ими. В окружающем мире наряду с реальной мощью государства особую роль играет и его виртуальная мощь, общий имидж на международной арене. Они складываются из многих «восприятий», но прежде всего учитывают достижения в сфере экономики, технологий, «здоровый тонус» общества и его мотивированность к дальнейшим преобразованиям, а также и «права человека», ответственное поведение на международной арене и другие факторы.

Надо сказать, что проблема совершенствования национальной безопасности (НБ) значительно шире проблемы повышения обороноспособности; военная компонента – лишь составная, пусть и очень важная часть национальной безопасности России. В последнее время, наряду с ростом значимости военной компоненты, отметим и очень осязаемое усиление внимания к «невоенным» аспектам НБ. Причем как при непосредственном осуществлении внешней и оборонной политики страны, так и в функционировании государства, экономики, общества в целом. Например, это относится к экономической, технологической, информационной, демографической безопасности, без чего, например, не может идти речи и об успешном развитии и совершенствовании оборонного комплекса РФ, комплектовании ВС, тем более в их «инновационном» варианте. Особо подчеркнем следующее: развитие невоенной составляющей, при правильном ее использовании, способно снять часть, причем существенную, нагрузки с собственно военной сферы, облегчить для нее как условия функционирования, так и проведения всесторонней модернизации.

В силу всего этого при планировании средне- и долгосрочных модернизационных реформ, например, на 2020 и более поздние годы, важно осознавать, что они должны носить комплексный характер, то есть развитие экономической и технологической сфер не может (да и не способно) проходить в отрыве от сфер безопасности и благосостояния общества (материального, морального, правового), тем более сколь либо продолжительное время осуществляться за их счет. При таком «разноскоростном» режиме реформы не имели бы надежных «фундамента и крыши» – и значит все может «неожиданно» пойти вразнос.

Таким образом, существенная особенность экономики РФ в предстоящие годы – необходимость решения одновременно трех основных задач: качественной модернизации экономики (причем в условиях кризиса и его преодоления); по крайней мере сохранения, а по возможности улучшения материального, морально-психологического положения населения; обеспечения комплексной, не только военной, национальной безопасности РФ. И это не выбор между тремя задачами, невыполнение одной из них не позволит решить и другие, более того, приведет к дестабилизации не только в экономике, но и в других сферах.

Попробуем определить стартовые позиции российских модернизационных реформ. Что происходит с сегодняшней Россией, каковы современное состояние и динамика развития ее экономики и общества, особенности, сильные и слабые стороны, ограничители, внешние и внутренние? От ответа на данный круг вопросов в решающей степени зависит, какой вариант, сценарий модернизации может быть задействован, какой из них сработает. Если уже сегодня существует достаточная ресурсная (в широком понимании) база, достигнуты нужная траектория развития, благоприятная международная среда, устоялись и доказали результативность стимулы, обеспечены стабильность, прочностный запас реформ, в том числе

социально-политический, то можно действовать, всецело используя рыночные механизмы саморегуляции. В основном совершенствуя, наращивая и закрепляя достигнутое, осуществляя «тонкую самонастройку».

А если это в корне другой случай, причем сроки исполнения и ресурсы ограничены? И нужно еще разбирать бурелом проблем, приобретенных по наследству или возникающих сегодня, в ходе текущего кризиса. Последний спутал карты, поменял прогнозы и планы, включая планы реформирования, наложил дополнительные ограничители и, скорее всего, будет напоминать о себе на протяжении всего следующего десятилетия. Тогда придется создавать, конструировать во многом новые подходы, условия, «климат» реформ, отчасти иным будет даже образ реформатора страны. Тем более для «прорывной», кардинальной, инновационной модернизации, в качестве которой и заявлены, например, «реформы 2020» или «прогноз 2025-30».

А это уже совершенно другой, мобилизационный в своей основе сценарий. Факторы, «детали конструктора» могут быть те же самые, но при принципиально иной организации, в других компоновке и пропорциях, наборе и очередности решаемых задач, с приоритетным задействованием иных стимулов, методов и средств, корректировкой целей. Это как раз случай нынешней России, причем в реальных обстоятельствах, с учетом «нагрывшего» кризиса, мобилизационный проект - наиболее возможный в качестве базового даже не для осуществления реформ, а хотя бы для сохранения статус-кво в быстро (не обязательно в нашу пользу) меняющемся мире. Да, «вода холодная», но плыть все равно придется, поскольку через несколько лет плыть уже будет некуда и незачем. Подчеркнем, что мобилизационный сценарий – это не «опричнина» и «шарашки», в условиях инновационной модернизации XXI века их эффективность заведомо отрицательна. К тому же это бы превратило Россию в «страну-изгоя», заблокировало бы для РФ доступ к международным источникам инноваций и технологий, без чего в современной России модернизация абсолютно неосуществима.

В связи с этим особо укажем, что мобилизационный сценарий неверно было бы представлять как «левый» проект. Так, в 90-е годы некоторые влиятельные бизнес-круги в России предлагали свой по сути мобилизационный вариант реформ, причем жесткий и авторитарный. По которому, правда, в жертву реформам приносились сфера национальной безопасности РФ и насущные интересы большей части российского общества. Это, помимо всего прочего, могло стать причиной тотальной дестабилизации и социальных потрясений, а тогда было бы уже совсем не до реформ. Что в итоге, похоже, и было принято в качестве главного контраргумента данного ультралиберального проекта. С учетом вышесказанного особо отметим, что мобилизационный сценарий является таковым вне зависимости от «идеологической подкладки», цветов знамен на флажках реформаторов – либеральных, консервативных, социал-демократических. Это будет разная мобилизация – но в любом случае все же именно мобилизация. Главное, чтобы на смену «коллективизации» в ней не объявился некий вариант «пиночетизации».

Реальный и реализуемый на российской почве модернизационный план должен сочетать в своем арсенале набор различных экономических, административных, моральных стимулов, мотиваций («дело без веры мертво»). Подчеркнем, это именно их сочетание в рациональном взаимодействии, а не подмена одного другим. Например, сегодня уже очевидно, что одних только рыночно-монетарных методов явно недостаточно для проведения социальной политики, мероприятий в области демографии, здравоохранения, образования. Да и экономику «голый» рынок больше пугает, чем стимулирует. Амбициозные долговременные планы модернизации особо чувствительны к такому базовому

фактору, как обеспечение стабильности, безопасности, внешней и внутренней. «Без порядка нет свободы» - этот девиз должен стать одним из главных, по крайней мере на первом этапе реформ. Тут очень важна роль государства и его участие (не только косвенное – как «ночного сторожа», но и прямое) в процессах модернизации. Разумеется, при кардинальном повышении эффективности всей властной вертикали, что само по себе является очень непростой проблемой, иначе вся затея даст результат, прямо противоположный задуманному. Делаемые сегодня с высоких трибун заявления о сокращении роли государства «по окончанию кризиса» будут неизбежно скорректированы требованиями, предъявляемыми модернизационным проектом, когда он станет реально воплощаться в жизнь.

Чрезвычайно важна и системообразующая роль крупного бизнеса, в том числе находящегося под контролем государства, в экономике и общественной жизни РФ, в глобальной конкуренции, о чем как-то подзабылось за разговорами о поддержке малого и среднего бизнеса. Свою нишу в процессе инновационной модернизации по праву должен занять (при всех имеющихся в нем проблемах) комплекс оборонно-ориентированных отраслей как средоточие технологического потенциала и «локомотив» экономики, через систему инвестиций и госзаказов (не только чисто военного характера), экспорт высокотехнологичной продукции и т.д. Ясно, что в кризисных и послекризисных обстоятельствах более жесткими могут быть и условия для осуществления модернизации, и некоторые меры, принятие которых будет сочтено безотлагательным.

Авторы всякого рода «стратегий» и «концепций» и некоторые политические круги излишне оптимистично оценивали (причем делали это и до наступления нынешнего кризиса, и с его приходом) современное состояние российской экономики и общества как базы для предстоящих реформ (вспомним пресловутый тезис «Россия – остров стабильности»). И наоборот принижали, по крайней мере, публично, трудности и ограничители, которые имеются на пути модернизационных преобразований. Это касается в первую очередь недооценки дефицита требуемых ресурсов (кадры, технологии, участие в международном разделении труда, наличие инновационной среды и т.д.). При, заметим, абсолютизации фактора финансовых накоплений - «денежного мешка» и упрощенном подходе к возможности их конвертации в иные факторы и ресурсы реформ («все можно купить»), а также в конечный результат реформ. Хотя неэффективность современной российской экономики, инвестиций в нее (известный тезис «половину разворуют - половину используют неэффективно») заведомо ставили под сомнение реализуемость многого из предначертанного без решения в самые сжатые сроки существенных рамочных задач. Сегодня важно, однако, не впасть в иную крайность: в констатацию многочисленных сложнейших проблем, «освежаемую» правильными, но по сути формальными призывами, что окончательно деморализует общество и даст прекрасный повод зарубежью для давления на Россию в целях обеспечения собственных интересов.

Между тем, негативные тенденции 90-х годов в российской экономике и обществе отнюдь не были преодолены, по ряду параметров они даже усугублялись на протяжении всего нынешнего десятилетия. О чем со всей откровенностью говорил недавно Президент РФ Д.Медведев в своей получившей широкую известность интернет-статье «Россия, вперед!». Вызывает серьезное беспокойство состояние экономики и техносферы РФ как базы для осуществления инновационных реформ. Значительный вклад в похвальный рост экономики в «тучные» годы вносили рост цен на товары (прежде всего энергосырьевого экспорта) и услуги и скрытая инфляционная составляющая. По многим направлениям экономики в РФ так и не достигнут уровень 1990 года. Д.Медведев говорит о горе-предпринимателях,

занимающихся не поиском талантливых изобретений, а подходов к чиновникам в целях «оседлать» финансовые потоки. Спекулятивная экономика («пузырь») подмяла под себя реальный сектор, в том числе сферу высоких технологий. В формуле «деньги-товар-деньги» слишком для многих средний член оказался легко отброшен за ненадобностью. В наших «особых» условиях пресловутая конкуренция не работает даже на уровне уличной торговли. Растущая дифференциация в обществе влияет на его готовность демонстрировать должную сплоченность, солидарность в ходе реализации реформ и мириться с их издержками, тем более в условиях кризиса.

РФ присуща высокая открытость экономики при однобокой отраслевой структуре и явно недоразвитом внутреннем рынке. Что, в числе прочего, создает проблемы и для национальной безопасности. С одной стороны, открытость экономики вроде бы благоприятствует получению инвестиций, участию в международной кооперации, в том числе в сфере высоких технологий. Но с другой – именно она способна «затоптать» (без охранительных функций государства и господдержки) ростки модернизации на российской почве, если это не будет соответствовать интересам мировой экономики. Или такая «вдруг» ставшая крайне актуальной для российских реформ проблема, как снижение (наверняка временное, несмотря на попытки широкого внедрения «новой энергетики») глобального энергопотребления и мировых цен на энергоресурсы, в связи с чем может отчасти быть несколько девальвирована роль РФ как «энергетической сверхдержавы». Что Россия положит взамен на кон глобальной игры, в чем востребованность РФ в мировой экономике, помимо энергосырьевого потенциала? И как будут расставляться приоритеты собственно российских реформ и просто жизнеобеспечения нации в условиях резкого сокращения возможностей их финансирования за счет экспортной трубы? Подчеркнем, что если кризис затянется, станет «многогорбым», изматывающим (а об этом говорят многие в России и за рубежом), то «финансовая подушка безопасности» РФ, в том числе и в качестве изначального капитала предстоящей модернизации, существенно сдуется.

Одно из главных условий осуществления модернизации (и выхода из кризиса) – фактор стабильности. Нынешний кризис, как это уже видно, в итоге не ограничивается экономической сферой и будет носить действительно всеобъемлющий, системный характер, в том числе в сферах международной и внутренней, социально-политической безопасности. После «лихих» 90-х в РФ многое сделано для обеспечения стабильности во всех ее проявлениях. Однако ее достигнутого уровня все же может оказаться недостаточно для того, чтобы служить надежной базой, «страхующим поясом», «запасом высоты» (и всякого рода рейтингов) для планов «прорывной» модернизации. Фактор стабильности, инструменты ее обеспечения важны для всех экономик и обществ, но для сегодняшней России – в особенности. В отсутствие стабильности, уверенности в будущем, соответствующих гарантий невозможно выполнение долгосрочных амбициозных программ в области экономики, технологий, совершенствования человеческого материала и т.д. Не будет и инвестиций, а финансовые средства потекут из страны еще быстрее. Это тем более актуально в условиях, когда сегодня и в обозримой перспективе на глобальное и региональное развитие, в том числе развитие РФ, сильное влияние будет оказывать так называемый «фактор неопределенности» – экономической, политической, военной. И в данной ситуации резко возрастет, например, стабилизирующая роль государства.

На практике воздействуют на стабильность самые разнообразные явления, такие как экономические неурядицы, идейная, политическая, национальная разобщенность, межэлитные конфликты, рост напряженности в обществе, правовой

нигилизм, неблагоприятная комбинация внешних и внутренних факторов. Так, подрывают стабильность разрозненность власти и бизнеса, их обоих - с преобладающей частью российского общества – относительно приоритетов реформ и преодоления кризисных явлений (какими средствами, за чей счет). Один из главных дестабилизирующих факторов и главных «налогов» на бизнес – инфляция.

Уже сегодня очевидны сложности следующего десятилетия, которые могут негативно сказаться как на выходе из кризиса (не только России), так и на осуществлении модернизационного проекта в РФ. Например, могут усилиться неконтролируемые миграционные потоки, еще более осложниться межэтнические отношения, которые и сегодня являются одной из угроз стабильного развития. Не исключено, что в мире обострится борьба, в том числе с использованием силовых средств, за все более ограниченные природные ресурсы, «жизненное пространство». Усилятся конкуренция за глобальное лидерство, борьба региональных сверхдержав. Уже в первой половине десятилетия мировое сообщество может почувствовать крайнюю «усталость» и бесперспективность движения по главной на сегодня, причем тупиковой траектории однополюсного развития. А попытка смены курса, выбора новой парадигмы может сопровождаться конфликтами и столкновением интересов. «Глобализация с Севера» будет контратакована глобализацией с Юга и Востока. Все возрастающая сложность технологических цепочек, рост взаимозависимости различных элементов территориальной структуры экономики и общества могут оказаться критически уязвимыми в складывающихся условиях для террористических и экстремистских организаций.

На фоне нынешнего кризиса усилятся системные и циклические диспропорции во многих отраслях. Может произойти деформация схем в экономической, в том числе энергосырьевой кооперации, в потребностях глобального рынка, причем для экономик с самой разной хозяйственной структурой. В экономиках как ведущих, так и догоняющих стран могут происходить бурные, скачкообразные процессы, препятствующие устойчивому и предсказуемому развитию. Страны «четвертого мира» будут отставать все больше, усиливая тем самым глобальную нестабильность. Не исключена регионализация мировой финансовой системы. Все это может внести определенные коррективы в планы очень многих. Реформы, не только в России, в этом случае могут быть сведены к попытке затыкания дыр, латания прорех. Данная ситуация, возможно, ускорит выбор Россией именно мобилизационного сценария реформ. Подчеркнем, что рассмотренный выше вариант развития событий в следующем десятилетии – не наихудший из вероятных, он вполне реалистичен, и России следует «закладываться» в том числе и на него.

Так что для проведения своих реформ Россия, скорее всего, не получит «спокойного десятилетия». В принципе в нынешнем мире лимиты на нестабильность исчерпаны. И для выхода из кризиса дальнейшее осложнение международной обстановки вроде бы категорически противопоказано. Однако не исключен и другой, более «привычный» для кого-то подход. Если кризис слишком затянется, то совсем не факт, что мировое финансово-политическое сообщество не попытается найти некие искусственные стимулы для ускорения, даже провоцирования событий в процессе кризиса и взбадривания экономической ситуации, дабы получить у общества мандат на скорейшее избавление от неурядиц любой ценой. К сожалению, инструментами данной политики могут быть инициация политических и даже военно-политических «возмущений», провокаций на международной арене, «отвлекающих конфликтов», с раскручиванием гонки вооружений и «разогревом» региональных рынков оружия.

Кстати, крупномасштабный, эскалируемый кризис в сфере международной безопасности может возникнуть отнюдь не из-за «козней мировой закулисы», а как нервическая, «естественная» реакция на нынешнюю ситуацию в глобальной экономике. Когда политические конвульсии и социально-политические брожения сопровождают рост экономической нестабильности, подпитывают друг друга. Как уже говорилось, нельзя полностью исключить и кем-то давно вынашиваемого «броска» за передел природных ресурсов планеты, до трети которых сосредоточено на территории РФ, в значительной мере в ее северных и восточных регионах. Нельзя сбрасывать со счетов варианта, при котором будут предприниматься попытки дестабилизировать РФ, ее внешнюю и внутреннюю безопасность извне, в том числе в экономической сфере. Некоторые государства и транснациональные силы являются мастерами всякого рода «разводок», прекрасно освоили приемы «управляемой нестабильности» и используют их в качестве одного из основных инструментов своей политики (в этом наборе средств можно легко заметить «оранжизм», сепаратизм, религиозный экстремизм, терроризм).

России, прежде всего, важно не дать втянуть себя в эти деструктивные процессы, если они будут иметь место, и не стать их потенциальной жертвой. Впрочем, нет худа без добра. При доверии к власти (а его в России нужно еще заслужить) и выверенной политике нация способна сплотиться, преумножить свой мобилизационный потенциал перед лицом внешних и внутренних угроз и вызовов. Еще более актуальной становится задача укрепления национальной, в первую очередь военной безопасности, модернизации ВС и ОПК РФ, техносферы. Эта задача, таким образом, может стать для РФ не только насущной необходимостью противодействия внешним угрозам и вызовам, но и одной из главных «точек опоры» при осуществлении проекта модернизации по мобилизационному сценарию.

Что касается политической ситуации внутри России, то она может оказаться относительно стабильной, если, разумеется, власть не наделает «шоковых» глупостей, ее не захлестнут контрэтатистские настроения, а внешние силы не раскачают маятник сепаратизма и «оранжизма». В то же время ускоренные, радикальные реформы могут провоцировать недовольство, дестабилизацию в обществе. Особенно в регионах, которые выгоды от реформ обойдут стороной: без подстраховки рыночная стихия способна еще больше увеличить разрыв между успешными и неуспешными регионами, усилить межрегиональные диспропорции и противоречия.

Именно в условиях резких подвижек в социально-экономической сфере стабильность подвергается наибольшему испытанию не прочностью. Вспомним хотя бы, чем закончилось «ускорение» 1980-х для судьбы СССР. Вызывает обоснованные опасения ситуация на Северном Кавказе, который может «сдетонировать» в ходе нынешнего кризиса и предстоящих реформ без их должной подстраховки. Тем более с учетом новой волны сепаратизма под старыми и новыми (халифатистскими) лозунгами. Сегодня на Северном Кавказе имеется клубок проблем, причем одна их группа подпитывает остальные, этот кумулятивный эффект резко ухудшает ситуацию в целом. А мультипликатор нестабильности на Северном Кавказе может оказаться резонансным для всей РФ, а при неблагоприятных обстоятельствах даже перекинуться на другие части страны.

Другая, наиболее, на наш взгляд, проблемная зона - Дальний Восток, традиционно, в силу географии, подвержена сепаратистским настроениям. Однако возможная китайская экспансия там будет, скорее всего, заблокирована не только Россией, но и влиятельными региональными игроками, которые не хотели бы, чтобы Поднебесная «прирастала Сибирью» (и ее ресурсами). К тому же и сама КНР намерена «высосать Россию через соломинку», не прибегая к формальному

переносу пограничных столбов. Способна ли будет РФ ответить на данный вызов, конвертировать его в собственные интересы – это другой вопрос.

2.2. Главные проводники модернизации: проблемы в условиях кризиса

Серьезным препятствием для модернизационного рывка РФ является современное состояние ее технологической базы. Доля России на мировом рынке высокотехнологичной продукции не превышает 0,5%. Страна все больше зависит от зарубежных технологий, оборудования, товаров потребительского рынка. Безвозвратно утеряно несколько сот ключевых технологий, в том числе крайне важных для инновационного развития. Все более очевидны голод на действительно высококвалифицированные кадры (их выезд из страны за последние годы усилился) и менеджмент, неспособность внедрения в массовое производство без зарубежной помощи даже имеющихся отдельных передовых разработок, невосприимчивость к инновациям. Наконец, Россию «догнал» вал техногенных катастроф – расплата за паразитирование и бездумное проедание новыми собственниками советского наследства в течение двух последних десятилетий.

Некоторые отрасли практически не подлежат полноценному восстановлению, например, станкостроение. Продолжается деградация в отраслях, призванных стать «локомотивом» инновационных реформ, в том числе в ОПК. Так, за последние 8-10 лет в РФ в 3 раза сократилось число авиапредприятий финишного производства. Магистральное авиастроение, несмотря на героические усилия, может уже не восстановиться в эффективных объемах. Мы так и не смогли создать «свой» качественный сотовый телефонный аппарат. Система «ГЛОНАСС», несмотря на обещания и перенос сроков, финансовые вливания в проект, находится в подвешенном, «рекламном» состоянии. По заявлению официальных лиц, значительная часть компонентов отечественных спутников (и без того имеющих сроки эксплуатации в несколько раз короче зарубежных аналогов), ракетной техники, в первую очередь по элементной базе, – импортного происхождения. Новый российский региональный самолет SSJ-100 более чем на 2/3 является носителем импортных комплектующих и технологий. В ходе нынешнего кризиса в РФ падение производства в машиностроении, инновационных отраслях оказалось в два-два с половиной раза выше, чем в экономике страны в целом.

Большое место российской техносферы – крайне слабые транзит технологий, их инкорпорирование в рыночную экономику. Есть важные направления, где серьезно подорвана, если не разрушена система кооперационных связей, поставок и рынков, превалирует малосерийное производство, отсутствует должная страховка со стороны государства, и это невыносимым бременем ложится на себестоимость продукции, ее качество. Очевидна слабость внутреннего российского рынка высоких технологий. При банковской системе РФ, нацеленной на «самообслуживание», техносфера с потребностями в «длинных» кредитах заведомо находится в аутсайдерах. Подчеркиваем, все это не только провалы сложных 90-х годов, это проблемы последних лет. И следует очень осторожно говорить о возможных успехах, тем более прорывных, в инновационном секторе экономики РФ в предстоящие годы.

В стране откровенно несовершенна «инновационная среда» (причем как в плане предложения, так и спроса). А это проблема готовности генерировать инновации, реализовывать их на практике и продвигать на рыночной основе как внутри страны, так и за рубежом. Для весьма многих в нынешней российской экономике, привыкшей жить по «странным» законам (одним из них, например,

является «приватизация доходов и национализация издержек и проблем», что делает совершенно неактуальными стимулы к совершенствованию), всякого рода модернизация – только лишняя головная боль. Разумеется, если под данную акцию (в ряде случаев всего лишь пиар-акцию) не предвидится выделение государством значительных «подъемных» средств. По этой и многим другим причинам комплексная, а не только «точечная» модернизация в современной России возможна главным образом сверху, при мощной поддержке и даже принуждении со стороны государства, если оно действительно нацелено на это.

Велика вероятность, что шансы расширения Россией своей «ниши» на рынке высокотехнологичной продукции в условиях усиливающейся глобальной конкуренции не увеличатся, а даже сократятся. Разрыв между РФ и остальным миром в сфере высоких технологий отнюдь не снижается, скорее наоборот. Как бы то ни было, в сложившихся обстоятельствах задача повысить долю РФ на мировом рынке высокотехнологичной продукции в 20-30 раз к концу следующего десятилетия в ходе предстоящих модернизационных реформ выглядит утопией.

Нужно откровенно признать: в настоящее время коренную модернизацию техносферы РФ, а значит и проведение инновационно-прорывных реформ, нереально осуществить только с «опорой на собственные силы». В этой ситуации нет ничего необычного, более того, это вполне привычно для России на протяжении всей ее истории, в том числе в XX веке. Очевидно и то, что Запад, а теперь уже и другие страны, будут осуществлять технологическое сотрудничество с РФ на сугубо прагматичных условиях, в своих деловых и политических интересах, отнюдь не совпадающих с интересами России. Запад не без оснований не вполне доверяет России (взаимно), считает ее менталитет и ценности если не альтернативными, то все равно инаковыми по отношению к своим. А потому в технологическом сотрудничестве с РФ, тем более в сфере высоких, особенно «чувствительных» и «двойных» технологий, будет проявлять повышенную осторожность и сдержанность. Россия должна быть также готова к реализации в этом сотрудничестве собственных интересов, иметь для этого на руках достаточные козыри, в том числе политические.

Так что, если говорить прямо, то сотрудничество РФ с Западом, его участие в российской модернизации, с предоставлением кредитов и инвестиций, поставками технологий в российскую сферу инноваций, а самой России в мировом технологическом рынке, могут столкнуться с ощутимыми трудностями и неопределенностями. Очевидно, что для этого имеются веские, не только экономические и технологические, но и политические, геополитические причины, серьезные лимитирующие факторы. Сфера международного высокотехнологичного сотрудничества вообще крайне политизирована. И в современных условиях наличие разногласий с ведущими странами мира по широкому спектру международных проблем, тем более позиция «осажденной крепости», никак не способствовали бы проведению в РФ подлинной инновационной модернизации. Заметим, что стремлению России активно участвовать в мировом высокотехнологичном пуле могут помешать ее приоритеты на международной арене – построение собственного «полюса» глобальной геополитики, отстаивание интересов РФ на постсоветском пространстве и т.д.

РФ, к сожалению, в целом не востребована на мировых рынках высоких технологий в качестве важного игрока, причем не только как производителя, но и во многих случаях как потребителя, тем более склонного (хотя все менее способного) в этом случае пытаться наращивать за счет внешнего взаимодействия свою совокупную, в том числе военную мощь и вес в мире. Увы, но Россию слишком однозначно воспринимают как энергосырьевой резервуар и глобальную «бензогазозаправку». Например, теперь и Индия на первый план в отношениях с РФ

выдвигает вопросы энергоносителей, а не традиционное сотрудничество в области вооружений. На фоне сжатия и регионализации финансовых, товарных рынков, роста протекционизма (что бы ни говорили политики на представительных форумах), данное «пристрастное» отношение к РФ только укрепится. Вполне реально ожидать нарастание противодействия активности РФ и российских компаний на международной арене, особенно в сфере высоких технологий. Подозрительность вокруг сделки с «Опелем», попыток РФ укрепить свои финансово-организационные (а затем возможно и технологические) связи с ЕАЭС тому подтверждение.

В то же время, как уже говорилось, при планировании и осуществлении модернизационных реформ следует исходить из того, что сегодня проведение автаркичной политики в области высоких технологий, без широкого участия РФ в международном технологическом разделении труда, практически невозможно. Однако это взаимодействие не должно ограничиваться для РФ преимущественно ролью младшего партнера, подмастерья. Это же касается и осуществления политики технологических заимствований. Кстати, совершенно не факт, что по примеру азиатских «тигров» и «драконов» мы преуспеем на этой стезе. Хотя кое-кто видит для России и ее техносферы в этом чуть ли не магистральный путь развития, превращение нашей промышленности в «большую отвертку». Между тем, уже сегодня баланс в торговле продукцией машиностроения РФ, например, с Китаем – сильно не в пользу России.

При этом и Запад, и тот же Китай заинтересованы в российских рынках и наша страна должна проявлять известную настойчивость в создании для себя наиболее благоприятных условий для сотрудничества, в том числе в сфере высоких технологий. Что, кстати, не стесняются делать даже многие развивающиеся страны, осуществляя ВТС с Россией.

Заметим, что партнеры России из числа потенциальных технологических доноров на Западе более склонны к сотрудничеству, если это связано со всякого рода пакетными взаимоувязками, «диагональными разменами», в том числе политическими, проникновением на российский рынок, освоением сырьевой базы РФ и т.д. Что касается Китая, то продолжение сближения РФ с КНР, с одной стороны, связано с определенными рисками – экономическими, политическими. Но с другой, при осуществлении выверенной политики, может обернуться приобретением несомненных дивидендов для собственного развития, в том числе высокотехнологического.

Есть мнение, что вхождение в ВТО окончательно раздавит высокотехнологичный сектор российской экономики, который уже сегодня, например, в авиастроении, не способен конкурировать с зарубежными производителями даже на внутрисекторном рынке. Между тем, процедуры ВТО по обеспечению открытости рынков на деле работают прежде всего в интересах тех, кто способен продвигать свои товары на мировые рынки и самостоятельно, без помощи ВТО. Если же кто-то захочет «перекрыть кислород» российским товарам и передачу современных технологий в Россию, то сделает это в любом случае, будет РФ членом ВТО или нет. Напомним хотя бы о потерях российских производителей металлопродукции на рынках США в размере 2 млрд. долл. за счет введения жестких квот по требованию профсоюзов американской сталелитейной промышленности, причем под санкции попали и поставки из стран-членов ВТО. Кстати, нефтегазовые энергоносители и вооружения, эти «фишки» российского экспорта, не подпадают под юрисдикцию ВТО.

При всех характерных для данной сферы проблемах, нравится это или нет (вспомним бранное слово «милитаризация» конца 80-х – начала 90-х годов), но очень существенную роль в инновационной модернизации РФ призван сыграть ОПК.

Прежде всего, ему можно «дать задание», он традиционно более управляем через систему заказов, финансирование со стороны государства, административный ресурс (с поправкой на современные тенденции и нестыковки). В советские годы на эту группу отраслей приходилась преобладающая доля наукоемкой продукции страны, в том числе для гражданского сектора. В самом ОПК на гражданский и военный рынок идет примерно поровну выпускаемой продукции. Предприятия ОПК, особенно в азиатской части страны, выступают даже сейчас для многих городских поселений в качестве градообразующих. Серьезное заблуждение, что расходы на ОПК — безвозвратные потери для экономики. До 85% их объема имеют как раз возвратный характер через внутренние и экспортные поставки, поддержание социальной и технической инфраструктуры, осуществление НИОКР, обеспечение средств существования для населения, его закрепления на местах, подготовку кадров и т.д.

Кроме того, РФ в любом случае должна будет серьезно «вкладываться» в обеспечение военной безопасности страны, с учетом старых и новых угроз и вызовов, неизбежного роста глобальной конкуренции за природные ресурсы. Доля обладания которыми в РФ превышает ее долю в мировом демографическом потенциале в 12-15 раз, причем этот разрыв самый значительный в наиболее уязвимых частях страны. А в перспективе он еще больше возрастет по мере нарастания демографических проблем в РФ и депопуляции страны, особенно в восточных регионах.

Нынешняя ситуация во всей российской экономике в целом схожа с положением в ее важном структурном элементе – оборонном секторе. Постоянно говорилось о необходимости радикального и качественного реформирования ВС и ОПК, однако долгое время приоритетной в расходах оставались (остаются сегодня и, возможно, останутся в будущем) «социалка», текущая деятельность и персонал. А каково финансирование – таковы и спрос, отдача. Когда же руки (и средства – пусть в явно недостаточном объеме, а с учетом реальной инфляции прибавки выглядят еще меньшими) дошли до модернизации, то оказалось, что в организационном, технологическом, кадровом отношении в наибольшей степени пострадает только часть ОПК. У многих же нет способности и даже подчас заинтересованности в разработке и производстве современных вооружений, перевооружении ими ВС. В последнее время встал вопрос о массовых закупках современных вооружений для собственных ВС РФ за рубежом.

При этом востребованность даже имеющегося в отечественном ОПК потенциала далеко не самая полная. Что бы ни говорили с высоких трибун, современная ситуация с оборонными закупками в РФ такова: очередные реформы ВС, необходимость выделения значительных средств на обеспечение стабильности в военной среде могут затормозить перевооружение и массовое поступление в войска новых ВВТ. Так что и впредь большая доля военной продукции ОПК РФ будет, скорее всего, идти на экспорт, хотя конкурентное присутствие российского машиностроения в данном сегменте глобального рынка сегодня подвергается серьезным испытаниям.

Россия действительно стоит перед вполне реальной угрозой потери ведущих позиций в экспорте вооружений, с учетом так и не решенных проблем в области военных НИОКР и производства ВВТ, технических и эксплуатационных недостатков российских образцов. На горизонте не видно новых кластеров крупных заказов типа китайских и индийских. Портфель экспортных заказов российского ОПК на ВВТ сократился на треть, усиливается политическое давление извне на российское ВТС. В ОПК отмечается зримое ухудшение качества труда и выпускаемой продукции, кадрового потенциала, как и во всей сфере высоких технологий РФ. Яркий пример –

ситуация с баллистической ракетой морского базирования «Булава», где проектировщики и изготовители сваливают ответственность (с полным на то основанием) за неудачи друг на друга. Между тем, на разработку данного изделия уже затрачено несколько миллиардов долларов (не считая расходы на создание новых ракетноносцев под «Булаву»).

Вроде бы, с учетом жестких лимитирующих факторов, в оборонной сфере страны не должно быть места расточительству, гигантомании в проектах и программах, неэффективному использованию средств и ресурсов, без учета реальных угроз и вызовов национальной безопасности РФ, сегодня и в будущем. Однако на практике приходится сталкиваться с достаточно странными инициативами и предложениями, явно лоббистского толка. Так, ошибочной явилась бы попытка создания в обозримой перспективе 5-6 авианосных групп для обеспечения присутствия РФ в мировом океане. Для постройки, оснащения, обслуживания, ремонта, обеспечения системы базирования, в том числе за рубежами РФ, только одной из этих групп и только в течение 10 лет потребуется несколько десятков млрд. долл. (в современных ценах). Прибавим сюда неподготовленность промышленной базы, театров ВД, системы коалиционного взаимодействия, задач по применению и многое другое. Проблемы с ТАКР «Адм. Кузнецов» и «Адм. Горшков» говорят сами за себя. Кроме того, нынешний курс на создание и широкое использование высокоточного сверхэффективного ракетного вооружения дальнего действия может резко повысить уязвимость АВ и снизить эффективность боевого применения авианесущих сил: главное — не «присутствие» в мировом океане, а его контроль. К тому же, с учетом национальных интересов и военной доктрины РФ, применение АВ в качестве средства демонстрации силы для России, в отличие от ВМС США, не является безусловно необходимым.

К нынешнему руководству МО РФ много вопросов, в первую очередь в отношении осуществляемых сегодня глубоких реформ ВС. Но то, что программы вооружений, тем более престижные, капиталоемкие проекты должны быть подвергнуты самой тщательной, независимой экспертизе, не вызывает сомнений. Такой ревизии, например, уже были подвергнуты военные НИОКР, многие из которых безо всякой отдачи «разрабатывались» в течение многих лет, некоторые еще с советских времен. Пересмотрен ряд программ по закупкам вооружений. Хотя на место сокращенных программ бронетанковой техники приходят планы сверхдорогостоящей реанимации функционально более чем спорных тяжелых атомных крейсеров. При этом будем иметь в виду, что в приобретающей российские (самые разные) ВВТ Индии средства на их закупку, с поправкой на местную специфику, используются гораздо более экономно и эффективно (в несколько раз), чем в России.

Однако, говоря о финансовых проблемах в сфере высоких технологий ОПК, мы привычно делаем акцент на том, как тратятся выделенные средства и слишком мало подчас обращаем внимание на вопрос, как эти средства выделяются. Между тем, это один из основных тормозящих моментов деятельности ОПК, всей сферы инноваций, самым серьезным образом влияющий на их эффективность и саму возможность существования. Например, в сфере ОПК гособоронзаказ, как правило, оформляется в лучшем случае на исходе первого квартала, отсутствует его прямое авансирование государством. Поэтому предприятия ОПК вынуждены «на общих основаниях» брать кредиты в банках по запредельным ставкам, в лучшем случае с заверениями о частичной компенсации процентов по этим ставкам. Через год после обещанной господдержки «под нынешний кризис» ОПК реально получил только 2% ранее задекларированных средств. При очевидной заботе о благополучии финансовой сферы страны явные проблемы испытывает реальный сектор

экономики РФ, в первую очередь характеризующийся «длинным» финансовым циклом в сфере высоких технологий и ОПК, как раз и «отвечающей» прежде всего за инновационную модернизацию.

Серьезная, традиционная, труднорешаемая (в том числе по политическим причинам) проблема ОПК РФ, которая останется таковой и на перспективу, — конверсия, конвертация технологий из сферы НИОКР в рыночную инновационную экономику и из военного сектора в гражданский. Ясно одно — ОПК может и должен стать, реально и при приемлемых издержках, полигоном, плацдармом, инкубатором и ведущим элементом инновационно-технологической экономики в РФ на обозримую перспективу, по крайней мере в большей степени, чем другие отрасли и сферы деятельности. Причем не только одним из главных движителей модернизационного проекта, но и главных «потребителей» его результатов.

Нужно четко представлять, что мировая экономика, участвующая в глобальной конкуренции, все более раскрытая вовне — это все же в основном экономика крупных фирм и иных хозяйственных субъектов. Множество формально независимых средних и мелких предприятий фактически являются элементами крупных, в том числе транснациональных, вертикально и горизонтально интегрированных хозяйственных структур, при самых различных формах этого взаимодействия. Многие ведущие глобальные компании имеют оборот, превышающий ВВП среднеразвитых государств. Интегрированные структуры характерны даже для таких «демонополизированных» отраслей, как сельское хозяйство, торговля и другие, не говоря уже о крупных естественных монополиях, в первую очередь в энергосырьевой и инфраструктурной сферах. Заклинание «демонополизация - ключ к эффективности» отнюдь не всегда применимо за пределами «книжной идеологии». Кстати, нынешние попытки в рамках ЕС принудительным образом навязать крупным монополиям децентрализованные правила игры вполне могут привести к организационной неразберихе, росту издержек и цен, потере эффективности и конкурентоспособности европейской экономики. И осознав это, Еврокомиссия, похоже, пошла на попятную.

Сегодня в мире в ходе глобализации мы видим скорее рост концентрации экономики в различных ее проявлениях, чем обратный процесс. Для РФ с ее традициями крупных монополий (при всех известных издержках этого явления, зависящих в большей степени от некачественных менеджмента, организации труда, пренебрежения законами рынка, чем от «избыточной величины») ставить в качестве приоритетной задачу разукрупнения, разрубания естественных хозяйственных организмов было бы серьезной ошибкой в глобальной конкуренции, в том числе в ходе инновационной модернизации. Тем более, если речь всерьез идет о внедрении «электронного управления», создании управляющих комплексов большими системами, что снимает многие традиционные проблемы менеджмента («не доходят руки»). В российской практике самые негативные результаты дробления крупных предприятий, территориально-производственных комплексов, эффективных именно в качестве комбинатов, наглядно обозначились, например, в Пикалево.

Крупные субъекты обладают большим маневром по сравнению с более мелкими для обеспечения серийного производства, концентрации усилий на главных направлениях, сокращения внутрифирменных издержек, обеспечения кооперации и работы со смежниками, формирования дилерской и сервисной сети, осуществления масштабных дорогостоящих и «растянутых» во времени НИОКР, их финансирования, получения кредитов, взаимодействия с зарубежными партнерами. Это лишь немногие из преимуществ крупных структур. Тезис же «чем больше структура, тем больше возможность украсть» относится, к сожалению, ко всей современной российской экономике, независимо от размера и формы

собственности. И борьба с этим явлением не должна быть борьбой с ведущими хозяйственными субъектами. Особо подчеркнем, что именно на крупные и сверхкрупные компании ложится в РФ наибольшая нагрузка по выполнению социальных, государство- и градообразующих функций, тем более их роль возрастет в условиях мобилизационного рывка.

При всем вышесказанном нельзя видеть панацею ото всех бед в бездумном укрупнении хозяйственных структур, «холдингизации», если это не обусловлено экономическими и технологическими требованиями. «Пробуксовка» таких начинаний проявляется сегодня в российском ОПК. «Гибкость» малых структур и «негибкость» крупных в современной России, к сожалению, сходятся в неэффективности менеджмента (часто под этой личиной скрывается прямое, очень даже эффективное разворовывание предприятия), «задирании» цен, в стремлении использовать схемы лоббирования интересов во властных структурах в целях получения «выгодных» заказов и т.д. Причем это характерно и для сферы ОПК, всей военной экономики РФ.

Начало в РФ реализации планов модернизации (по крайней мере активизация дискуссий на эту тему) и приход в Россию глобального кризиса, который, вопреки заверениям политиков, не миновал и ее, совпали по времени, оказались сегодня «в одном флаконе». И это, возможно, имеет даже некий позитив, «знак свыше». По сути преодоление кризиса для РФ может быть опытом предстоящей модернизации, определенной стартовой площадкой, «нулевым циклом» для процессов, которые будут наверняка протекать отнюдь не в стерильных (а даже очень непростых) условиях. Нынешний кризис (его острая фаза может испытывать Россию на прочность в течение ближайших 2-3 лет - и это достаточно оптимистичный вариант), вполне вероятно, сменится не новым подъемом, а перетечет в стадию стагнации, которая и будет являться фоном всех процессов следующего «десятилетия модернизации». И вообще наступающий период турбулентности (в экономике, политике, в глобальном и национальном, в том числе российском измерении), без четких перспектив и ориентиров, представлений о возможной динамике финансовых и торговых рынков, при захватывающих дух «качелях» конъюнктуры, нарушении сложившихся партнерских связей – не лучший период для экономических рывков, тем более прорывов, как и для дорогостоящего технологического перевооружения. Рынок сам по себе психологически, без внешних стимулов и подталкиваний, вряд ли будет обладать достаточной уверенностью и способностью к быстрой смене «на позитив» вектора настроений и тенденций, осуществлению инвестиций и рисков. Тем более, если это касается масштабных модернизационных проектов с «длинными» инвестициями и неопределенной отдачей.

Имеется, правда, точка зрения, что глобальный экономический кризис играет роль своего рода «санитара», что он способен расчистить место для нового технологического рывка, совершить перетряску закоряченного общества, да и всего мирового порядка. Возможно, что в странах, где есть опыт и навыки испытания подобным кризисом и его преодоления, это действительно так. Но для России в ее нынешнем состоянии не до конца устоявшихся общественных институтов и системы общественных ценностей, приоритетов, даже праздников, последствия кризиса могут быть весьма противоречивыми не только для экономики, но и для безопасности, целостности страны, социально-политической стабильности. И первостепенная задача власти – сохранить стабильность, проявлять особую тщательность и взвешенность при проведении текущей политики, «не наломать дров». Избежав как закручивания гаек, так и потери контроля над ситуацией, потакания деструктивным действиям и устремлениям, рост которых неизбежен в ходе кризиса.

И в России, и в мире в целом краткосрочные позитивные итоги борьбы с нынешним кризисом отнюдь не означают победы над ним, коренного перелома тенденций. Призывы покончить с доминированием и абсолютизацией спекулятивной экономики, ставящей во главу угла конвульсирующую динамику биржевой активности и индексов потребления, отнюдь не всегда увязанную с реальным состоянием реальной экономики, целями развития и ресурсами для этого развития, проблемами окружающей среды, пока не находят отклик у большинства. Необходимость и неизбежность смены парадигмы развития еще «не овладели» ни «массами», ни элитами: все говорят об изменениях, ничего по сути не меняя, ограничиваясь тактическим маневрированием, деталями, тасуя политические лозунги и персоналии. И программируя тем самым возвращение мировой экономики в лучшем случае к состоянию «до кризиса», что блокирует комплексную модернизацию (не только хозяйственной сферы), формирование подлинного нового миропорядка, то есть имеет как экономическую, так и геополитическую проекции.

Стимулирование докризисных параметров, пропорций, мотиваций экономического поведения, в итоге и приведших к кризису, - вариант по крайней мере паллиативный, не решающий на долгосрочную перспективу с должной степенью надежности проблему обеспечения стабильности и предсказуемости развития. Кстати, восстановление привилегированной банковской сферы путем ее «залива деньгами» еще не означает оздоровления экономики в целом. Топтания на привычной площадке, «поиск кошелька под фонарем» характерны, к сожалению, и для России. Данный вариант вполне приемлем для «нормальной» экономики, не предполагающей резких ускорений и смены приоритетов. Однако для осуществления модернизационного проекта это наверняка не подходит. В современной России сама по себе «невидимая рука рынка» легко «промахнется» мимо модернизации. Рынок следует целевым образом канализировать, корректировать, направлять (насколько эффективно – другой вопрос) в нужное для модернизационных реформ русло. Мы не догоним мировой караван, тем более не выйдем на лидирующие позиции, не «срезая углы по трассе». Но это уже качественно «другой» рынок, «другая» экономика и соответственно несколько иная государственная политика.

2.3. Без чего модернизационный прорыв в России невозможен

Как уже говорилось, модернизация должна носить комплексный, системный характер, то есть технологические и экономические успехи не могут быть достигнуты без серьезной проверки всей толщи российской (уже постсоветской) действительности. И если для успешного модернизационного рывка нет необходимой совокупности факторов, «почвы», то никакие элитные семена не взойдут, даже если обильно поливать их из финансовой лейки.

Исходя из объективных критериев, в любом случае, даже при самых благоприятных прогнозах относительно глобального кризиса, РФ окажется в процессе осуществления модернизации в весьма жестких рамках, в том числе и в плане необходимости максимально задействовать собственные силы и ресурсы. И соответственно необходимости инвентаризации этих ресурсов, в первую очередь технологического потенциала, их мобилизации и концентрации, управления ими, строгого контроля за целенаправленным использованием на ключевых направлениях, как и контроля за финансовыми потоками. А это предполагает повышенную, но в данных условиях оправданную роль государства во всех его ипостасях в процессе модернизации.

Государству придется, в той или иной форме, взять под плотный патронат инфраструктуру, другие системообразующие отрасли. Модернизация и преодоление кризиса не могут обойтись без крупных, фондоемких проектов и даже супер-программ, которые однако при этом обязаны проходить самый жесткий экспертный отбор, в том числе на коррупционную и инфляционную составляющие. Причем в этом случае роль контрольных функций государства особо возрастает. Но в целом в силу объективных причин экономика данного периода «должна быть экономной». И от ряда статусных проектов, в том числе в оборонной сфере, придется отказаться. Так, хотя бы на время, придется отказаться от ряда знаковых, пусть и инновационных в своей сути, мегапроектов, таких как масштабное освоение дальнего космоса – высокочрезвычайно затратных, с ограниченной, небыстрой технологической отдачей в народнохозяйственный комплекс и к тому же политически отнюдь не столь резонансных, как в прошлом. А некоторые осуществляемые ныне, начатые еще в «тучные годы» проекты придется выполнять в «спартанском» варианте.

Вряд ли стоит ожидать, что в сложившихся обстоятельствах «знамя реформ» первым поднимет и понесет российское бизнес-сообщество. Нынешний кризис со всей очевидностью показал явно недостаточную способность отечественной экономики к саморегуляции без внешней поддержки, прежде всего со стороны государства, особенно в острых ситуациях (а это условия и кризиса, и модернизационного прорыва). Кризис, в частности, в полной мере выявил такие черты современной российской экономики (вне зависимости от форм собственности), как неэффективность, затратность, склонность к теневым схемам. А ее «капитаны» первыми выбрасывают белый флаг и идут за помощью к государству. И в последнее время на основании реального положения дел, причем как в России, так и в странах Запада, делается вполне ожидаемый вывод. За экономикой нужен надежный и постоянный присмотр в целях повышения ее прозрачности и социальной ответственности, в том числе и участие государства как страхующего звена в контроле за принятием и исполнением бизнес-решений, финансовыми аспектами. Что и находит отражение, в частности, в становящейся сегодня популярной на Западе концепции «нового капитализма». Спекулятивным динамизмом частного капитала при высокой конъюнктуре требуется пожертвовать ради стабильности всей системы и более устойчивого и предсказуемого развития.

Особенно выделим то, что в Америке текущий кризис во многом связывают именно с ослаблением надзорных и контролирующих функций государства, необоснованным, кое-где тотальным дерегулированием экономики (причем это вполне комфортно соседствует с обвинениями нынешней администрации Б.Обамы в «левацком уклоне», «отказе от американских традиций»). В условиях нынешней России безбрежный либерал-популизм явился бы тем более крайне опасным, причем не только для сферы макроэкономики, но и, например, для всей техногенной сферы, от домостроительства до функционирования «скелетной» инфраструктуры.

Попытка обвального выведения государства из социально-экономической жизни РФ в 90-е годы лишь привела к хаосу, сепаратизму, произволу олигархов и удельных правителей, а образовавшийся вакуум власти быстро заполнили криминал и внешнее влияние. В этом плане особо подчеркнем, что политика государства – это не голый административный ресурс, методы госуправления должны включать весь набор современных рыночных приемов.

Сделаем четкий акцент на том, что РФ имеет безусловные особенности, она действительно «суверенна». Для России повышенная регулирующая роль государства – это не архаика или форс-мажор, а закономерность существования и развития страны и нации. Хотя бы в силу геополитических и геоэкономических характеристик страны, нахождения между ведущими, склонными к экспансии

мировыми цивилизационными ядрами, сурового климата (более 60% территории РФ - вечная мерзлота, это по сути зона экстремального существования, выживания), протяженности, структуры экономики, объективно высокой транспортной составляющей (среднее транспортное плечо в РФ втрое превышает общемировой показатель) и удельной энергоемкости ВВП страны (в 2,5-4,0 раза выше, чем в Западной Европе), резких региональных диспропорций. По большому счету, российские Дальний Восток и Калининградскую область объединяет в первую очередь не экономика, а политическая власть, сфера безопасности и идеология, общие ценности. И это не может не накладывать отпечаток на проект и ход реформ, их стоимость и издержки.

В ситуации кризиса, при одновременном запуске модернизационного проекта дискуссия на тему «больше или меньше государства» в России, по крайней мере на ближайшее время по идее должна быть (хотя вряд ли будет, скорее наоборот) излишней. Совершенно естественно именно государство выходит на первый план как главный инвестор, «страховщик» и соответственно главный контролер. А так же главный «ответчик» за все «грехи» властей и бизнес-структур всех уровней и форм собственности, как в Пикалево. Однако это будет иметь положительный результат только при серьезном реформировании всей системы власти, по вертикали и горизонтали, значительном повышении ее эффективности (не сводимом к «прогрессивным» и столь же экзотическим для России проектам), исполнительской ответственности, очевидности для общества предпринимаемых мер и шагов. В ином случае Россия при «сильной власти» столкнется с новым витком коррупции, новыми «странными» решениями в экономике, нагромождением бесполезных и затратных бюрократических структур, дальнейшим снижением доверия общества, дестабилизацией. И очень важно в практическом плане не допускать отождествления государства и чиновничьего самоуправства, тем более «приватизации» государства чиновным классом и бизнесом. Причем это в полной мере относится и к сфере военной экономики, системе военных заказов, деятельности ОПК, хозяйственной деятельности в войсках.

Зададимся «неприличным» вопросом: а есть ли у России средства на заявленную модернизацию, финансирование (без сиюминутной отдачи) столь амбициозных реформ? Как уже говорилось, масштабы, темпы и сам характер реформ во многом зависят от ресурсов и ограничителей на их проведение. Кроме того, одно из, возможно, самых главных условий - наличие уверенности (или ее отсутствие) в успешности нынешнего российского эксперимента по инновационной модернизации. Между тем, сегодняшняя ситуация в российской экономике в условиях кризиса весьма проблематична. Сокращение экономики РФ произошло в гораздо большей степени, чем это ожидалось. С приходом кризиса отмечается повсеместное снижение доходов, бюджетов, налоговых поступлений для всех уровней, ускорился вывод из России капиталов. Очень трудно «делать» реформы с нынешней российской инфляцией – она самая высокая среди стран «большой двадцатки», а для эффективной модернизации должна быть ниже в 2-3 раза. «Разогнавшаяся» инфляция, противопоказанная реформам априори, еще позволит кое-как выживать текущей экономической деятельности на «коротких деньгах», однако долгосрочные, капиталоемкие инвестиционные проекты и реформы в целом окажутся под мощным прессом. Произойдут обесценивание вкладов, накоплений (как населения, так и государства, оборотных средств предприятий), подрыв основы финансовой, инвестиционной системы, доверия к властям (как это уже было в 90-е годы), к реформам и политике по их проведению.

Нереалистичен вариант «самофинансирования» реформ за счет резкого роста интенсивности и производительности труда (в 3-5 раз, согласно «Концепции-

2020»). Не удастся и что-то сэкономить за счет урезания социальной сферы и «наступления на права трудящихся», при очевидной угрозе дестабилизации. Масштабное задействование «матрасных» средств населения (значительных по своему объему) вряд ли возможно. Мы далеки от ситуации, когда «Азиатское экономическое чудо» отчасти вершилось на средства, образно говоря, «пенсионеров Техаса и Оклахомы».

Финансовая «подушка безопасности» для обеспечения социально-экономической стабильности и начальной стадии реформ в РФ пока сохраняется, хотя, как уже говорилось, относительно ее реальных возможностей имеются большие сомнения. По крайней мере главный ее наполнитель – нефтегазовая труба – будет таковым и дальше. Россия и на перспективу останется ведущим производителем и экспортером энергоносителей (осенью 2009 г. РФ даже – на время - обогнала Саудовскую Аравию и вышла на первое место в мире по экспорту нефти).

Мировые цены на эту группу товаров, с учетом непростой геополитической обстановки, которая, по данным спецслужб, способна усложниться как раз во многих главных районах нефтегазодобычи и транзита, могут оказаться весьма стабильными во времени. Если, разумеется, новый виток глобального кризиса не окажется еще более разрушительным, в том числе для экспорта энергоносителей. А например, жесткий прессинг в отношении Ирана, тем более силовое воздействие по его ядерным объектам (и соответствующий ответ Тегерана), поднимут цены на нефть на новую, не исключено, докризисную высоту. К тому же рынок мировых энергопотребителей сегодня, в отличие от ситуации 1970-80-х годов, гораздо более диверсифицирован, плюралистичен, хотя эти факторы во многом и девальвированы глобальным, взаимозависимым характером мировой экономики. Безусловно, даже без модернизационного реформирования экономики РФ и ее внешнеэкономическую политику надо диверсифицировать, расширяя тем самым опору для безопасного развития. Но это станет возможным лишь по мере того, как под российскую экономику начнет подводиться иная, инновационная база.

Отечественный бизнес, в любой форме собственности, в массе своей достаточно осторожен, если не сказать больше, по отношению к модернизации, ее финансированию, он готов «до дыр» эксплуатировать имеющиеся у него мощности, что ярко демонстрирует трагедия на СШГЭС. У акционеров, собственников, топ-менеджеров совсем другие приоритеты. Впрочем, это не только их нежелание, но и во многих случаях уже неспособность на модернизационный прорыв, даже с учетом «угрозы» якобы всемогущих факторов конкуренции и административного нажима. Что делает особенно актуальными размышления Д. Медведева о необходимости преступить к процессу смены (замены) российских элит. В целом же «налог на модернизацию», в самых разных формах, для отечественного бизнеса (в том числе за счет весьма непопулярных у части российских элит, экономистов, политиков мер по изменению формата партнерства с ним общества и государства) сегодня еще менее возможен, чем ранее.

Это относится даже к энергосырьевым гигантам, у которых свои сложности. Себестоимость разведки, добычи, переработки, транспортировки энергоносителей для РФ, и без того значительная, будет еще больше возрастать, потребуются новые технические решения, привлечение зарубежной помощи - технологий, партнеров, капитала, серьезной господдержки. Поэтому «изъятие» средств из этой сферы для федерального бюджета, конвертация нефтегазовых доходов в инновационные проекты наверняка столкнутся с большими трудностями по чисто объективным причинам.

Нет, безусловно, российский бизнес можно было бы даже во время кризиса (и «именем кризиса») хорошенько «потрясти», «встроить в реформы», сделать его куда

более сговорчивым, напомнив многочисленные прошлые и нынешние «грехи». Например, заключив с ним своего рода «договор о стратегическом партнерстве», в обмен на некие надежные, пролонгированные политические и юридические гарантии (и что важно, принятые обществом – это, наконец, позволит хотя бы отчасти легитимировать приватизацию 90-х годов в глазах россиян). А это послужило бы, помимо всего прочего, и неизбежному усилению прозрачности деятельности российского бизнеса, ограничению его «теневой» составляющей. И вполне возможно, это все же придется сделать – и отнюдь не для наполнения кошелька реформ, а для решения более прозаических задач. Пока же Президент Д. Медведев считает, что бизнес не следует «напрягать», нужно лишь «подсказывать» ему, куда лучше осуществлять приоритетные инвестиции.

Запад, как уже говорилось, будет очень избирателен в финансировании российских реформ, особенно их инновационной составляющей, с ориентацией на емкость (не такую, по мировым меркам, и безграничную) внутреннего платежеспособного рынка России, в первую очередь потребительского. Тем более, что наша страна по общей инвестиционной привлекательности – во второй половине «турнирной таблицы». Сотрудничество с зарубежными партнерами должно обязательно сопровождаться трансфертом современных технологий, менеджмента, прочным вращением зарубежных фирм в российскую экономику, встречными возможностями для российского бизнеса за рубежом. Для РФ был бы намного проще выход на мировые рынки высоких технологий (и не только) при наличии Запада в качестве партнера и «промоутера». Впрочем, для Запада сегодня финансировать реформы РФ, тем более поднимать проблемные высокотехнологичные сектора, – это значит плодить для себя конкурентов на мировых рынках и в мировой геополитике. По крайней мере, явно избыточными являются надежды, что, как и в годы мирового кризиса 30-х годов и первых советских пятилеток, в Россию рекой потекут технологии, специалисты, капиталы.

Государство, безусловно, возьмет на себя главное бремя по финансированию модернизационных реформ, координации деятельности в этом направлении. Однако, не исключено, выделение госсредств по нынешней схеме, пропуская их через доказавшую свою неэффективность финансово-банковскую сферу в ее современном виде, очень своеобразно понимающую свою роль в отечественной экономике в качестве системообразующего элемента, следует серьезно трансформировать. И, возможно, делать во многих случаях это «напрямую», под конкретные проекты, причем под жестким контролем со стороны, например, Счетной палаты, для чего последняя должна серьезно расширить свои функции и полномочия. Кроме того, в целях избежать всплеска инфляции выделяемые государством и аффилированными структурами средства на решение модернизационных задач должны быть целевыми, жестко привязанными именно к конкретным проектам, стерилизованными в их рамках, с пресечением попыток выведения на открытый спекулятивный финансовый рынок.

Разумеется, существуют примеры ответственного, даже подвижнического поведения отечественных финансовых структур. Например, по сути роль системного интегратора по ряду проектов в авиастроении РФ, причем не только на стадии сбыта, но и разработки, производства, взяли на себя лизинговая компания «Ильюшин-финанс» и ряд банков. Но это все же скорее исключения из правил в условиях фактического диктата со стороны банков. И совсем не случайно в самых разных кругах идет разговор о пригодности существующей российской банковской системы, как излишнего передаточного звена, особенно ее сегмента, работающего с госсредствами, для обеспечения развития страны, ее реальной экономики, модернизационной трансформации. Впрочем, обозначенные претензии относятся и

к мировому банковскому сообществу – в ином случае не было бы нынешнего кризиса.

С учетом всей совокупности факторов, ограничителей, финансовых возможностей, условий, в том числе условий, задаваемых кризисом, должна выстраиваться и стратегия модернизационного прорыва. Очевидно, что модернизация в РФ отнюдь не будет иметь характера фронтального наступления «от моря до моря». Это будет скорее «сетевая война» (хорошо, если не «партизанская»), с прорывами по тем направлениям, где они наиболее возможны, и там, где они необходимы для обеспечения общей базы модернизации и национальной безопасности. Совершенно ясно, что даже в условиях модернизационного сценария невозможно механическое перенесение в нынешнюю Россию советских методов модернизации («мы за ценой не постоим»), позволивших создавать «с нуля» целые «нужные» отрасли. Нет и не может быть ни прежнего мощного, репрессивного административного ресурса, ни «железных» сталинских наркомов, ни неподдельного энтузиазма в широких общественных массах.

Значит, нужны новые подходы, адаптированные к современным условиям и запросам экономики, законам социального, политического, технологического развития, законам психологии XXI века. Поэтому в первую очередь в рамках модернизационных реформ будет развиваться то, что «повезет» сам рынок, без понуканий; то, без чего «нельзя обойтись», прежде всего ОПК, ключевые направления инноваций, определяющие ход развития науки, технологий, общества, национальной безопасности на обозримую перспективу; то, где имеются серьезные заделы, наработки, способные в рамках партнерства бизнеса с государством и даже при лидирующей роли последнего дать значительную экономическую, технологическую, геополитическую, имиджевую выгоду для России в осязаемом будущем.

Один из важнейших факторов успешных реформ – качество человеческого материала. Уже сегодня в России существует серьезный кадровый дефицит, в первую очередь на высококвалифицированную рабочую силу, которую, например, не привлечь в нужном объеме за счет стран СНГ. Этот дефицит через 10 лет может составить 15 и более млн. человек, с учетом усугубляющейся демографической ситуации в РФ, падения уровня образования, высшего и профессионального. В ходе событий августа 2008 г. наличие у ВС РФ сложных систем управления войсками было во многом девальвировано нехваткой обученных операторов. На ряд ведущих московских и уральских предприятий, имеющих первостепенное значение для экономики и безопасности РФ, квалифицированных рабочих завозят авиатранспортом из-за границы для работы вахтовым способом. Нарушен важнейший принцип кадровой политики – непрерывность и преемственность. Термин «доживание» вполне адекватно характеризует ограниченную возможность более полного использования в РФ трудовых ресурсов старшего возраста. Программы по привлечению нужных кадров и учащейся молодежи, принятые в последнее время в ведущих развитых странах, способны привести к дальнейшему усилению «исхода» из России наиболее трудоспособного и эффективного контингента. При том, что сегодня за границей работает 700-900 тыс. ученых, исследователей, разработчиков – выходцев из России. Что касается прибывающих в Россию мигрантов-«гастарбайтеров», то лишь 20% их числа выполняет квалифицированную работу.

И сегодня для российских реформ, тем более прорывных, крайне актуален подзабытый лозунг «кадры решают все». Действительно, модернизационный рывок может быть осуществлен только в условиях качественных изменений во всей кадровой политике, создании целостного комплекса воспроизводства,

переподготовки, оценки и жесткого отбора (если нужно – то перевоспитания) кадров, отвечающих запросам не только сфер экономики и технологии, но и других областей, в том числе системы политической власти. Причем не только по своим профессиональным, но и моральным, психологическим параметрам. Возможно, нынешний кризис (как и практически любой кризис в нашей истории) будет способствовать кадровой селекции и ротации, возобновлению работы «социальных лифтов», приходу в элиты, во власть, в профессиональные сообщества лиц, способных как решать сегодняшние проблемы, так и вести страну по пути модернизации. И главное – способных избежать «искушения властью», пагубного противопоставления лично-корпоративных и национально-государственных интересов, готовых почувствовать их неразрывную связь и взаимную практическую ценность.

Правда, в условиях кризиса может преобладать совсем другая мудрость – «коней на переправе не меняют», и она имеет полное право на существование. На наш взгляд, худшее, что может произойти (и отчасти, к сожалению, происходит на практике) – это всякого рода гендерно-поколенческие заигрывания с обществом, подмена подлинной кадровой политики популистскими пиар-мероприятиями. В которых, между прочим, циничная часть современной молодежи чувствует себя весьма уютно и использует с большим знанием дела. Вряд ли разумно вычислять, какая профессиональная, социальная, возрастная группа является главным «носителем реформ», их «оплотом». Но когда «производители-созидатели» заведомо и безо всяких шансов на повышение статуса находятся на нижних этажах общества – это беда для государства и общества, системный тупик.

Непременное условие успешной модернизации в РФ – резкое повышение правовой культуры и законопослушания, исполнительской дисциплины, ликвидация «щелей» для противоправных действий. Сегодня потери российской экономики от попрания правовых и моральных норм, преступной расхлябанности огромны. Криминально-коррупционная составляющая в себестоимости отечественной продукции – порядка 1/3, что серьезно влияет на конкурентоспособность всего хозяйственного комплекса РФ на мировой арене, разлагает общество, лишает его стимулов к честному производительному труду. В России сегодня весьма популярна «шутка», что «отмени» коррупцию – и экономика страны остановится: пропадут стимулы для принятия решений, реализации построенных на «откатах» программ.

Необходимое условие осуществимости модернизационного прорыва в РФ – мотивационная готовность к нему. И у современной России в этом плане – отнюдь не лучшая стартовая позиция. Сегодня принято возлагать всю ответственность за сложную ситуацию в различных сферах жизни РФ на власть – и кое-кто видит во властных рокировках чуть ли не универсальное лекарство. Однако российские элиты, бизнес-сообщество, общество в целом сейчас просто не подготовлены в должной мере к модернизационному рывку. Для изменения данной ситуации, зримых подвижек нужны очень сильная политическая воля, коренная смена общественной психологии. И здесь не обойтись лозунгами, даже самыми привлекательными, типа «не врать, не воровать, работать», приписываемыми А.Лебедю в его бытность секретарем СБ РФ. Никакие увещания, разъяснения политики власти и бизнеса не помогут, если они расходятся с повседневной и повсеместной практикой.

Существенных усилений требуют идеологическая основа, концептуальные положения реформ и политики страны в целом. После стольких лет бравады по поводу деидеологизации страны (к чему это привело – сегодня хорошо видно) необходимо наконец сформулировать общенациональную систему ценностей («национальную идею») как своего рода «суперпроект - Россия», обеспечить

единство взглядов на цели и задачи развития и реформ, их допустимые социальные издержки. Первостепенную, ключевую роль в модернизационных реформах призвана сыграть морально-психологическая составляющая (особенно в ситуации, когда рыночные и административные виды «принуждения» показывают пределы своих возможностей в сегодняшней России). Приоритетом должно стать формирование в обществе «мобилизационного» (реформаторского) сознания – осмысленной (во имя чего?) готовности нести «бремя» модернизационного проекта, брать на себя часть общей ответственности, чего сегодня не хватает ни российским элитам, ни простым обывателям. Так что мобилизация прежде всего должна произойти «в умах». При этом формирование современного мобилизационного сознания безусловно не может быть лишь эффективной копией советского опыта («все на самолет»). Подчеркиваем, морально-психологический фактор – не приложение к реформам, а одна из их движущих сил, важнейшая экономическая категория.

В этом плане последние два постсоветских десятилетия оставили весьма противоречивое впечатление. Общество не стало более цельным и единым – и это отнюдь не только и не столько материальная сторона дела. Относительная консолидация в вопросе внешней политики не отменяет данного вывода. Безусловно, налицо рост раскрепощенности сознания, инициативности, социальной мобильности части общества, и это может оказаться одним из мощных факторов успеха российской модернизации. Однако при отсутствии сдержек и противовесов эти свойства, в определенных обстоятельствах («сбоя» в развитии), могут стать бесполезными, а то и сыграть серьезную деструктивную, дестабилизирующую («оранжевую») роль. За эти годы в России отнюдь не прибавилось традиционно дефицитных для нее дисциплины и самодисциплины. Обратная сторона такой медали – инстинктивная тяга и власти, и общества к «сильной руке» в системе управления. Не удалось пока выстроить прочного осознанного баланса взаимных обязательств между обществом, властью и бизнесом, без которого невозможен модернизационный прорыв, а его нарушение чревато самыми негативными последствиями в кризисной ситуации.

Страна так и не пришла к взвешенной самооценке своих интересов и возможностей. Несмотря на известные позитивные сдвиги, за прошедшие десятилетия Россия как бы исподволь свыклась со своей по сути второсортностью в экономике, техносфере, культуре, пусть и в сверхдержавной пиар-обертке, дополненной для меньшинства потребительским изобилием. Общество пропиталось безверием, цинизмом и равнодушием, устав от обещаний и ожиданий, «хлестаковщины», запуталось в ухищрениях политтехнологов. Утеряны не только профессиональные навыки – ушла профессиональная гордость. Тотальное мздоимство, нивелировка и деградация личности, убыль населения, пьянство и наркомания – это не только опасные «болезни» сами по себе, но и симптомы, следствия куда более серьезного, запущенного недуга, погубительного для общества и государства, сводящего на нет реформы, ставящего под вопрос вообще существование России как самостоятельной величины на карте мира. Моральность и добропорядочность, патриотизм еще не воспринимаются в должной мере в качестве важнейших общественных и экономических свойств, как непрменный залог успешности развития в целом и бизнеса в частности, повод для позитивной реакции на него со стороны подавляющей части россиян.

Отмечены попытки СМИ (другой вопрос – с какими целями) разрубить историю России, особенно новую и новейшую, на отдельные отрезки, противопоставить их друг другу, столкнуть лбами. Что чревато потерей обществом ощущения идентичности, принадлежности к великой стране и проявлениями равнодушия к ее

судьбам, к историческому наследию и будущему. Что же, конструировать «россиянина-реформатора», его поведенческую психологию подлжит из весьма разнородных блоков и фрагментов, находящихся в причудливом, неразрывном единении в его «генетическом коде». Задача приспособить этот набор свойств, где часто достоинства являются продолжением недостатков, к потребностям модернизационного проекта – возможно, одна из самых актуальных и трудных на ближайшее время, многократно усложненная сегодняшними проблемами. Готов ли, захочет ли «дорогой россиянин» быть «отмобилизованным» (даже не подозревая об этом) на осуществление амбициозных реформ, прорывов на новый уровень развития, собственного самоощущения и своего восприятия внешним миром или ему окажется милее совсем другой выбор (тогда уже без выбора, за него это сделает мировая экономика) – покажет уже скорое будущее. Настаиваем, однако, что этот выбор не должен быть «свободным дрейфом по волнам», он должен быть осознано сделан в интересах российского общества и государства при их акцентированном участии.

Очевидно, что нынешние времена - не самые удачные для проведения в РФ коренной инновационной модернизации. Но откладывать ее «на потом», до лучших дней невозможно. Ведь в этом случае у России есть все шансы отстать от мирового сообщества еще дальше — уже навсегда. Поэтому крайне важно, чтобы Россия вышла из кризиса на верный, предсказуемый, реализуемый вектор развития, обеспеченный ресурсами, осознанный обществом, – и вышла максимально отмобилизованной. Рубеж 2020 года отнюдь не случаен, он по-своему знаменателен. Это своего рода черта под поисками, ошибками и иллюзиями переходного периода и старт нового длительного этапа глобального развития. Мы полагаем, что в мире именно к этому времени реально проявятся контуры нового мирового порядка (НМП) на долгосрочную перспективу. С уже достаточно жестко прописанными правилами игры, структурой, своими лидерами и аутсайдерами. И РФ должна оказаться на данной временной отметке по возможности сильной, внутренне единой, уверенной в себе, готовой ответить на вызовы, парировать угрозы. Чтобы при формировании НМП не стать заложницей решений и обстоятельств, не зависящих от нее самой, навязанных ей, противоречащих ее интересам.

Подведем черту под сказанным. Если говорится именно о прорывных реформах, а не о движении по накатанной колее (без разницы, на плавный – слишком плавный – подъем или под уклон), то в качестве основы предстоящих реформ должен быть выбран именно мобилизационный сценарий. Он в целом прагматичен, экономичен, нацелен на результат, а не на пиар и доктринерство, а потому вполне реализуем, даже с учетом объективно существующих немалых трудностей, в том числе кризисных и послекризисных. Для других, пусть и более «красивых», но гораздо более дорогостоящих сценариев, ресурсов и средств, как впрочем и времени, у России просто нет. И это необходимо учитывать всем, в том числе руководству страны. Важно понимать: если срочно не принять самых решительных, в том числе «мобилизационных» мер, то и российское государство, и общество, и элиты будут «переработаны» мировым сообществом и отправлены на задворки развития.

Литература:

С. Казеннов. Концепция – 2020: в поиске реализуемого сценария. «Перспективы». Изд-во Фонда исторической перспективы. 09.09.2008., 1,2 п.л.

С.Ю. Казеннов, В.Н. Кумачев. Российская модернизация: по какому сценарию? «Россия: тенденции и перспективы развития». Ежегодник, вып. 4, часть 1. М., 2009. 0,6 п.л. Итоги IX международной научной конференции «Россия: ключевые проблемы и решения», декабрь 2008 г., Москва.

Кроме того, в мае-июне 2008 г. С. Казеннов в составе коллектива экспертов проводил экспертизу «Концепции социально-экономического развития РФ до 2020 года» по заданию Фонда экономических и социально-политических экспертиз (координатор проекта В.А. Митичев). Общий объем представленных С.Казенновым материалов 2,0 а.л. Экспертиза проводилась для уточнения «Концепции», а также для использования ее результатов и рекомендаций в работе структур Администрации Президента РФ, Правительства РФ, ГД и СФ РФ, региональных органов власти.

Глава 3. Роль инноваций в системе экономического обеспечения национальной и военной безопасности

В начале нового десятилетия исследования по проблеме экономического обеспечения национальной безопасности значительно интенсифицировались. Это связано, во-первых, с необходимостью разрешения глобальных противоречий современности. Выделяются два важнейших противоречия: 1. несоответствие между потребностями все растущего человечества и возможностями непрерывно скудеющей природной среды по их удовлетворению и 2. между невиданным развитием знаний и возможностью их использования человечеством. Кроме того, необходимо отметить высокую динамику инновационного развития и глубокие турбулентные преобразования окружающей среды (глобализация информации, идеологий и экономических возможностей) в условиях общемировой тенденции к развитию экономики нового типа: экономики знаний.

Все более важное место последние два десятилетия занимают вопросы инновационной деятельности в сфере экономического обеспечения национальной безопасности. Усиливается внимание к вопросам государственно-частного партнерства в сфере разработки и производства вооружений и военной техники (ВиВТ), а также к вопросам исполнения программ создания новых систем оружия, проблемам соизмерения эффекта и затрат в сфере обороны, активизируются исследования по организационно-управленческой составляющей военно-экономических приготовлений, расширяются работы по прогнозированию и оценкам риска военно-экономического развития.

По мнению ряда западных экспертов, следует уделять внимание новым аспектам зарубежного «экономического оружия»,²³ таким как, например, зависимость от импорта в сфере высоких технологий. Американские ассигнования на полупроводники уже в начале текущего столетия приблизились к 200 млрд. долл. ежегодно, что на 30% превысило затраты на нефть.²⁴ Полупроводники и другие электронные компоненты жизненно важны для всех секторов экономики, в том числе и в военном секторе новой экономики знаний. Импорт в области полупроводников исключительно важен для США. Около 80% импорта полупроводников приходится на Дальний Восток. Важно отметить, что 72% компьютерных «мышек» и около 80% клавиатур поступало в конце прошедшего десятилетия только из одной азиатской страны – Тайваня.²⁵

В текущем десятилетии просматривается несколько важных аспектов, усиливающих внимание к вопросу взаимодействия экономического развития и безопасности.

Во-первых, глобализация экономики усиливает не только возможности, но и, зачастую, повышает уязвимость государства, в частности, США, на что было обращено внимание американских исследователей.²⁶ Сюда можно отнести и отмеченные выше новые аспекты «экономического оружия». *Во-вторых*, снижаются государственные барьеры на пути передачи технологий. Способность США ограничить передачу коммерческой продукции и технологий другим странам, как

²³ Donald Losman. Economic Security A National Security Folly?// Policy Analysis, N409. 2001, p.2.

²⁴ Donald Losman. Economic Security A National Security Folly?// Policy Analysis, N409, 2001, p.10.

²⁵ World Technology Evaluation Center, "WTEC Panel Report on Electronics Manufacturing in Pacific Rim", May 1997, chap.5, p.3, <http://Loyola.edu/em/toc.htm>

²⁶ Report of the Working Group on Economics and National Security. The Princeton Project on National Security. Working Group Co-Chairs: Adam Rosen (Institute of International Economics; Daniel K. Tarullo (Georgetown University). 2005.

отмечали западные исследователи,²⁷ сегодня носит более ограниченный характер, чем в предыдущие десятилетия. Несмотря на то, что США остаются лидерами научно-технического и военно-технического развития, перестройка экономик Западной Европы и ряда Азиатских стран постепенно снижает степень американского доминирования. *В третьих*, следует ожидать, что в долгосрочной перспективе международное экономическое развитие и интеграция усилят воздействие на национальную безопасность. *В-четвертых*, в условиях глобализации экономики возрастает рисковая составляющая безопасности. Так, американские экономисты подчеркивают, что эффект от ошибок экономической политики США достаточно быстро воздействует на национальную безопасность.

Обеспечение процветания страны, содействие развитию ее экономики является одной из приоритетных целей стратегии национальной безопасности США и других западных стран. Развитие конкурентоспособной национальной инновационной экономики и обеспечение доступа к иностранным рынкам, источникам энергии, природным ископаемым, океанам и космическому пространству, новейшим критически важным технологиям играют все возрастающую роль в системе обеспечения национальной безопасности современных государств мира.

В новом тысячелетии экономическое измерение стратегии национальной безопасности США базируется на трех приоритетах: 1. необходимости обеспечения экономической безопасности посредством достижения упругости к экономическим шокам (*resilient to economic shocks*) как со стороны экономики США, так и со стороны глобальной экономики; 2. содействие глобальному прогрессу путем расширения торговли и инвестиций между государствами; 3. содействие бедным государствам в использовании выгод от глобальных процессов.

По мнению ряда западных экспертов, успех в достижении целей экономической политики составляет сегодня сердцевину стратегии национальной безопасности США. Экономический потенциал является основой национальной безопасности.²⁸

Расширяется взаимосвязь и взаимозависимость экономической безопасности с остальными видами национальной безопасности: военной, экологической, информационной, социальной, энергетической. Не может быть военной безопасности при слабой и неэффективной экономике, так же как не может быть одновременно ни военной, ни экономической безопасности в обществе, раздираемом социальными конфликтами.²⁹ Но все же базисом национальной безопасности является экономическая безопасность.

По мнению российских экспертов, национальная экономическая безопасность – это состояние экономики и институтов власти, при котором обеспечивается гарантированная защита национальных интересов, гармоничное, социально направленное развитие страны в целом, создается **достаточный экономический и оборонный потенциал** даже при наиболее неблагоприятных вариантах развития внутренних и внешних процессов. Экономическая безопасность страны формулируется как защищенность экономических отношений, определяющих прогрессивное развитие экономического потенциала страны и обеспечивающих повышение уровня благосостояния всех членов общества, его отдельных

²⁷ Report of the Working Group on Economics and National Security. The Princeton Project on National Security. Working Group Co-Chairs: Adam Rosen (Institute of International Economics); Daniel K. Tarullo (Georgetown University). 2005.

²⁸ Alan P. Larson – Under Secretary of State for Economic, Business and Agricultural Affairs. <http://usinfo.state.gov/journals/itips/1202/ijpe/pj7-4larson.htm>

²⁹ Экономическая и национальная безопасность /Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова..Под ред. Е.А. Олейникова, М.: Экзамен, 2004.с.130.

социальных групп и формирующих основы обороноспособности страны от опасностей и угроз. Учитывая, что основой экономического развития в современном мире является научно-технический прогресс, переход к передовым технологиям, то стрелжнем экономической безопасности в современных условиях являются технико-экономическая независимость и технико-экономическая неужзвимость,³⁰ в том числе и военно-экономическая независимость, и военно-техническая неужзвимость.

Основные задачи в области экономического обеспечения национальной безопасности: поддержание на высоком уровне военного потенциала государства; проведение независимого и социально-ориентированного экономического курса; преодоление технологической и научно-технической зависимости от внешних источников; обеспечение равноправного и взаимовыгодного сотрудничества с промышленно развитыми странами мира.

Важнейшие экономические параметры обеспечения национальной безопасности – размеры ВВП в целом и на душу населения, доля военных расходов в ВВП страны, уровень развития критически важных технологий, инновационная способность экономики, численность научных и инженерно-технических кадров, патентная активность и т.д.

Все большее значение приобретает инновационная составляющая системы экономического обеспечения национальной безопасности. Инновационная динамика последних двух десятилетий возрастает. В том числе и за счет расширения глобального доступа к международной копилке знаний, технологическому обмену, более широкой поддержки науки и технологий, модернизации производственной базы.

При этом инновационные процессы набирают силу при огромном накопленном за последние десятилетия фонде знаний, обладающим значительным потенциалом рекомбинации его составляющих. В этих условиях, с учетом глобализации процессов создания и использования знаний и технологий, резко повышается вероятность появления технологических сюрпризов и асимметричных преимуществ, увеличиваются политические, военные и социальные риски. Комбинация знания и военно-экономической мощи государства переводит инновации на качественно иной уровень, делая их важнейшим агентом новых военно-стратегических сценариев и ощутимым фактором трансформации всей системы международных отношений, прежде всего в сфере безопасности.

Особое внимание в данной работе уделяется экономическому обеспечению военной составляющей национальной безопасности. Следует заметить, что события 11 сентября 2001 года, подстегнув и скорректировав трансформационные процессы в вооруженных силах США, жестко взаимоувязали проблемы общего экономического развития и безопасности. Одним из важнейших цементирующих элементов этой взаимосвязи стала инновационная способность национальной экономики.

Инновационная способность экономики нельзя измерять конкретными изделиями. Сегодня можно добавить, что все менее значимыми становятся при определении инновационной способности количественные показатели затрат на исследования и разработки. Инновационную способность следует понимать как постоянную, пронизывающую всю экономику способность создавать и применять передовые технологические новшества. Она, безусловно, обусловлена количеством и качеством ресурсов (в том числе финансовых, материальных, интеллектуальных), выделяемых на научно-технологическое развитие государства, а также наличием

³⁰ Экономическая и национальная безопасность /Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова..Под ред. Е.А. Олейникова, М.: Экзамен, 2004. с.129.

инфраструктуры инновационной деятельности (ИД),³¹ качеством этих элементов. Но во все большей степени инновационная способность, как военного, так и гражданского секторов экономики, определяется следующими двумя факторами. Во-первых, интенсивностью и результативностью взаимодействий между элементами национальной инновационной системы (НИС), то есть, эффективностью действующего механизма инновационных процессов. Во-вторых, способностью в максимально возможной степени и с высоким уровнем эффективности использовать научно-технические знания и другие составляющие неосязаемого капитала новой экономики (квалификация, навыки, организационно-управленческие факторы и т.д.). По мнению ряда западных экспертов, наивысший уровень инновационной способности военной экономики – страховка от технологических сюрпризов. Инновационную способность военного сектора экономики можно характеризовать двумя составляющими: возможностью реализации технологических прорывов и своевременность реагирования на технологические сюрпризы (или возможность нейтрализации технологических сюрпризов).

В новом десятилетии в мире, как известно, не только кардинально вырос спрос на знания и инновации, но и развивается, причем достаточно интенсивно и эффективно процесс формирования спроса на знания и инновации. В результате современная концепция инновационной способности фокусируется уже не на конкурентоспособности экономики в настоящий момент, а на способности поддержать ее в будущем.

Критической составляющей, основным ресурсом и важнейшим индикатором национальной инновационной способности России, определяющим ее позиции на мировом технологическом пространстве, является сегодня состояние ее оборонно-промышленного комплекса (ОПК).

3.1. Инновационные процессы в ОПК России

ОПК России занимает особое место в системе национального хозяйства. Здесь и поддержка государства, и наибольшая концентрация высоких наукоемких технологий, и наличие предприятий с продукцией мирового уровня (прежде всего, в аэрокосмической сфере). Доля оборонного комплекса в области общенациональных научных разработок составляет по разным оценкам от 65% до 75%. И хотя доля ОПК в общем промышленном потенциале России примерно 4 - 5%, на него приходится около 30% валового производства в машиностроении и порядка 45% машинно-технического экспорта. По данным на середину текущего десятилетия, на оборонных предприятиях выпускалось 60% медицинского оборудования, а топливно-энергетический комплекс зависит от них на 30%. По отдельным же видам высокотехнологичной продукции, например, аэрокосмической, электронной, оптической, предприятия ОПК обеспечивают 100% выпуска.

Не случайно, в соответствии с Концепцией долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 г.,³² важнейшим отраслям оборонно-промышленного комплекса отведена ключевая роль в становлении инновационной экономики России. То есть, по сути, на ОПК, вследствие его особой роли в развитии национального хозяйства, возлагается задача ускорения инновационного развития

³¹ Инновационная деятельность (ИД) связана, прежде всего, с процессом внедрения и распространения нововведений, доведением новых оригинальных идей до реализации. Ее функциональные области непрерывно расширяются: от разработки, производства, к учету и контролю, менеджменту и маркетингу. Инновационная деятельность, в преобладающей степени связанная с созданием и использованием интеллектуального продукта, и во все большей степени ориентируется на будущие технологические возможности.

³² Концепция была утверждена Распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 г. №1662.

как в рамках собственно оборонно-промышленного сектора, так и всей российской экономики. Речь, безусловно, не идет о преимущественном развитии ОПК. Ожидается, что, опираясь на стратегию двойных инноваций и интеграции с гражданским сектором экономики, ОПК мог бы способствовать активизации инновационных процессов и росту гражданского высокотехнологического сектора России.

Можно предположить, что ОПК России в рамках движения к синтезу военной и гражданской экономики, мог бы стать оплотом в реализации промышленно-инновационного прорыва страны. Для этого в России имеются и опыт развития критически важных технологий, и базовая инфраструктура, включая систему высшего образования, и научно-технические заделы, и выдающиеся достижения в области фундаментальных наук. Более того, уникальность современной российской ситуации заключается в том, что сегодня сопряжены главные цели промышленно-инновационного прорыва: экономическая (рост производительности труда и конкурентоспособности национальной экономики), технологическая (усиление инновационных процессов и разработки перспективных продуктов, услуг, форм организации), политическая (улучшение позиции страны в международном разделении труда и иерархии государств) и военная (модернизация и разработка новых поколений вооружений и военной техники).

Однако существовавшая инфраструктура национальной инновационной системы (НИС) и механизм создания и материализации научно-технических достижений был серьезно деформирован в 90-е годы прошлого века. Доля инновационно-активных предприятий в общей численности промышленных предприятий России упала с 60-70% в 80-е годы до 6-3% в 90-е годы (табл.1). В результате, технологический разрыв России с промышленно развитыми странами Запада, который начал просматриваться еще во второй половине 80-х годов, стал значительно глубже в 90-е гг.

В новом десятилетии, как показывают существующие данные, постепенно нарастает инновационная активность в ОПК России, причем темпами, превышающими соответствующие показатели по промышленности в целом. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики о технологических инновациях предприятий и организаций за 2003 год,

Таблица 1. Уровень инновационной активности предприятий России.³³

	80-е гг.	90-е гг.	Новое десятилетие
Уровень инновационной активности	60-70%	6-3%	10%

Составлено по данным источников: «Россия: экономическая конъюнктура -2004». Центр экономической конъюнктуры при Правительстве РФ. М., 2004 – 2006 гг.

Рассмотренная выше доля инновационно-активных предприятий выросла до 10,7% по российской промышленности и превысила 37% в ОПК России (табл.2). Хотя сразу же следует отметить, что уровень научно-технической и рыночной новизны продукции этих предприятий зачастую не соответствует мировым стандартам. Согласно оценкам ряда российских экономистов, не более 5% российских компаний демонстрируют возможности создания продукта с самым

³³ Инновационные предприятия – это предприятия, осваивающие новую продукцию и новые технологические процессы: инновации-продукты и инновации-процессы

высоким уровнем технологической новизны.³⁴ Можно констатировать, что процесс наращивания инновационной активности сектора высоких технологий России, идет довольно медленно.

Выделим основные задачи развития ОПК РФ, для решения которых необходим подъем инновационной активности:

- снижение научно-технической и технологической зависимости РФ от внешних источников;
- подъем и поддержание на достаточно высоком уровне военного потенциала государства;
- обеспечение способности адекватно противостоять рискам и вызовам, связанным с изменением конъюнктуры мировых рынков;
- создание необходимых условий для эффективной интеграции наукоемкого сектора России в мировую экономику и расширение участия России на мировом рынке высокотехнологичной продукции.
- наращивание научно-технического задела для противостояния «просматриваемой» возможности снижения доходов от экспорта вооружений и военной техники и потери соответствующих рынков сбыта в случае «исчерпания» научно-технического задела, созданного ранее.

Таблица 2. Уровень инновационной активности в ОПК РФ в 2003 г., %

Отрасли промышленности	Доля ИАП в общем кол-ве предприятий ОПК, %	Удельный вес инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции		Соотношение выпуска ИП и затрат на инновации, %
		в целом, %	за рубеж, %	
Всего	37,2	11,5	21,9	3,3
в том числе:				
Авиационная	43,6	12,8	25,4	3,8
Оборонная	47,3	7,6	8,6	3,1
Судостроительная	25,7	4,4	17,5	3,5
Радиопромышленность	41,5	10,9	1,0	2,5
Средства связи	36,0	21,2	30,2	6,6
Электронная	35,1	11,0	19,8	1,8
Справочно: промышленности РФ в целом	10,7	4,7	4,9	2,3

ИАП – инновационно-активные предприятия

ИП – инновационная продукция

Оборонная промышленность включает ракетно-космическую, промышленность вооружений и промышленность боеприпасов и спецхимии.

Источники: «Россия: экономическая конъюнктура 2004». Выпуск 4, Центр экономической конъюнктуры при Правительстве РФ. М., декабрь 2004, с. 64. По данным Федеральной службы государственной статистики за 2003 год.

Доля инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции предприятий ОПК составила в 2003 г. более 10%, а соответствующая доля в отгруженной за рубеж продукции – свыше 20% (табл.3). Основным производителем и экспортером инновационной продукции является авиационная промышленность. Наиболее высокий удельный вес инновационной продукции в объеме производства и экспорта отмечен в промышленности средств связи, что соответствует мировым тенденциям.

Из общего объема затрат на технологические инновации в ОПК России (табл. 3) на НИОКР в области новых продуктов и производственных процессов в 2003 г. было направлено 35% (в среднем по промышленности -11.5%), на приобретение

³⁴ Л.Гохберг. «Инновации: без карты по пересеченной местности. www.hse.ru/news/recent/4568166.html.

машин и оборудования – 34,5%, на производственное проектирование – 19,6%. В авиационной промышленности значительные средства выделялись на приобретение программных средств, в судостроительной промышленности – на обучение и подготовку персонала, в радиопромышленности – на проведение маркетинговых исследований.

Таблица 3. Структура затрат на технологические инновации по видам инновационной деятельности, %

Отрасли промышленности	Исследования и разработки новых продуктов	Приобретение			Производственное проектирование	Прочее(*)
		Машины и оборудование	Новые технологии	Программное обеспечение		
Всего, в том числе:	35,0	34,5	0,7	2,4	19,6	8,7
Авиационная	52,4	13,2	0,1	3,6	27,2	3,5
Оборонная	14,7	47,9	0,5	2,0	18,9	16,0
Судостроительная	22,8	40,8	2,0	2,0	16,0	15,9
Радиопромышлен.	30,9	38,2	0,7	0,5	21,9	7,8
Средства связи	27,3	29,7	5,3	4,6	23,5	9,6
Электронная	34,2	33,4	0,7	1,5	18,2	12,0
Справочно: промышленность РФ	11,5	34,2	6,8	2,2	26,8	18,5

*)Прочее – включает затраты на обучение и подготовку персонала, маркетинговые исследования и др.

Источник: «Россия: экономическая конъюнктура 2004». Выпуск 4, Центр экономической конъюнктуры при Правительстве РФ. М., декабрь 2004, с. 64.

Главным источником финансирования инновационной деятельности в ОПК РФ, как видно из данных таблицы 4, являются сегодня собственные средства предприятий – 71%. Федеральный бюджет обеспечивает лишь 15,2%, что, однако, более чем в 7 раз выше, чем по промышленности России целом. Зарубежные инвестиции не имеют широкого распространения ни в ОПК (0,1%), ни в промышленности в целом – 1, 4%.

Таблица 4. Структура затрат на технологические инновации по источникам финансирования, %

Отрасли ОПК	Собственные средства организаций	Федеральный бюджет	Прочее (а)
Всего, в том числе:	71,0	15,2	13,8
Авиационная	55,7	24,6	19,7
Оборонная	80,7	13,2	6,1
Судостроительная	93,0	3,7	3,3
Радиопромышленность	95,9	3,8	0,3
Средства связи	73,5	8,5	18,0
Электронная	46,4	19,2	34,4
Справочно: промышленность РФ	90,3	2,2	7,5

а) Прочее: бюджеты субъектов РФ, внебюджетные фонды, зарубежные инвестиции и т.д.

Источник: «Россия: экономическая конъюнктура 2004». Выпуск 4, Центр экономической конъюнктуры при Правительстве РФ. М., декабрь 2004, с. 64.

Анализ структуры передовых производственных технологий, используемых в оборонных отраслях российской промышленности показывает (табл. 5), что уже к 2003 г. на предприятиях оборонных отраслей было сосредоточено порядка 34%

общего количества передовых производственных технологий, используемых в промышленности РФ. По удельному весу производственных технологий, внедренных в 2002-2004 гг. предприятия ОПК (34,29%) догоняют промышленность России в целом (39,8%).

В 2004 году число передовых производственных технологий, используемых в отраслях ОПК России, возросло на 15% по сравнению с предыдущим годом и составило в целом 26506 единиц (табл. 5). Из них в 2002-2004 гг. было внедрено 9088 технологий или 34,29% используемых в настоящее время передовых производственных технологий. Для сравнения: в 1996-1998 годах данный показатель составил 2798 (10,56%). То есть, количество внедренных передовых производственных технологий в 2002-2004 годах в три раза превысило аналогичный показатель за 1996-1998 годы. При этом из внедренных в 2002-2004 годах 9088 передовых производственных технологий, более 55,6% составили технологии проектирования и инжиниринга; 31,3% - технология производства, обработки и сборки; 9,6% - связь и управление; 2,1% - аппаратура наблюдения и контроля; 1,0% - производственные информационные системы; 0,1% - интегрированное управление производством; 0,16% - автоматизированная транспортировка и погрузочно-разгрузочные работы.

За 2002-2004 годы количество внедренных передовых производственных технологий возросло по сравнению с периодом 1996-1998 гг. (табл.5) в авиационной промышленности - в 1,9 раза (с 1046 до 2033 единиц); в оборонной промышленности – в 2,9 раза (с 994 до 2911 единиц); в судостроительной – в 2,5 раза (со 146 до 363 ед.); в радиопромышленности – в 2,6 раза (со 198 до 520 ед.); в промышленности средств связи – в 2,4 раза (со 184 до 338 ед.); в электронной промышленности – в 2,4 раза (с 207 до 495 ед.), а в производстве атомной техники (без энергетических реакторов) – больше чем в 100 раз (с 23 до 2318 единиц).

Рост числа технологий, связанных с компьютерным проектированием составил в 2004 г. по сравнению с предыдущим годом 35% (до 9 тыс. единиц). Все более широкое применение в авиационной промышленности находят технологии автоматизированного моделирования современных авиадвигателей (для самолетов и вертолетов, причем как военного, так и гражданского применения); в судостроении и промышленности вооружений расширяется использование плазменного и электронно-лучевого оборудования для резки, сварки и закаливания металлов; в радиоэлектронном комплексе растет использование робототехники и аппаратуры, предназначенной для контроля за поступающими материалами и готовыми изделиями.

Таблица 5. Количество, используемых в оборонных отраслях промышленности передовых производственных технологий по периодам внедрения (единиц/%)

	Всего	До 1996	1996-1998	1999-2001	2002-2004(а)
Всего, в том числе:	26506/100	9174/34,61	2798/10,56	5446/20,55	9088/34,29
Авиационная	7878/100	3465/43,98	1046/13,28	1334/16,93	2033/25,81
Оборонная	9299/100	2767/29,76	994/10,69	2627/28,25	2911/31,30
Судостроительная	1014/100	305/30,08	146/14,40	200/19,72	363/35,80
Радиопромышленность	2420/100	1267/52,36	198/8,18	435/17,98	520/21,49
Средства связи	1601/100	631/39,41	184/11,49	338/21,11	448/27,98
Электронная	1447/100	502/34,69	207/14,31	243/16,79	495/34,21
Производство атомной техники (б)	2847/100	237/8,32	23/0,81	269/9,45	2318/81,42
Справочно: промышленность РФ	87056/100	21487/24,68	10997/12,63	19917/22,88	34675/39,83

а) Всего по данным на 2004 год.

б) без энергетических реакторов

Источник: по данным «Россия экономическая конъюнктура», Центр экономической конъюнктуры, №3, 2005, с.82

По данным 2007 г., приоритетным направлением модернизации оборонных предприятий являлось внедрение в процессы производства и управления информационных технологий (то есть, технологий, использующих средства микроэлектроники для сбора, хранения, обработки и передачи данных). Доля оборонных предприятий, использующих информационные технологии, составила 95%, в том числе использующих специальные программные средства для решения задач определенного класса – более 90%.³⁵ Получил развитие и процесс применения информационных технологий в коммерческих целях – для размещения и получения заказов, оплаты поставляемой продукции, предоставления сервисных услуг.

Как известно, в новом десятилетии расходы на оборону начали постепенно расти. С конца прошлого десятилетия наметился рост объема производства продукции в оборонном комплексе России (хотя его масштабы не соответствуют глубине падения в 90-х годах). В то же время, несмотря на усиление внимания в проблемам ОПК, не происходит качественных изменений как в самом оборонно-промышленном комплексе, так и в обеспечении вооруженных сил России современным высококачественным вооружением и военной техникой.

На наш взгляд, одна из причин – отсутствие соответствующего механизма инновационной деятельности. Вследствие этого, безусловный интерес вызывает анализ механизма инновационной деятельности в военно-ориентированном секторе экономики США.

В США за последние 25 лет был теоретически подготовлен и практически реализован мощный инновационный прорыв в экономике. Ключевую роль в переходе к экономике знаний сыграло создание нового механизма инновационных процессов в экономике и укрепление инновационной способности национальной экономики в целом и военной экономики в частности.

Отличительной чертой нового механизма инновационных процессов явилось формирование плотной сети взаимодействия между всеми субъектами национальной инновационной системы (включая взаимодействие между военным и гражданским секторами экономики), а также между всеми стадиями динамично развивающегося и существенно усложнившегося инновационного процесса. Усиливаются и взаимосвязи между исполнителями НИОКР и пользователями технологических инноваций, причем как на различных уровнях знания, так и в разнообразном «целевом» спектре - коммерциализации научно-технических результатов, поддержке образования и т.д.

3.2. Механизм обеспечения инновационной деятельности в военном секторе

Особенности современного этапа инновационной деятельности в военном секторе экономики определяются, прежде всего, двумя главными обстоятельствами. Во-первых, именно последнее десятилетие XX века можно характеризовать как переходный период, начало формирования кардинально новой инновационной среды и отработки новых форм организации инновационных процессов в военно-ориентированных наукоемких отраслях экономики промышленно развитых стран Запада. Во-вторых, в результате глубоких качественных сдвигов в военном производстве и обслуживающей его инфраструктуре в первое десятилетие после «холодной» войны произошли системные изменения в военно-экономической сфере.

³⁵ Россия: экономическая конъюнктура, 2007, с. 85.

К числу важнейших из них относятся: интернационализация, синтез военных и гражданских секторов, переход к новому технологическому укладу, информационная революция, расширение военно-технического сотрудничества (не только в сфере готовой продукции, но и в сфере новых разработок), усиление рыночных отношений в военном секторе экономики.

Важное место в этом ряду занимает усиление взаимодействия военных и гражданских секторов экономики. Кардинальным образом снизилась степень изолированности, закрытости военно-производственной базы и военно-научной деятельности для гражданских потребителей. Одновременно усилился обратный процесс: использование достижений гражданского сектора в военных целях.

Особого внимания заслуживает реализация научно-инновационного прорыва в США, стимулированного одновременностью появления инноваций-продуктов и инноваций-процессов в 90-е годы (с последующими организационно-управленческими инновациями в начале нынешнего десятилетия), активно поддержанного системой нормативно-законодательных мер и различных инициатив правительства США.³⁶ Это привело к наращиванию американского технологического отрыва от других центров силы в качественном и количественном отношении. Прежде всего, это относится к военно-технологической сфере. Изменения в военно-политической стратегии США после событий «11 Сентября» 2001 г. повысили внимание к поддержанию и укреплению американского военно-технологического отрыва, что неизбежно ведет к повышению усилий в сфере инновационной деятельности в военно-ориентированных отраслях экономики. При этом приобретенный в 90-е годы опыт инновационной деятельности в совокупности с системными изменениями в военно-экономической сфере, существенно меняет ситуацию, что требует своего осмысления.

Основные элементы военной составляющей национальной инновационной системы США остались в текущем десятилетии практически без изменений:

- Министерство обороны (и его организации, например, ДАРПА (Управление перспективных исследований и разработок МО США), военные лаборатории, специализированные исследовательские организации видов ВС);
- Федерально-спонсируемые исследовательские центры в университетах, промышленности и бесприбыльных организациях;
- Правительственные агентства, финансирующие и проводящие исследования, и их лаборатории (прежде всего, лаборатории министерства энергетики и НАСА);
- Компании: крупные, малые, средние, специализированные;
- Университеты.

Однако за последние десятилетия произошли существенные сдвиги как во взаимодействии военной составляющей инновационной системы с гражданской, так и на границах взаимодействий элементов военной части НИС. Налицо изменения в источниках идей, технических знаний и капитала. В первые послевоенные десятилетия основным генератором новых идей и достижений в западных странах, прежде всего в США считался военный сектор экономики. Однако, уже с конца 70-х гг. возросли темпы роста масштабов применения новейших достижений науки и техники в гражданской сфере, что и создало объективные предпосылки движения технологических потоков в направлении, прямо противоположном тому, которое отмечалось в первые послевоенные десятилетия.

³⁶ *Которые последовательно развивались на протяжении 80-х-90-х годов.*

Наблюдается изменение роли основных участников инновационных процессов и повышение роли и значения различного рода партнерств как на национальном, так и на международном уровнях. Правительство отстраняется от своей традиционной роли по финансированию НИОКР, выполнению функций главного промышленного направляющего через систему военных закупок и пытается определиться с новыми способами ускорения инновационных процессов в экономике.³⁷ Важнейшее значение приобретает развитие партнерских отношений с частными компаниями, что ведет к сдвигу ответственности за риск (или к разделению риска) разработки и производства ВиВТ между правительством и частными корпорациями. Отношения «монопсония заказчика/привилегированные поставщики» сдвигается к отношению «монопсония заказчика/конкурирующие поставщики» и далее к отношениям, базирующимся на «олигополистической структуре заказчик/поставщик и конкуренции среди поставщиков».

Усиливается значение и роль правительства в области преодоления барьеров на пути инновационного развития. По мнению большинства западных экспертов, одним из важнейших барьеров является наличие серьезного разрыва между общественными ресурсами, доступными академическим исследовательским организациям и национальным лабораториям при проведении фундаментальных исследований и способностью частного сектора финансировать прикладные исследования. Этот разрыв всегда существовал, но он становится глубже и шире. Американские экономисты, по образному определению конгрессмена Вернона Эхлера (Vernon Ehlers), называют эту область «долиной смерти».³⁸ Исследования, проводимые в этой области, получили название «среднеуровневые исследования» (“mid-level research”),³⁹ или «фундаментальные технологические исследования» (“basic technology research”).⁴⁰ Ряд российских экономистов называют эту стадию «ранняя стадия разработки технологий» (РСРТ).⁴¹ По мнению американских экспертов, различные механизмы необходимы, чтобы покрыть эту «Долину».⁴² И здесь возрастает роль компенсационных (или возмещающих) мероприятий со стороны правительства.

Промышленность во все увеличивающейся степени использует новые, более мощные инструменты науки для управления сложными, проектируемыми под потребности потребителей технологиями и методами сокращения инновационного цикла. Крупные корпорации во все увеличивающейся степени видят свою роль как «системных интеграторов», производителей с низкими издержками производства, оптовых торговцев и сбытовиков на международном уровне. Инновационный процесс во все увеличивающейся степени возглавляют малые и средние фирмы (как наиболее эффективные «средства доставки» наукоемких инноваций), а также вновь созданные компании. Причем, как показали эмпирические исследования Скотта Шера (Мэрилендский университет), радикальные инновации достигают стадии коммерциализации, как правило, через механизм создания новых компаний.⁴³

³⁷ Доказательства этого сдвига от научно-технической политики к политике исследований и инноваций - L.Branscomb and J. Keller, eds., Investing in Innovation (Cambridge MA: MIT Press 1998). Or: Managing Technical Risk. Concluding Remarks. p.50.

³⁸ Managing Technological Risk. 2001, p.6.

³⁹ Charles Vest, President of MIT. Managing Technological Risk

⁴⁰ Lewis M. Branscomb. Managing Technological Risk

⁴¹ О.Голиченко (д.э.н.). «Российская инновационная система: проблемы развития». *Вопросы Экономики*, №12, 2004, с.28.

⁴² U.S. House of Representatives, Committee on Science, «Unlocking our Future: Toward a New National Science Policy» (Wash. D.C.:GPO, 1998. pp.39-40.

⁴³ Managing Technical Risk, 2001, p.4.

Предыдущее десятилетие продемонстрировали также, что промышленность заинтересована и способна работать с военными лабораториями.

Университеты начинают «примерять» новую роль в инновационной системе, поскольку они рассматривают себя не только как источники новых инструментов науки,⁴⁴ но и как инструмент коммерциализации инноваций.

Эволюционирующая роль университетов кажется особенно важной, как с точки зрения их учета в качестве источников интеллектуального капитала для частного сектора, так и с точки зрения рассмотрения их как места по возвращению фундаментальных технологических исследований, которые заполнят разрыв между этапами «доказательства концепции» и «доведения до стадии практического использования» (или приведения к коммерческой практике с последующей подготовкой возможности инвестирования со стороны венчурного капитала). Обсуждение в западных университетах показало,⁴⁵ что необходимо несколько лет дополнительных исследований в университете, перед тем как новые фирмы по эксплуатации полученных результатов могут быть созданы. Некоторые университеты даже создают дочерние венчурные фонды для ускорения использования производимого ими интеллектуального капитала.⁴⁶ Как долго университеты пожелают поддерживать предпринимательство – горячо обсуждается в настоящее время. Они должны будут определить баланс между сохранением в США традиционного нежелания академической науки быть вовлеченной во взаимоотношения с коммерческими институтами и, с другой стороны, возможности обслуживания общества путем участия в создании новой технологии и получения соответствующих финансовых выгод. Но даже если университеты продолжат существующую тенденцию, что ведет к партнерству между университетами и частными компаниями, то открытым остается вопрос о финансировании этих работ в университетах.

Наращение сложности и комплексности технологий привело к усложнению организационных структур.⁴⁷ Сетевая форма организации становится преобладающей и, более того, ключевым фактором успеха, так как обладает возможностью к самоорганизации и может обеспечить необходимое разнообразие для создания сложных технологических процессов и продуктов. Как правило, сетевые структуры ко-эволюционируют с их технологиями.⁴⁸

В механизме инновационных процессов наблюдается усиление связей между техническим сообществом и теми, кто эксплуатирует новые технологии. Это необходимо, с одной стороны, чтобы те, кто использует новые технологии, лучше понимали новые возможности, обеспечиваемые зарождающимися информационными концепциями и технологиями. С другой стороны, чтобы проектировщики новых систем и разработчики лучше оценивали оперативные потребности. Военное научно-техническое сообщество «не просто подстраивается под запросы военных, но и активно формирует новые области спроса» на военно-техническую продукцию и информацию.

⁴⁴ Lewis M. Branscomb, Fumio Kodama, and Richard Florida, eds., *Industrializing Knowledge* (Cambridge MA: MIT Press 1999). Or: Managing Technical Risk. Concluding Remarks. p.50.

⁴⁵ Managing Technical Risk. Concluding Remarks. p.50.

⁴⁶ Josh Lerner, "Venture Capital and Academic Technology" in *Industrializing Knowledge*, loc.Cit.Nable 1 page387. Or: Managing Technical Risk. Concluding Remarks. p.50.

⁴⁷ Managing Complex Networks – Key to 21st Century Innovation Success. R.W.Rycroft and Don. E. Kash. Research and Tecjology Management. Vay-June 1999, p.13.

⁴⁸ Dosi, Giovanni and Bruce Kogut. "National Specificities and the Context of Change: the coevaluation of Organization and Technology". pp.249-262 in Kogut, Bruce ed., *Country Competitiveness: Technology and the Organization of Work*, New York: Oxford University Press, 1993.

С начала нового десятилетия выстраиваются новые соединительные механизмы между спросом и предложением. Как видно из рис. 1, взаимоотношения между главными элементами институциональной карты инновационной деятельности в военной области начинают оформляться уже на начальной стадии создания инновационного продукта: выработки концепции (исследования, поисковые разработки, перспективные разработки).

Усиление процессов взаимодействия военных и гражданских секторов экономики оказывает серьезное влияние на инновационную ситуацию в военном секторе экономики. Если принять во внимание, что в США военные НИОКР – более 50% всех федеральных расходов на науку и технику и более 25% всех национальных расходов, то становится ясным, что ситуация в военном секторе и его взаимодействие с сектором гражданской экономики является важной составляющей, воздействующей на интенсивность ИД не только в военном секторе, но и в стране в целом.

На инновационную ситуацию влияют модели встроенности военных секторов экономики в структуру национальной экономики, а также формы взаимодействия между секторами.

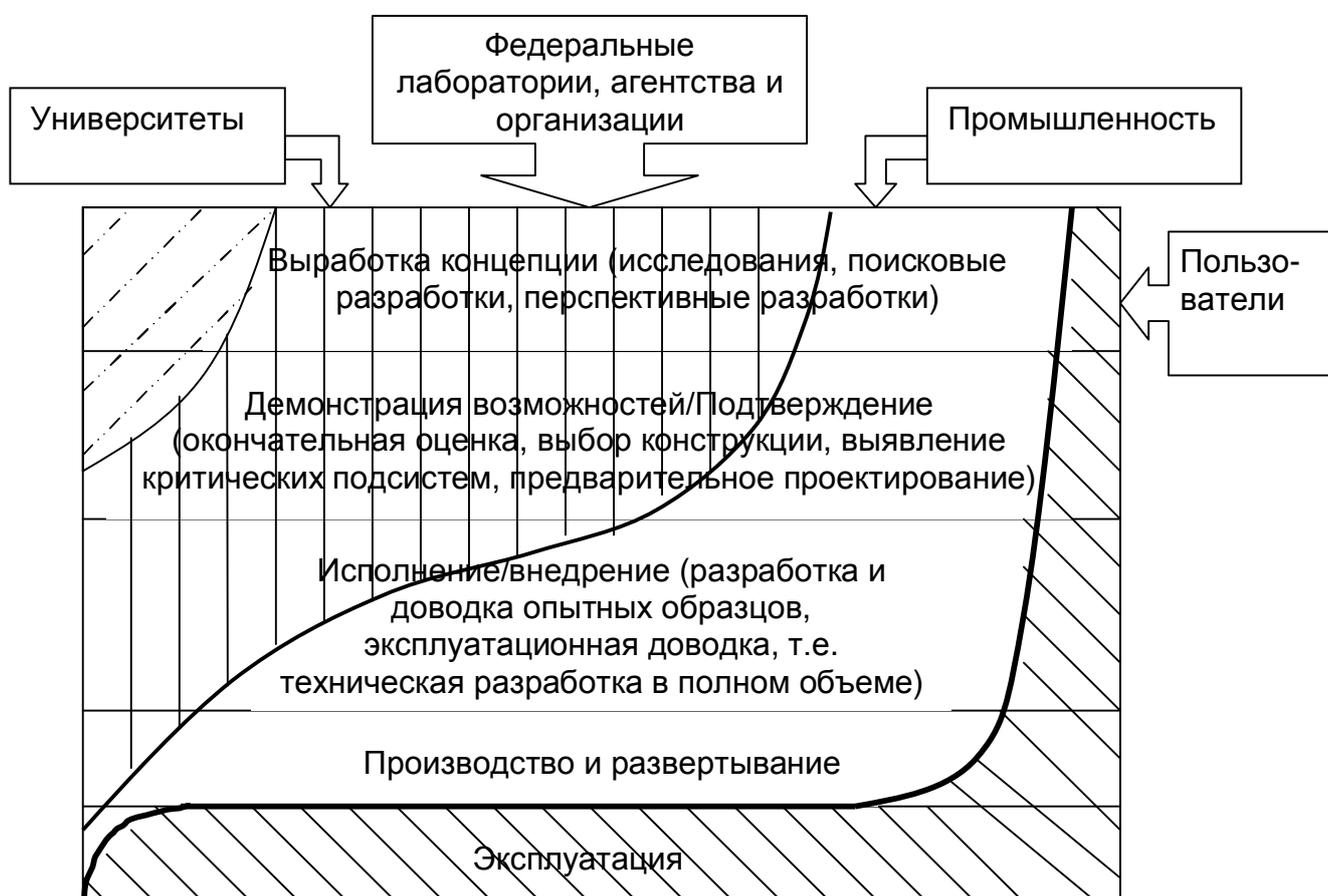

Рис.1. Схема взаимодействия элементов военной составляющей НИС США⁴⁹

Если раньше министерство обороны задавало общее направление научно-технического прогресса и обеспечивало проведение широкого круга фундаментальных и прикладных исследований, то в настоящее время определяются национальные приоритеты в сфере высоких технологий при учете

⁴⁹ Л.В. Панкова. Инновационная составляющая военной экономики США. М.: ИМЭМО РАН, 2006, с. 44.

потребностей и возможностей военного сектора экономики. Предпринимаются активные усилия по переливу технологий между военным и гражданским секторами экономики. Стимулирует этот процесс существующий в США контрактный механизм, предусматривающий обязательное коммерческое использование результатов военных исследований в каждой крупной программе, правительственных программах двойного использования, а также во всевозможных кооперационных и интеграционных проектах как внутри страны, так и с иностранными партнерами.

Усилению взаимосвязи военного и гражданского секторов экономики способствовало и усиление связи военной и гражданской оставляющих научно-технического потенциала в прошедшем десятилетии, что было вызвано ориентацией на увеличение экономической отдачи от общенациональных научных исследований и разработок в условиях радикального снижения масштабов и динамики военных приготовлений. Взаимодействие военных и гражданских секторов экономики явилось важным фактором нового механизма использования научно-технического потенциала, его новых форм и методов развития и освоения. Именно в этом, по сути, была заложена возрастающая роль инноваций.

Реализованная в 90-е гг. в США промышленная модернизация, способствующая сближению уровней развития военной и гражданской экономики, создала реальные условия усиления их взаимодействия, сняла многие препятствия (прежде всего, технологические) взаимного перелива технологий. Уникальные возможности симбиоза военной и гражданской экономики проявились в условиях серьезных изменений в закупочной политике. Сюда, прежде всего относятся:

- ориентация на развитие и освоение так называемых технологий двойного использования;
- использование «коммерческих технологий с полки» (Commercial Off-the Shelf Technology Acquisition – COST);
- формирование партнерств военно-ориентированных компаний с коммерческими компаниями для реализации оборонных потребностей.

Формы взаимодействия военных и гражданских секторов экономики включают в себя взаимный перелив технологий; развитие федеральных программ двойного назначения; диверсификацию производства; кооперацию и интеграцию. Безусловно, модели и формы этого взаимодействия не статичны. Динамика их развития зависит от меняющихся условий экономического роста, научно-технического прогресса и международной военно-политической обстановки. Масштабы и интенсивность развития тех или иных форм взаимодействия между секторами регулируются соответствующими государственными мероприятиями и в значительной степени определяются структурой экономики. Практически повсеместный (в условиях глобализации) рост международной составляющей ИД, также способствовал сближению военного и гражданского секторов национальной экономики.

Вследствие синтеза военных и гражданских секторов экономики, в военной области повысилось внимание к коммерческой целесообразности инноваций. Усилилось значение рыночных рычагов во взаимодействии всех участников инновационного процесса, таких как налоги, цены, кредиты, информационно-консультационная и маркетинговая поддержка. Для компаний ВООП все более важным инструментом при выстраивании их конкурентных преимуществ становится технологический аутсорсинг, когда первичные подрядчики МО решают, где им целесообразнее располагать их технологические активы: в оборонном или коммерческом секторе.⁵⁰

⁵⁰ CREDIT-METDAC, Second Workshop, Budapest, 1998.

В военно-экономической сфере, также как и в гражданской экономике (или даже в большей степени), произошло усложнение содержания, структуры и динамики ресурсной базы инновационного развития экономических субъектов. Расширился спектр вариантов использования ресурсов для достижения целей инновационной деятельности, возросла вариативность развития. Можно утверждать, что, хотя период «анклавного» развития завершился к началу 90-х годов, но только с начала нового десятилетия инновационная деятельность в военно-ориентированных отраслях промышленности стран Запада становится действительно реальной частью национальной инновационной системы.

Среди *важнейших проблем* организационно-экономического обеспечения инновационной деятельности ВООП следует отметить следующие. Во-первых, несмотря на общее понимание важности процессов передачи технологий и использования двойных инноваций для стимулирования ИД и развития в целом отраслей высоких технологий, эти процессы еще далеки от совершенства и эффективности. Во-вторых, в военной области государственное финансирование в определенной степени заменяет рисковый капитал. Его уменьшение в 90-е гг. внесло негативные моменты в развитие ИД. По мнению ряда американских экспертов, «уход» государства в 90-е гг. ухудшил ситуацию в области поддержания НТП, что на сегодня еще не до конца компенсировано. Далее, усиливается роль внешних воздействий, требующая адекватных ответов. В том числе и процессов глобализации инновационных процессов с соответствующим ускорением процессов распространения критически важных технологий. Более того, институты НИС «относятся различно по отношению друг к другу в ответ на изменения».⁵¹

Однако, наиболее серьезной проблемой является расширяющийся разрыв между фундаментальными исследованиями, финансируемыми правительством, и прикладными исследованиями и разработками, финансируемыми промышленностью. Как уже указывалось выше, наблюдается значительный разрыв между созданием технической концепции с потенциалом коммерческого использования (proof of concept) и организацией проектирования и процессов, которые смогут соответствовать требованиям доведения до практического применения.⁵²

Признается, что если вышеупомянутый разрыв действительно реален, то тот факт, что рост коммерческих НИОКР опережает рост исследований, финансируемых правительством, может означать только то, что данный разрыв может расширяться, а не сжиматься,⁵³ если государственное финансирование ранней стадии исследований отстает по объему от коммерческих разработок.

Усиливается тенденция к передаче инноваций от крупных компаний к компаниям среднего размера и более мелким технически специализированным фирмам, входящим в цепочку их поставщиков. Как уже широко известно, такие компании часто более «инновативны», но не имеют традиций в области исследований. Новые венчуры часто используют университетские изобретения. Спрашивается, каким образом такие малые и средние компании могут «постичь исследовательское искусство», если государственное финансирование исследований не идет в ногу с коммерческими вложениями в технологии и более того, крупные компании, ожидают от мелкого и среднего бизнеса, входящего в их цепочку поставщиков, только производство их собственных нововведений?

Таким образом, если имеется расширяющийся разрыв между этапами «доказательства концепции» и «доведения до стадии практического

⁵¹ Managing Technological Risk. 2001, p.48.

⁵² Managing Technical Risk. Concluding Remarks. p.49.

⁵³ Managing Technical Risk. Concluding Remarks. p.50.

использования», и имеется лишь ограниченный консенсус по вопросу о том, что государственное финансирование исследований должно внести существенный вклад для преодоления этого разрыва, то остается лишь признать, что ключевым аспектом на сегодня является вопрос о том, как наиболее эффективно использовать имеющиеся государственные ресурсы для уменьшения рисков, сдерживающих создание новых возможностей для частных инвестиций и экономического роста.⁵⁴

Частные компании готовы обеспечить финансовую поддержку исследований на ранних стадиях «обещающим» университетским проектам в области фармацевтики или программного обеспечения. Что же касается широкого спектра других технологий, то они не готовы к таким действиям. Поэтому оказывается, что партнерство между университетами и компаниями необходимо, однако федеральные исследовательские агентства могут и, по всей видимости, должны в нем участвовать. Это поможет закрыть разрыв посредством конвертирования новой науки в полезные технологии. И процесс этот будет управляться коллективным разумом технических предпринимателей, бизнес-управляющих и «венчурных инвесторов» и представителей соответствующих правительственных организаций.

Границы между основными акторами инновационной деятельности еще достаточно жесткие. Однако постепенно размываются не только технологические границы (через процессы взаимного перелива технологий, разработки двойных технологий), но и ведомственные, и географические границы (посредством совместных разработок, организации различного рода партнерств и стратегических альянсов, роста транснациональной активности военно-промышленных корпораций).

С начала текущего десятилетия роль инновационных процессов в экономическом обеспечении национальной и военной безопасности возрастает, причем не только в США и других промышленно развитых странах мира, но и в странах догоняющего развития (прежде всего, Китай, Индия).

Полноценный учет общемировых тенденций развития инновационной сферы оборонно-промышленных комплексов и критическое использование положительного опыта зарубежных стран, прежде всего, США представляет несомненный практический интерес для развития отечественного ОПК. Естественно, при этом необходим полный учет особенностей инновационной сферы России, ее инновационной культуры и основных конкурентных преимуществ.

Недооценка научно-технического прогресса и использования знаний как главных источников экономического роста, неэффективность и непоследовательность соответствующих мер может только тормозить экономический рост России, увеличивать, а не сокращать технологический разрыв с развитыми странами мира, и, в результате, создавать опасность подрыва национальной безопасности страны и порождать дополнительные риски в зоне мировой политики.

Поддержание и укрепление инновационной способности ОПК России сегодня имеет стратегическое значение, как для развития военного сектора российской экономики, так и для реализации перехода к инновационной экономике в целом.

Критическое значение для стимулирования инновационных процессов и укрепления инновационной способности ОПК России имеет создание эффективного механизма инновационных процессов в военном секторе отечественной экономики, глубоко инкорпорированного в национальную систему хозяйства.

⁵⁴ Managing Technical Risk. Concluding Remarks. p.50.

Глава 4. Современное состояние Военно-промышленного комплекса Великобритании

В 1990-е годы военно-политическая обстановка в мире качественно изменилась. Исчезла непосредственная угроза ядерной войны, уменьшилась роль военной силы как инструмента внешней политики. Однако необходимость поддержания внутреннего порядка, охраны границ, защиты территориальной целостности государства, обеспечения его безопасности и обороноспособности при существующих еще факторах военной опасности требовало от правительства Великобритании уделять серьезное внимание оснащению своих вооруженных сил современным военным снаряжением.

С приходом к власти после долгого перерыва Лейбористская партия во главе с Э. Блэром формально провозгласила отказ от многих установок своих предшественников. Переоценка прежней военной стратегии была связана с осознанием нового места Великобритании в мире и доминированием прагматизма во внешней политике нового кабинета.

Политика военного строительства и деятельность национальных вооруженных сил основываются на положениях, изложенных в едином документе «Британская военная доктрина», в котором подчеркивались, что «на современном этапе зона жизненно важных интересов Соединенного Королевства расширилась».⁵⁵

Приоритетным направлением военно-политической деятельности правительства страны является тесное сотрудничество в рамках Североатлантического союза, который рассматривается в качестве основы системы безопасности не только на Европейском континенте, но и в мире в целом. Великобритания активно выступает за наращивание военного потенциала Евросоюза и повышение его роли на международной арене.

В целом характер и направленность военно-политического курса ее руководства последних лет свидетельствуют о том, что для достижения целей, отвечающих национальным интересам, оно делает ставку на использование военной силы как эффективного инструмента.

Еще в 1998 году министерство обороны Великобритании определило новую стратегическую концепцию боевого применения и наметило основные направления строительства своих вооруженных сил на начальный период будущего столетия на базе так называемых стратегических оборонных оценок (SDR — Strategic Defence Review).⁵⁶

В данном документе содержатся основные принципы, направления, цели и задачи, в соответствии с которыми началось непосредственное реформирование национальных вооруженных сил, продолжающееся до настоящего времени.

Главной причиной модернизации вооруженных сил послужило изменение военно-политической обстановки в мире, связанное с изменением характера угроз национальной безопасности Великобритании. Под этим англичане подразумевают отсутствие реальной силы (подобной Организации Варшавского Договора), способной противостоять НАТО в настоящий момент.

Вместе с тем, по оценкам британских экспертов, появились новые угрозы, в первую очередь со стороны международного терроризма и так называемых стран-изгоев, связанные с потенциальной возможностью применения ими оружия массового поражения против Великобритании или ее союзников. Кроме того, бурное

⁵⁵ British Defence Doctrine, August 2008.

⁵⁶ Library House of Commons - The Strategic Defence Review White Paper. Research paper 98/91. 15 October 1998

развитие науки и техники, в том числе в области создания военных технологий, потребовало выработки новых подходов к вопросу оснащения вооруженных сил современными дорогостоящими видами вооружения и военной техники.

Однако выполнение последнего требования ставило под сомнение возможность поддержания на необходимом уровне боевой готовности столь крупной группировки вооруженных сил, которая имела на тот момент.

Реформирование вооруженных сил было решено проводить по двум ключевым направлениям:⁵⁷

- совершенствование организационно-штатной структуры, включая сокращение скадрованных частей, образование объединенных компонентов (по аналогии с вооруженных сил США и НАТО), изменение военно-административного деления страны и т. п.;

- переоснащение британской армии современными образцами вооружения и военной техники.

Стратегическое военное планирование в Великобритании ориентируется уже не на подготовку к всеобщей войне в Европе, а главным образом, на участие страны в урегулировании крупных региональных кризисов, затрагивающих национальные интересы, как в зоне ответственности НАТО, так и за ее пределами, силами объединенных экспедиционных формирований, а также на постоянное (традиционное) присутствие вооруженных сил в Северной Ирландии и в составе миротворческих сил ООН на Кипре.

Новые оперативно-стратегические приоритеты подкрепляются программой переоснащения армии, нацеленной на дальнейшее повышение ударных возможностей и сбалансированности боевого состава.

Согласно ей предусматривается сохранение существующего уровня производственных мощностей и научно-технического потенциала военной индустрии, необходимого для разработки и производства новых систем вооружения и военной техники для армии и флота в условиях сокращения общей численности личного состава и бюджетных ассигнований на их содержание.

В качестве конечной цели реформы определено создание немногочисленной, хорошо оснащенной и высокопрофессиональной армии, способной эффективно выполнять задачи по обеспечению национальных интересов Великобритании в любом регионе мира.

В настоящее время Великобритания имеет крупную высокоразвитую промышленность по производству вооружений, занимающую второе место на мировом рынке после США.

Такие компании, как «БАЭ системс» (бывшая «Брит Аэрспэйс»), «Роллс-ройс» и «Смис Групп» являются ведущими поставщиками военной техники, особенно авиационно-космического назначения, на долю которой приходится основная часть рынка вооружений.

Но, по мнению аналитиков, подобное положение долго сохраняться не может. Не потому, что военно-промышленный комплекс ожидает упадок, как случилось с угледобывающей, сталелитейной и текстильной отраслями, потребители продукции которых стали отдавать предпочтение более дешевым товарам из других стран.

Напротив, военная промышленность Великобритании перемещает центр своей тяжести в США, где быстро растут инвестиции в отрасль, а также продажи военной техники. Как заявил один британский аналитик рынка: «Это не просто тенденция, а массовое паническое бегство».⁵⁸

⁵⁷ Яценко Г. Основные направления реформирования ВС Великобритании // Зарубежное военное обозрение, № 11, 2003. С. 2.

⁵⁸ Военная промышленность Великобритании // Коринф, 2002, № 4. С. 6.

Шесть крупнейших британских компаний, производящих авиационно-космическую технику, с 1997 года удвоили свои продажи в США. Так «БАЭ системс» продает в настоящее время больше своей продукции Пентагону, чем Министерству обороны Великобритании.

Но это не результат бурного роста экспорта: увеличение закупок произошло за счет продаж техники, произведенной дочерними фирмами Великобритании, расположенными в США.

Главный экономист Общества авиационно-космических компаний (ОАКК) К. Гейвард утверждает, что США настойчиво добиваются производства вооружения местной промышленностью с тем, чтобы компенсировать 100%-ную стоимость контракта.⁵⁹ Если какое-то оборудование или новая технология будут разработаны в Великобритании и реализованы в США, то компания должна производить эти товары по стоимости, эквивалентной тем товарам, которые изготавливаются в Америке. Вот почему большинство британских производителей стремятся построить или приобрести предприятия в США.

Причина «миграции» британской военной промышленности объясняется следующими факторами. Во-первых, Америка — самый крупный рынок вооружений, который поглощает половину военной техники, производимой ежегодно во всем мире на 200 миллиардов долларов. Террористические акты в Нью-Йорке и Вашингтоне подняли расходы на приобретение вооружений, которые после окончания «холодной войны» утроились.

Во-вторых, британские компании хорошо осваиваются в США, так как рассматриваются здесь в качестве заслуживающих доверия «родственников». Пентагон опасается делиться военными технологиями с Германией или Францией из боязни, что эти технологии могут попасть в страны с сомнительными режимами.

Великобритания легко соглашается с требованиями США по ограничению экспорта военных технологий, а британская готовность поддержать Америку с одобрением воспринимается в Пентагоне.

«БАЭ системс» буквально захватила большую часть американских контрактов на вооружение, воспользовавшись реорганизацией этой индустрии в США, и теперь стала очень крупной компанией в Америке. Ей было легче получить заказы Пентагона, чем компаниям континентальной Европы. Некоторые обозреватели даже предполагают, что «Би-Эй-И Системе» однажды переведет в США свою штаб-квартиру.⁶⁰

Военные бюджеты в странах Европы очень невелики и едва растут. Панъевропейские проекты (например, европейского истребителя) потребуют много времени для своего осуществления. Этому проекту уже пятнадцать лет.

Другой проект — создание военного транспортного самолета, известного как А-400, был вновь отложен Германией, несмотря на ведущиеся уже 15 лет переговоры по этому вопросу. Военные кампании в Косово и Афганистане подтвердили необходимость иметь более современные транспортные самолеты.

Помимо этих громоздких совместных программ по созданию военной техники, Британия считает, что для нее будет сложно прорваться на рынки своих европейских партнеров по ЕС. Германия, например, приобретает очень небольшое количество вооружений; Франция покупает военную технику только собственного производства.

Великобритания с её объёмом военного экспорта, равного 7% мирового, занимает среди крупнейших поставщиков оружия четвертое место в мире. Уровень британских продаж основных видов обычных вооружений уменьшился более чем в

⁵⁹ Шмелёв Ю. Военная политика Великобритании на современном этапе // Зарубежное военное обозрение, № 10, 2007. С. 5.

⁶⁰ Военная промышленность Великобритании // Коринф, 2002, № 4. С. 6.

два раза с 1997 г., причем сокращению подверглись поставки большинства категорий военной техники. Основной причиной являлось отсутствие новых заказов на поставки авиационной техники после завершения поставок в 1998 году боевого самолёта «Торнадо» Саудовской Аравии.

Другие европейские страны с небольшой местной военной промышленностью склоняются к тому, чтобы покупать военную технику в США, поскольку она там стоит дешевле. Великобритания может заинтересоваться предложением французской компании «Тэйлс» по производству новых истребителей.

Реструктуризация военно-промышленных компаний в Великобритании уже осуществляется, при этом ее международная составляющая имеет европейское, американское и всемирное измерения. С учетом того, что объем британского рынка вооружения и боевой техники и параметры национальной военной промышленности в настоящее время недостаточны для производства и обслуживания всех продуктов, в которых нуждаются вооруженные силы Великобритании, этот процесс является естественным и необходимым.

Хотя в Великобритании не была четко сформулирована политика в отношении военной промышленности, развитие политики в области закупок и обеспечения, основанной на конкурсных принципах, а также подходов, нацеленных на разработку и осуществление отдельных программ по закупкам для каждого потребителя, *de facto* определили направления развития британской военной промышленности, а также промышленности, выполняющей британские заказы.

В условиях усиления роли частного сектора в предоставлении услуг, оказываемых непосредственно в ходе выполнения вооруженными силами боевых задач, и сохранения его традиционного участия в производстве и проведении своими силами ремонтных работ, включая капитальный ремонт, правительство в настоящее время, судя по всему, занялось разработкой своей официальной политики по вопросам военной промышленности.

Основываясь на ряде публичных заявлений официальных представителей Министерства обороны Великобритании, можно предположить, что в дополнение к поощрению конкуренции как основы обеспечения эффективности капиталовложений, инновационного подхода и средства поддержания рациональных отношений с «БАЭ системз» и другими поставщиками эта политика также определит тот ограниченный набор функций, непосредственный контроль над которыми должен сохраниться за Министерством обороны, а также механизмы, гарантирующие осуществление поставок за рубеж и из-за рубежа.

В этом контексте вопросам государственной собственности в военной промышленности, вероятно, будет придаваться меньшее значение по сравнению с технологическими и производственными возможностями британских предприятий, участвующих в оборонных проектах.

Открытость британского рынка вооружения и боевой техники, недавно разработанный Министерством обороны подход к вопросам закупок и обеспечения, усиление роли частных компаний в оказании услуг Вооруженным силам, а также продолжающаяся интернационализация производственных процессов в совокупности приводят к принципиально новым подходам и отношениям между правительством и промышленностью в обеспечении оборонных потребностей.

По официальным данным, военный бюджет Великобритании за 2006 год составил 48,3 миллиарда долларов США.⁶¹ За 2007 год вооруженные силы Великобритании обеспечили выполнение мероприятий по экономии более 250 миллионов фунтов стерлингов (около 475 миллионов долларов). К апрелю 2008 года

⁶¹ Миловзоров А. Гонка вооружений: шоу должно продолжаться // <http://www.utro.ru/articles/2007/02/07/623096.shtml>

эта сумма должна была возрасти до 1 миллиарда фунтов (около 1,9 миллиардов долларов).⁶²

Наибольшие потери понесли военно-морские силы. В пониженные степени боевой готовности перевелись восемь боевых кораблей, в том числе шесть фрегатов и эсминцев. С целью сбережения финансовых средств уже законсервированы 13 из 44 единиц основных классов. Таким образом, к причалам может быть поставлен 21 корабль, и флот Соединённого Королевства сократится почти на 50 % по сравнению с текущей численностью.

Как считают эксперты, проблемы военного бюджета Великобритании серьёзно обостряются в результате хронического недофинансирования (почти на 40 %) участия национальных ВС в оккупации Ирака.

Тем не менее, правительство Великобритании до 2010 года дополнительно выделит 800 миллионов долларов на оборонные расходы. В основном дополнительные средства будут потрачены на финансирование операций британских войск за рубежом. Также министерство финансов продолжит финансировать антитеррористические операции в Ираке и Афганистане.⁶³

4.1. Крупные военные программы

Кораблестроительная промышленность. Как крупная морская держава Великобритания располагает хорошо развитой судостроительной промышленностью. Согласно национальной статистике, в ней занято более 45 тыс. человек. По производству боевых кораблей Великобритания занимает одно из ведущих мест в мире. Национальные верфи имеют опыт строительства надводных кораблей и подводных лодок всех классов.

Основными производителями боевых кораблей и вспомогательных судов для ВМС Великобритании и на экспорт являются корпорации «БАЕ системз марин» (BAE Systems Marine) и «Воспер Торникрофт групп» (Vosper Thornycroft Group, или VT Group).

Кроме того, в строительстве и ремонте кораблей участвуют компании «Эпплдор шипбилдерс» (Appledore Shipbuilders), «Сюн Хантер лимитед» (Swan Hunter Ltd.), «Харлэнд энд Вольф холдинге» (Harland & Wolff Holdings) и «Флит саппорт лимитед» (Fleet Support Ltd.).⁶⁴

В настоящее время в ВМС Великобритании разрабатывается и реализуется целый ряд масштабных кораблестроительных программ. Основная из них предусматривает создание двух новых авианосцев для замены находящихся в боевом составе «Инвинсибл».

В 2003 году корпорацией «БАЕ системз» совместно с британским отделением компании «Талес» начато проектирование авианосца нового типа («Куин Элизабет») водоизмещением около 60 тыс. т (контракт оценивается приблизительно в 3,2 миллиардов фунтов стерлингов). Поскольку корабль согласно принятому решению должен строиться несколькими отдельными секциями (три или даже пятью) с окончательной сборкой в ВМБ Розайт, к выполнению заказа могут быть привлечены несколько британских судостроительных компаний, в том числе: «БАЕ системз

⁶² Планы сбалансирования военного бюджета Великобритании // <http://old.severnflot.ru/news/news/world/2007/01/01-05.shtml>

⁶³ Великобритания увеличивает военный бюджет // <http://www.kommersant.ru/news.aspx?NewsID=120935&NodesID=0>

⁶⁴ Певцов Д. Кораблестроительная промышленность Великобритании // Зарубежное военное обозрение, № 10, 2005. С. 56.

марин» на верфи в Гован, «Суон Хантер» в Уоллсенд-он-Тайн и «Воспер Торникрофт шипбилдинг» в Портсмуте.

Ввод новых авианосцев в боевой состав военно-морских сил планируется в 2012 и 2015 годах соответственно, хотя не исключаются некоторые смещения сроков строительства.

Вторая крупная программа предполагает строительство серии из 12 эсминцев УРО типа «Дэринг». Стоимость контракта 5,5 миллиардов фунтов стерлингов. Строительство ведется компаниями «БАЕ системз марин» (кормовая часть всех шести кораблей) на верфи в Гован и «Воспер Торникрофт» (носовая часть с надстройкой, мачтами и трубами) на верфи в Портсмуте, окончательная сборка будет производиться компанией «БАЕ системз марин» на верфях в Скотстауне и Барроу-ин-Фернесс.

Компания «БАЕ системз» на верфи в Барроу-ин-Фернесс ведет строительство серии многоцелевых атомных подводных лодок типа «Эстьют», предназначенных для замены в составе британского флота атомных подлодок типа «Свифтшур». Стоимость контракта составила 3,7 млрд. фунтов стерлингов. Передача ВМС головной атомной подлодки серии ожидается в 2009 году, второй и третьей — в 2010-м и 2011-м.

В более отдаленной перспективе (после 2015 года) рассматриваются возможности строительства серии из 18 боевых надводных кораблей (фрегатов) нового типа, однако в настоящее время ни окончательный проект корабля, ни сроки строительства и примерная его стоимость не определены.

Развернутая программа модернизации британских ВМС, рассчитанная на достаточно большой срок, позволяет задействовать практически все основные мощности национальной кораблестроительной промышленности, что, в свою очередь, обеспечивает создание дополнительных рабочих мест в отрасли и, как предполагается, обеспечит ее выдвигание на ведущие позиции в экономике Великобритании.

Одновременно продолжает развиваться производственная база отрасли за счет концентрации производства, модернизации оборудования верфей, внедрения более совершенных технологических процессов строительства и систем автоматизированного проектирования. Так, внедрение нового оборудования и прогрессивной системы организации производства (в том числе модульной сборки кораблей) позволило сократить время строительства (до передачи флоту) минно-тральных кораблей типа «Сэндаун» с 35 до 27 месяцев.

Кроме того, в последние годы правительство активно поощряло политику загрузки национальных предприятий экспортными заказами. Это способствовало сохранению на них квалифицированных кадров и производственных мощностей. Было реализовано несколько контрактов по поставке на экспорт боевых кораблей в Пакистан, Саудовскую Аравию, Канаду и другие страны. В настоящее время «Воспер Торникрофт» является головным подрядчиком по строительству корветов типа «Кахир» для Омана, ракетных катеров типа «Вита» для Катара и «Супер Вита» — для Греции, а «БАЕ системз марин» — фрегатов типа «Леку» для Малайзии и корветов типа «Ярроу» для Брунея.

В целом кораблестроительная промышленность Великобритании, имеющая хорошо развитую производственную базу, способна полностью обеспечить не только потребности национальных ВМС, но и успешно конкурировать на международном рынке вооружения и военной техники.

В настоящее время военная промышленность Великобритании насчитывает несколько тысяч частных компаний, частично или полностью вовлеченных в военно-промышленный бизнес. В 370 ключевых компаниях занято около 350 000 человек,

что составляет примерно 10% всей рабочей силы в британской промышленности и 1,5% общего числа рабочих мест в стране.⁶⁵

Общий объем продаж — около 14 миллиардов фунтов стерлингов в год, из которых 35-40% составляет экспорт.⁶⁶ По информации британской Организации по экспорту оборонной продукции (Defence Export Services Organization — DESO), 70-75% оружейного экспорта Великобритании приходится на авиационную отрасль, а остаток поровну распределяется между военно-морскими и наземными системами.⁶⁷

Ныне военная промышленность Великобритании — сравнительно небольшой сегмент экономики: в последние десятилетия она подверглась значительным сокращениям, а число занятых в ней уменьшилось с 1980 года вдвое.

За этими изменениями и ростом объема услуг, предоставляемых частным сектором, не так заметны еще более значительное падение, произошедшее в традиционном производственном секторе военной промышленности, и устойчивый рост импорта техники и вооружений.

4.2. Основные военные корпорации

Материальную основу военно-промышленного комплекса Великобритании составляет несколько десятков могущественных корпораций, непосредственно связанных с производством вооружений. К их числу относятся, прежде всего, монополии аэрокосмической и атомной, электротехнической и радиоэлектронной, судостроительной и автомобилестроительной промышленности, то есть тех отраслей, которые определяют развитие военного производства в условиях современной военно-технической революции.

Возникшие и окрепшие в результате интенсивных процессов концентрации и централизации капитала в военном бизнесе, происходивших в послевоенный период при активной поддержке государства, крупнейшие военно-промышленные корпорации Великобритании не только монополизировали производство военной техники внутри страны, но и активно включились в борьбу за передел мировых рынков вооружений.

Степень монополизации военного производства Великобритании чрезвычайно высока. Так, производство авиаракетной техники сосредоточено в руках трех ведущих монополий — «БАЭ системс» (бывшая «Бритиш аэроспейс»), «Шорт бразерс» и «Уэстленд». Подавляющее большинство заказов по выполнению судостроительных работ для военно-морских сил приходится на «БАЭ системс марин» и «Воспер Торникрофт групп»; радиоэлектронная и электротехническая промышленность монополизирована пятью фирмами — «Дженерал электрик», «Ферранти», «Плесси», «Торн – ЭМИ» и «Рэкэл электроникс»; производство танков, бронемашин, артиллерийских орудий сконцентрировано в руках трех корпораций — «Виккерс», «Бритиш лейланд» и «Ройал орднэнс фэкториз». Эти же компании были и остаются главными экспортерами британской боевой техники на международных рынках оружия.⁶⁸

В клубе ведущих авиационных концернов Великобритании бесспорное лидерство принадлежит «БАЕ Системс». Эта вторая в мире по величине оборонная

⁶⁵ Defense Manufacturers' Association, <http://www.the-dma.org.uk>

⁶⁶ Латам Н. Эволюция британской политики в области военной промышленности // http://www.cast.ru/journal/2002/5_2002evolution/?form=print

⁶⁷ Барабанов Г.С. Мировая торговля вооружениями и военной техникой // <http://www.xserver.ru/user/mtviv/>

⁶⁸ UK Defense Statistics 2008, HMSO London

компания на 2008 год имела 105 000 сотрудников по всему миру, и контракты на сумму, превышающую 33,4 млрд. долларов.⁶⁹

«БАЭ системс» (которая ранее называлась «Бритиш аэроспейс») занимала второе место в Западной Европе, уступая лишь французской «Аэро-спасьяль». «Бритиш аэроспейс» была создана в 1977 году на базе частных авиационных фирм «Бритиш эркрафт», «Хоукер Сидли» и «Скоттиш авиэйшн» в результате приобретения британским правительством контрольных пакетов акций этих компаний.⁷⁰ Образованию «Бритиш аэроспейс» предшествовала целая полоса слияний и поглощений в 60-х годах, затронувшая более десятка британских фирм, производящих самолеты, ракеты, двигатели и прочее авиационное оборудование, в итоге чего организационно оформились три указанные выше компании. В начале 80-х годов окрепшая после щедрых государственных дотаций корпорация была денационализирована.

В 1980—90-е гг. «Бритиш аэроспейс» организационно состояла из двух крупных подразделений – «Эркрафт груп», на предприятиях которой производятся основные виды летательной техники военного и гражданского назначения, и «Дайнэмикс груп», выпускавшей широкий ассортимент управляемых ракетных систем, спутников связи (в том числе по заказам Европейского космического агентства), электронных систем.

В конце 90-х «Бритиш аэроспейс», объединив свое ракетное производство с французской «Аэро-спасьяль» и рядом других фирм, создала новую компанию MBDA, поставляющую ракетные технологии и продукцию всей Европе, и стала противвесом и серьезным конкурентом американской компании «Raytheon».

Такая форма международной промышленной кооперации оказывается более успешной в сравнении с прежними попытками, поскольку в успехе взаимно заинтересованы все стороны.

Ракета Meteor, производимая MBDA, и стратегический военно-транспортный самолет A400M, разрабатываемый EADS, стали примерами организации крупными панъевропейскими компаниями производства в интересах различных национальных потребителей.

Эволюция «БАЭ системс», являющейся сегодня крупнейшим британским производителем в оборонной сфере, иллюстрирует различные фазы перемен британского военно-промышленного комплекса. Отдельные подразделения этой компании были основаны еще во времена первых самолетов, но собственно «Бритиш аэроспейс» была основана в 1977 году как государственная корпорация в результате слияния «Бритиш аэрокрафт корпорейшн», «Хокер Сиддли» и «Скотиш Авиэйшн».⁷¹ В 1981 году компания подверглась частичной приватизации, а в 1985 году государство продало оставшиеся 48% акций.

Некоторые приобретения конца 80-х годов, включая покупку бывших государственных заводов «Ройал Орднанс», группы «Ровер мотор» и «Арлингтон Секьюритиз», обеспечили компанию разноплановым, но уязвимым портфелем акций. К 1992 году компания была близка к коллапсу: были списаны ее долги в размере 1 млрд. фунтов стерлингов, стоимость акций упала наполовину.

Решение было найдено в том, чтобы помимо смены высшего руководства компании сделать основной упор на главные производства — вооружений и аэрокосмических систем. К разочарованию компании «Хонда», автомобильное подразделение «Ровер» было продано «БМВ». На протяжении большей части 1990-

⁶⁹ Defense News Annual Ranking, 2008

⁷⁰ BAE Systems history – www.baesystems.com

⁷¹ Колосов Г.В. Военно-политический курс Англии в Европе. М., 1984.

х годов помимо контрактов на поставки для британских вооруженных сил компания также полагалась на крупные поставки вооружений в Саудовскую Аравию.

Во второй половине 1990-х годов в стратегии компании проявился новый «международный подход» — осуществление не только прямых продаж, но и создание совместных предприятий. Компания приняла участие в консорциуме «Аэробас», в сделках со шведской «ССАБ», тогдашним «Daimler-Benz Aerospace» (DASA) и немецкой «Сименс», а также с рядом французских компаний.

Новой целью компании стал крупнейший мировой рынок вооружений — американский. В 1999 году были приобретены военные подразделения компании GEC вместе с ее американскими филиалами, а также основные предприятия британского военного судостроения. Представляется, что основной причиной ухода компании с переговоров по созданию европейского консорциума с участием DASA стала привлекательность американского рынка.

Дальнейшие приобретения в США, переименование компании в «БАЭ системс» и снятие ограничений периода приватизации на участие иностранного капитала привели к тому, что у компании появились финансовые и интеллектуальные ресурсы для создания самых сложных интегрированных систем вооружений и конкуренции с крупнейшими американскими военными поставщиками. Прослеживается также тенденция к доминированию компании на внутреннем британском рынке.

Международный характер компании подчеркивается тем обстоятельством, что на Великобританию сейчас приходится только 27% продаж «БАЭ Системс» в оборонном секторе. Для сравнения: на США приходится 28% продаж и 35% прибыли. Почти 50% компании принадлежат иностранному капиталу, большей частью американским инвесторам. Имея общую прибыль за год около 1 миллиарда фунтов стерлингов, уровень продаж 13 миллиардов фунтов стерлингов, портфель заказов на 43 миллиардов фунтов стерлингов и заказчиков в 129 странах, компания выглядит достаточно уверенно.

Тем не менее, в первой половине 2002 года был уволен главный управляющий, а компания более плотно занялась военным бизнесом, прекратив программу производства гражданского среднемагистрального самолета. Военная промышленность и «БАЭ Системс» как крупнейшая компания в этом секторе экономики подвергались критике со стороны службы оборонных закупок.⁷²

Один из ведущих производителей боевых вертолетов в Европе — британский концерн «Агуста/Уэстленд» («Уэстленд хеликоптер»). Вертолетостроение в Великобритании неразрывно связано с деятельностью фирмы Уэстленд, одной из старейших авиафирм мира, которая занималась разработкой и производством самолетов с 1915 по 1948 год.

После окончания Второй мировой войны руководство фирмы приняло решение: основные силы и средства направить на развитие вертолетостроения. Решение было довольно рискованным: вертолеты только начали отвоевывать себе место в небе, и никто не мог поручиться, что они не сойдут со сцены подобно автожирам. Однако риск оправдался. Прошло всего несколько лет, и в мире разразился «вертолетный бум». «Уэстленд» оказался на коне и в дальнейшем стал единственной вертолетостроительной фирмой в Великобритании.

Основной упор на первых порах был сделан на лицензионное производство американских вертолетов, прежде всего аппаратов конструкции отца вертолетостроения И.И.Сикорского. Подобным образом в то время поступали многие европейские фирмы, в 1949 году «Уэстленд» наладил производство

⁷² Латам Н. Эволюция британской политики в области военной промышленности // http://www.cast.ru/journal/2002/5_2002evolution/?form=print

вертолетов S-51, получивших обозначение WS-51 и собственное имя – «Дрэгонфлай», за ними последовали в 1955-м S-55 (WS-55 «Уирлуинд»), в 1958-м — S-58 (WS-58 «Уэссекс»).

Вместе с тем в Великобритании велись работы по созданию вертолетов собственных конструкций. Пожалуй, наибольших успехов добилась фирма Сандерс-Ро, которая разработала удачные легкие винтокрылые машины «Скаут» и «Уосп».

В начале 1960-х годов британская авиапромышленность подверглась коренной перестройке, так называемой «рационализации». Все британское вертолетостроение объединили под флагом фирмы «Уэстленд». Ранее, в 1959-м, «Уэстленд» уже поглотил фирму «Сандерс-Ро», а теперь в него влились фирма «Фэйри» и вертолетное отделение фирмы «Бристоль».

К началу 1980-х гг. корпорация входила в число первых 10 поставщиков министерства обороны Великобритании с объемом заказов свыше 100 миллионов фунтов стерлингов. С конвейеров ее предприятий, на которых лишь в Великобритании было занято свыше 12 тыс. человек, сходили почти все вертолеты, находящиеся на вооружении военно-воздушных, военно-морских и сухопутных сил страны. Значительную часть продукции «Уэстленд» экспортировала в развивающиеся страны.

Однако потом в результате обострившейся конкуренции со стороны американских и западноевропейских производителей компания испытывала значительные финансовые трудности. В середине 80-х годов она потеряла ряд крупных контрактов на поставку вертолетов в страны Ближнего Востока и Индию, что отрицательно сказалось на портфеле заказов фирмы и соответственно ее прибылях.

В начале 1985 года руководство «Уэстленд» было вынуждено принять решение о продаже контрольного пакета акций компании. Основными претендентами на приобретение контроля над корпорацией выступили международный консорциум во главе с американским концерном «Юнайтед технолоджиз» и западноевропейский консорциум во главе с британской «Бритиш аэропейс», французской «Аэроспасьяль», западногерманской МББ и итальянской фирмой «Аугуста».

Вопрос о продаже ведущего вертолетного концерна Великобритании приобрел политическую окраску, и вокруг него шли острые дебаты, как в деловых кругах, так и в парламенте страны. Сторонники европейского решения не без основания считали, что передача компании в руки американских концернов может нанести серьезный ущерб интересам Великобритании и ЕЭС, в частности закрыть английской авиационной продукции путь на рынки европейских стран.

Однако руководство «Уэстленд» пошло на соглашение с американской стороной и в 1986 г. подписало с американским консорциумом предварительный контракт на передачу последнему 30 % акций фирмы. Американский партнер в то время спас своего британского коллегу от банкротства. В результате «Уэстленд» к концу 1990-х оставался вполне самостоятельной фирмой, а Великобритания не лишилась собственной вертолетостроительной промышленности.

В системе британского авиакосмического комплекса важное место занимает государственная корпорация «Роллс-ройс» единственный продуцент авиационных двигателей в Великобритании и один из крупнейших производителей в мире.

«Роллс-ройс» была национализирована в 1971 году после тщетных попыток восстановить ее финансовое положение с помощью государственных субсидий. За годы, прошедшие после национализации, компания значительно улучшила свои финансовые показатели. В 1985 году объем продаж фирмы составил 2,07 миллиардов долларов, чистая прибыль — 99,8 миллионов долларов, а число занятых — 41,7 тыс. человек. В 1987 году компания была реприватизирована.

Основными производителями боевых кораблей и вспомогательных судов для ВМС Великобритании и на экспорт являются корпорации «БАЕ системз марин» и «Воспер Торникрофт групп». Кроме того, в строительстве и ремонте кораблей участвуют компании «Эпплдор шипбилдерс», «Суон Хантер лимитед», «Харлэнд энд Вольф холдинге» и «Флит саппорт лимитед».

«БАЕ системз марин» — подразделение концерна «БАЕ системз», занимающееся проектированием и строительством надводных кораблей и подводных лодок.

Компания образована в июле 2000 года после реструктуризации концерна. Она располагает несколькими верфями: «Барроу-ин-Фернесс», где имеются пять стапелей, один крытый эллинг, рассчитанный на одновременную постройку четырех атомных подводных лодок, док-бассейн и достроечный причал протяженностью 790 м; «Гован», где возможно строительство судов водоизмещением до 70 тыс. т, оснащенная тремя стапелями и достроечным причалом длиной 620 м; «Ярроу шипбилдерс» (район Скотстаун г. Глазго), которая оборудована тремя стапелями (один из которых является крытым), тремя сухими доками и достроечным причалом протяженностью 380 м.

Эти предприятия позволяют компании проектировать, строить и вводить в строй боевые надводные корабли и катера, подводные лодки и вспомогательные суда, предназначенные как для ВМС Великобритании, так и на экспорт. Хотя все верфи имеют возможности для строительства кораблей и судов практически всех классов и типов, существует определенная их специализация. Так, верфь «Гован» позиционируется как центр исследований и производства высококачественных стальных изделий (главным образом корпусов кораблей), «Ярроу шипбилдерс» — как ведущий центр по производству и поставкам судового оборудования, а «Барроу-ин-Фёрнесс» выступает в качестве основного производителя подводных лодок.

Компания «Воспер Торникрофт» создана в 1966 году путем слияния двух фирм — «Воспер энд Ко» (основана в 1871-м) и «Джон Торникрофт» (в 1864-м). В настоящее время ее штат составляет более 10 тыс. рабочих и служащих, а штаб-квартира располагается в г. Саутгемптон.

Главное внимание компания уделяет проектированию, строительству и модернизации военных кораблей. Основные верфи находятся в порту Саутгемптон (оборудована одним стапелем, тремя эллингами и достроечным причалом длиной 280 м) и ВМБ Портсмут (с одним эллингом на шесть достроечных мест, двумя доками-бассейнами и одним слипом). У корпорации есть опыт строительства практически всех классов боевых надводных кораблей до эскадренных миноносцев включительно.

Из достижений последних лет следует отметить построенный в 2000 году экспериментальный тримаран «Тритон» (в настоящее время ведутся его испытания и оцениваются возможности использования этого проекта в интересах британского флота).

«Суон Хантер» является одной из старейших кораблестроительных фирм в Великобритании. Основанная в 1880 году, она располагает верфью в г. Уоллсенд-он-Тайн, которая способна строить суда водоизмещением до 250 тыс. т, и оборудована восемью стапелями и достроечным причалом длиной 600 м. Хотя «Суон Хантер» имеет опыт строительства боевых надводных кораблей самых разных классов (в том числе АВЛ типа «Инвинсибл»), в настоящее время она специализируется на ремонте боевых кораблей и строительстве вспомогательных судов для ВМС Великобритании.

«Эпплдор шипбилдерс», основанная в 1855-1856 годах, имеет верфь в г. Девон, где могут строиться суда водоизмещением до 10 тыс.т. Верфь оборудована

эллингом и сухим доком. Она сосредоточивает свою деятельность на ремонте боевых и строительстве патрульных кораблей, а также вспомогательных судов.

Компания «Харлэнд энд Вольф холдингс» располагает верфью в г. Белфаст. Здесь имеется четыре стапеля, пять сухих доков и достроечный причал длиной 200 м. Верфь специализируется на строительстве, ремонте и модернизации боевых кораблей (до фрегатов включительно) и вспомогательных судов.

Компания «Флит саппорт лимитед», первоначально принадлежавшая корпорациям «БАЕ системз» и «Воспер Торникрофт» (на паях по 50 проц. акций), в настоящее время является одной из крупнейших в Великобритании. Она специализируется на ремонтных работах и модернизации боевых кораблей и вспомогательных судов. Фирма располагает семью сухими доками в военно-морской базе Портсмут.

В системе британского ВПК все возрастающую роль играют монополии электротехнической и электронной промышленности. Так, среди 60 ведущих поставщиков военного ведомства свыше 1/3 всех фирм — представители этих отраслей, а среди первых 10 пять компаний занимаются производством военного электротехнического и электронного оборудования.

Наиболее мощная из них — «Дженерал электрик», выпускающая широкий ассортимент военной и гражданской продукции: торпеды, турбины, радары, оборудование для атомных реакторов, телевизоры, радиоприемники, электролампы и т.п. Свыше 20 % продаж концерна приходится на военную продукцию, немалая часть которой реализуется за рубежом.

Важное место в клубе крупнейших электротехнических корпораций Великобритании занимает «Торн — ЭМИ», поставляющая военному ведомству радио- и телекоммуникационные системы. К числу ведущих британских производителей электротехнического и радиоэлектронного оборудования относятся также «Плесси» и «Ферранти».

«Плесси» — многопрофильный электротехнический концерн, выпускающий различные телекоммуникационные системы, электронное оборудование, вычислительную технику и т. На предприятиях группы, расположенных в Великобритании, европейских странах, США, Южной Африке, Австралии, Новой Зеландии, Малайзии, Сингапуре, Зимбабве, занято около 39 тыс. человек.

Компания имеет развитую научно-техническую базу, ее ежегодные расходы на НИОКР превышают 15% общего оборота. «Плесси» поставляет министерству обороны Великобритании широкий ассортимент средств связи, систем контроля и управления, радаров, сонаров и т. д. Свыше 40% продукции реализуется за рубежом — в Северной Америке, Европе, Австралии, африканских государствах.

Британская электротехническая корпорация «Ферранти» относится к числу ярко выраженных военно-промышленных монополий — военная продукция составляет двух третей всех продаж компании. Широкая вовлеченность в военный бизнес (компания поставляет военному ведомству навигационное оборудование, радары, компьютеры, электронные системы для военных самолетов и вертолетов, лазерные установки и т. п.) обеспечивает монополии высокие, постоянно растущие прибыли.

«Ферранти» относится к числу транснациональных корпораций. Она имеет широкую сеть предприятий не только в Англии и Шотландии, но и в Европе, США, Австралии, Бразилии, Японии, Китае.

Таким образом, можно констатировать, что Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии является одной из ведущих держав мира и участниц Североатлантического союза, располагающей огромным экономическим потенциалом и оказывающей существенное влияние на политический климат в

Европе и за ее пределами. На протяжении своей многовековой истории Великобритания стремилась определять приоритеты в мировой политике, решать судьбы многих стран и народов, используя для этого и свою экономическую мощь, и значительную военную машину.

Во второй половине XX века военная политика и военная промышленность Великобритании кардинально изменилась. Становление и развитие ВПК страны уходит корнями в политику, которая проводилась после Второй мировой войны. Первоначально Великобритания стояла на позициях полной самодостаточности. Большая часть военной промышленности находилась либо в государственной собственности, либо же полностью зависела от государства. Мало внимания уделялось эффективности производства, поскольку движущей силой технологического прогресса и связанного с ним финансирования были требования «холодной войны». К концу 50-х годов неустойчивость такого положения стала очевидной. Начало импорту отдельных видов вооружений и технологий положили соглашение с США по технологиям ядерных реакторов 1958 года и соглашение по ракетам Polaris 1962 года. Нехватка средств привела к прекращению разработки истребителя TSR2 и закупкам, опять-таки в США, самолета Phantom F4. По аналогичным причинам в 1967 году была прекращена большая программа строительства авианосца.

Несмотря на это, в отношениях с государством военная промышленность ощущала себя комфортно, так как ее не особо побуждали к повышению эффективности. А меры правительства, предпринятые в 1971 году для спасения компании Rolls-Royce от финансового краха, лишь укрепили подобное положение.

Только в 80-е годы, с осуществлением тэтчеровской программы приватизации, настал черед следующей стадии перемен, когда главный упор делался на эффективность затрат и общее требование о самокупаемости промышленности. Проблемы с бюджетом, приведшие к попыткам правительства сократить государственные расходы, обострялись тем обстоятельством, что возрастала сложность систем вооружений, а их стоимость росла значительно быстрее индекса инфляции. Государство отделило свою роль как заказчика от функций поставщика промышленности, появились новые методологии заключения контрактов, шире стали использоваться принципы конкуренции. В результате по британскому ВПК прокатилась волна слияний — слабые и мелкие компании поглощались крупными, а при экспортных поставках стали приниматься в расчет не только внешнеполитические, но и коммерческие соображения.

После окончания холодной войны сокращение вооруженных сил и высокая конкуренция на международном рынке вооружений привели к дальнейшим слияниям компаний и появлению в Великобритании и континентальной Европе национальных компаний-лидеров, располагавших опытом, широтой знаний и финансовой мощью, необходимыми для того, чтобы справиться со сложными задачами интеграции при производстве современных систем вооружений, а также успешно конкурировать на международном рынке.

Начавшаяся в конце 90-х годов нынешняя фаза промышленной реструктуризации имеет в большей степени международный характер. Теперь уже не развитие национальных компаний-лидеров, а доступ к иностранным рынкам, в частности к американскому, определяет ход изменений и стимулирует транснациональные приобретения и слияния. Компании, особенно те, которые работают в Великобритании (будь то британские или зарубежные фирмы), становятся более транснациональными по характеру.

Последние годы военная промышленность Великобритании обеспечивает потребности вооруженных сил на 80%; 15% поставок осуществляется путем

реализации межнациональных проектов. Остальное количество техники и вооружений закупается за рубежом. Великобритания занимает одно из ведущих мест среди стран НАТО по военным расходам. Ее годовой военный бюджет составляет около 4% ВВП страны. Великобритания занимает первое место в мире по продаже военно-морской техники и второе (после Соединенных Штатов) — по торговле бронетанковой техникой.

Глава 5. Взаимодействие России и ЕС в области безопасности

5.1. Основы сотрудничества России и ЕС в области безопасности

Довольно долго доминирующим в отношениях России и Европейского Союза являлся почти исключительно экономический фактор, однако сотрудничество политическое, включая вопросы безопасности, понемногу пробивало себе дорогу.

Большая часть 1990-х гг. в отношениях России - ЕС прошла под знаком Соглашения о партнёрстве и сотрудничестве между ЕС и Россией (СПС). После довольно напряжённой подготовки оно было подписано во время саммита Евросоюза 24 июня 1994 г. на греческом острове Корфу.

Соглашение, кроме общих принципов, предусматривало скромную, но вполне серьёзную программу взаимодействия между Европейским Союзом и Россией в сфере внешней политики и безопасности. Ее целью в Соглашении было провозглашено содействие «всё большему сближению позиций по международным вопросам, являющимся предметом общей озабоченности, укрепляя тем самым безопасность и стабильность»⁷³. В соглашении было намечено проведение периодических встреч на высшем уровне, создание Совета сотрудничества (на уровне министров), более часто собирающегося Комитета сотрудничества (в составе старших должностных лиц) для подготовки заседаний Совета сотрудничества и решения текущих проблем, а также Комитета парламентского сотрудничества между Россией и ЕС. Подписание соглашения, казалось, открыло широкие возможности для обеих сторон.

Однако в связи с войной в Чечне ЕС, при всей неоднозначности позиции, замедлил процесс ратификации Соглашения о партнёрстве и сотрудничестве. Как подчёркивала Европейская комиссия 31 мая 1995 г. в политическом разделе своего документа об основных направлениях будущих отношений с Россией, «Европейский Союз должен соблюдать баланс между выражением обеспокоенности нарушением Россией прав человека в Чечне и необходимостью способствовать процессу реформ в России»⁷⁴. В процессе продвижения к вступлению в силу Соглашения о партнёрстве и сотрудничестве Евросоюз продолжал формулировать и прорабатывать свою стратегию в отношении России.

В конце концов, это вылилось в принятие Советом ЕС 13 мая 1996 г. «Плана действий Европейского Союза для России».

По мере развития сотрудничества складывалась практика создания совместных рабочих групп по принципу «тройки» (в составе экспертов от России, ЕС и председательствующего государства-члена): по проблемам безопасности, Юго-Восточной Европе, Ближнему Востоку, Северной Африке, Азии/Океании. Вошло в практику совместное обсуждение возможного сотрудничества на Генеральной Ассамблее ООН и в иных международных организациях.

1 декабря 1997 г. Соглашение о партнёрстве и сотрудничестве наконец-то вступило в силу. Его главным результатом явилось достижение взаимоприемлемых компромиссов в ряде принципиально важных вопросов сотрудничества, служивших предметом весьма острых дискуссий на протяжении ряда лет. В сфере внешней политики и безопасности было также обеспечено определённое продвижение вперед, что наглядно продемонстрировали быстро формировавшиеся совместные органы. Что касается одного из них - Комитета парламентского сотрудничества, то он начал свою работу в Брюсселе в день вступления в силу Соглашения 1 декабря

⁷³ Документы, касающиеся сотрудничества между ЕС и Россией. М., 1994, стр.89.

⁷⁴ The European Union and Russia: the future Relationship. Brussels, 1995, p.6.

1997 г. В ходе трёхдневного заседания рассматривались и внешнеполитические вопросы и проблемы безопасности в Европе.

26-27 января 1998 г. состоялось первое, можно сказать, учредительное заседание Совета сотрудничества России и ЕС. Хотя Главное внимание было уделено вопросам экономическим, Совет сотрудничества определил и круг приоритетных для того времени внешнеполитических проблем для официального диалога в рамках Соглашения о партнёрстве и сотрудничестве, часть которых стала впоследствии сферой деятельности ЕПБО и дальнейшего взаимодействия России и ЕС:

- Развивать документ - Европейскую хартию безопасности в соответствии с решениями, принятыми Советом министров ОБСЕ в Копенгагене. Укрепление стабильности и безопасности в регионе ОБСЕ, - говорилось в решении Совета сотрудничества, - является приоритетной целью.
- Интенсифицировать усилия на Балканах, направленные на реализацию мирного соглашения и поддержание международного присутствия в Боснии-Герцеговине.
- Содействовать мирному решению конфликта в Косово.
- Основать регулярный диалог и сотрудничество между ЕС и Россией в рамках процесса установления стабильности и добрососедских отношений в Юго-Восточной Европе.
- Продвигать консультации ЕС и России о ближневосточном мирном процессе.
- Расширять сотрудничество в наблюдении за экспортом, чтобы предотвратить распространение оружия массового уничтожения и баллистических ракет.
- Сотрудничать в целях поддержки мирных усилий, предпринимаемых ООН в Афганистане,

Первое заседание Комитета сотрудничества России — Европейский Союз, принявшего обширную программу деятельности и создавшего 9 рабочих подкомитетов, прошло 22 апреля 1998 г. в Брюсселе.

На кельнском саммите ЕС (3-4 июня 1999 г.), принявшем первые совместные решения о ЕПБО (Европейской политике безопасности и обороны), была утверждена и Коллективная стратегия Европейского Союза по отношению к России «в целях укрепления стратегического партнерства между Союзом и Россией на рубеже грядущего нового тысячелетия»⁷⁵. В этом документе подчёркивалось, что «Россия и Евросоюз стратегически заинтересованы и несут особую ответственность в деле поддержания стабильности и безопасности в Европе и в других частях мира»⁷⁶ и излагались конкретные предложения.

В частности речь шла об активизации политического диалога, в том числе, и с участием новой руководящей фигуры в ЕС - Генерального секретаря Совета/Высокого представителя по вопросам внешней политики и безопасности, а также переговоров «тройки» на уровне экспертов; возможном участии России в решении «петербургских задач»; разработке совместных инициатив в области внешней политики; сотрудничестве, направленном на предотвращение кризисов, урегулирование кризисов и разрешение конфликтов, в том числе на Балканах и на Ближнем Востоке.

Коллективная стратегия Евросоюза была официально вручена российским представителям на встрече Россия - «тройка» ЕС в Бонне 8 июня 1999 г. В том же году на саммите РФ - ЕС в Хельсинки Председателем Правительства России Владимиром Путиным был представлен российский аналог этого документа - Стратегия развития отношений Российской Федерации с Европейским Союзом на

⁷⁵ Коллективная стратегия Европейского Союза по отношению к России. Брюссель, 1999, стр. 6.

⁷⁶ Там же, стр. 9.

среднесрочную перспективу (2000-2010 годы), принятый правительством России осенью 1999 г. И хотя главное внимание было уделено проблемам экономического взаимодействия, Стратегия также включала вопросы внешней политики, безопасности и обороны.

Достаточно категорично и развернуто в российской Стратегии было подчёркнуто, что Москва свой выбор сделала. О планах РФ в ней говорилось: «Необходимо установить рабочие контакты и взаимодействие с органами Европейского Союза, формируемыми в соответствии с Амстердамским договором в сфере общей внешней политики и политики безопасности Европейского Союза, включая вопросы создания Европейским Союзом «оборонной идентичности»⁷⁷. Была также отмечена потребность в разработке позиции России в отношении «оборонной идентичности» ЕС и развития военно-технического сотрудничества с учётом создания европейской «оборонной идентичности».

Говоря о сотрудничестве в сферах международной безопасности, российская стратегия выделяла:

- миротворчество
- урегулирование кризисов
- различные аспекты ограничения и сокращения вооружений
- предотвращение и мирное урегулирование локальных конфликтов

Особое внимание в российской Стратегии было уделено антитерроризму, о чём в ней сказано дважды: о совместных усилиях России и ЕС в борьбе с терроризмом и о налаживании оперативного сотрудничества «с существующими и вновь создаваемыми органами и механизмами Европейского Союза, компетентными в области борьбы с международным терроризмом»⁷⁸.

Настоящий прорыв в сфере сотрудничества России и ЕС в области безопасности и обороны произошёл чуть позже, ближе к концу следующего, 2000 года. 30 октября Президент РФ Владимир Путин, Президент Франции Жак Ширак при участии Генерального секретаря/Высокого представителя Хавьера Соланы и Председателя Комиссии ЕС Романо Проди подписали первый в истории долгих отношений СССР, а затем России с Евросоюзом документ, специально посвящённый взаимодействию в сферах внешней политики, безопасности и обороны - Совместную декларацию об укреплении диалога и сотрудничества по политическим вопросам и вопросам безопасности в Европе.

В декларации были определены первые совместные шаги в этой приоритетной, как отметили обе стороны, сфере сотрудничества. Они решили⁷⁹:

1. Учредить специальные консультации по вопросам безопасности и обороны
2. Развивать стратегический диалог в области безопасности по вопросам, затрагивающим РФ и ЕС
3. Расширять спектр регулярных консультаций на экспертном уровне по вопросам разоружения, контроля над вооружениями и нераспространения
4. Развивать сотрудничество в области оперативного управления кризисами

В совместной декларации, естественно, были рассмотрены лишь приоритетные практические проблемы сотрудничества. Вместе с тем в неё был заложен большой перспективный потенциал взаимодействия.

С 2000 до 2005 год было принято пять совместных документов, специально посвящённых сотрудничеству в областях внешней политики, безопасности и

⁷⁷ «Современная Европа», М., 2000г., №1, стр.98.

⁷⁸ Там же, стр. 104.

⁷⁹ Саммит Российская Федерация – Европейский Союз (Париж, 30 октября 2000 г.). Совместная декларация об укреплении диалога и сотрудничества по политическим вопросам и вопросам безопасности в Европе. М., 2000 г., стр.2.

обороны и два - о борьбе против терроризма. Эти проблемы зримо фигурировали и в общих решениях и декларациях, посвящённых всему комплексу отношений между Россией и ЕС.

Совместная декларация 2000 г. была сравнительно коротким документом и не рассматривала детали сотрудничества России и ЕС по проблемам безопасности и обороны. И это тоже было вполне естественно. ЕПБО находилась на первых этапах своего формирования. Обе стороны не имели достаточного опыта прямого взаимодействия в этих сферах.

И, тем не менее, в Совместной декларации уже были заложены, если так можно выразиться, в зародыше, все основные направления последующего сотрудничества. Их можно условно разделить на две большие группы. Первая - это сравнение позиций, сближение их, выработка совместных договорённостей, общих подходов. Затем важное место занимали общие позиции по крупнейшим проблемам международной безопасности, в первую очередь разоружению, контролю над вооружениями и сокращению их. Наконец, большое значение и для России и для ЕС играла сверка взглядов на острые международные конфликты и кризисы и выработка общих подходов к их предотвращению и урегулированию.

Что касается второй группы вопросов, рассматривавшихся в процессе взаимодействия, то они затрагивают сферу непосредственных практических действий, совместных акций России и ЕС. В этой сфере прогресс есть, но он мог бы быть значительнее.

Довольно быстро Россия и Евросоюз начали решать вопросы обмена информацией. Уже на московском саммите 17 мая 2001 г. они договорились, что «ЕС будет информировать Россию о развитии событий в вопросах европейской политики в области безопасности и обороны, а Россия будет информировать ЕС о развитии её политики безопасности и обороны и её реализации»⁸⁰. Впоследствии этот старт подкреплялся дополнительными договорённостями.

Этому способствовало постепенное, точнее говоря, довольно медленное формирование структур сотрудничества РФ - ЕС в сфере ЕПБО. В 2002 г. Россия назначила своего постоянно функционирующего представителя при Военном штабе ЕС для развития «практического обмена информацией по военному урегулированию кризисов»⁸¹. Ещё до этого, с конца 2001 г. постепенно была сформирована и постоянная система политического сотрудничества, охватывающая также области безопасности и обороны - регулярные встречи Посла РФ при Европейском Союзе с руководством Комитета по политике и безопасности - ведущей структуры ЕПБО.

Конкретные практические результаты сотрудничества не заставили себя долго ждать, хотя их было и не особенно много. Россия приняла участие в проведении самой первой акции ЕПБО - Полицейской миссии ЕС в Боснии и Герцеговине, начавшейся 1 января 2003 г. В том же году Россия приняла участие в первом совместном учении по управлению кризисами (СМЕ/СМХ 03)⁸², проводившемся совместно ЕС и НАТО.

Европейский Союз со своей стороны начал оказывать России существенную помощь в решении проблем выполнения международных соглашений о взаимном сокращении вооружений.

10 мая 2005 г. на саммите в Москве в числе четырех «Дорожных карт» была подписана и «Дорожная карта» по общему пространству внешней безопасности. Был

⁸⁰ «Дипломатический вестник». М., 2001, №6.

⁸¹ «Дипломатический вестник». М., 2002, №6.

⁸² Название учения Crisis management exercise повторяется в этой формуле дважды: СМЕ – есовская аббревиатура, СМХ – натовская.

подготовлен основательный документ, в котором сформулированы цели сотрудничества, сферы применения и конкретные планы в 5 главных областях.

Это:

- усиленный диалог и сотрудничество на международной арене
- борьба с терроризмом
- нераспространение оружия массового уничтожения
- сотрудничество в области кризисного регулирования
- сотрудничество в области гражданской защиты

В «Дорожной карте» прежде всего, были сведены воедино все многочисленные идеи и конкретные предложения и задачи, которые были наработаны за полдесятилетия сотрудничества по проблемам безопасности и обороны. Некоторые критики в этой связи утверждали, что в ней нет ничего нового. Но такие оценки едва ли можно признать справедливыми. Есть и новое, и значительное уточнение и расширение прежних позиций сотрудничества России и Евросоюза.

Достаточно лишь перечислить их⁸³: содействие скорейшему подписанию и ратификации Международной конвенции ООН о борьбе с актами ядерного терроризма, завершению работы над Всеобъемлющей конвенцией ООН о международном терроризме; проведение сравнительного анализа подходов России и ЕС к нераспространению оружия массового уничтожения; проведение консультаций накануне основных заседаний по проблемам борьбы с терроризмом, нераспространения оружия массового уничтожения для возможных совместных действий, а также консультации в ходе таких заседаний для координации позиций и действий; расширение режимов экспортного контроля (Режим контроля над ракетными технологиями, Группа ядерных поставщиков, Вассенарские договоренности), развитие сотрудничества с целью дальнейшей универсализации этого кодекса; работа в отношении угроз, создаваемых старыми боеприпасами, включая противопехотные мины и взрывоопасные пережитки войны. Всё это относится к совместным усилиям по выработке общих подходов к глобальным проблемам безопасности.

Не менее ёмким является и круг нововведений в практику двустороннего взаимодействия России и Европейского Союза: продвижение контактов между российскими структурами и Европейским оборонным агентством; укрепление диалога с целью подготовки основы для совместных инициатив, направленных на урегулирование региональных конфликтов, помимо прочего, в регионах, прилегающих к границам России и Европейского Союза; заключение соглашения о защите информации; обмен мнениями между экспертами по сотрудничеству военно-морских сил в области навигации и гидрографии, проведению подводных исследований для обеспечения безопасности судоходства, по гидрометеорологии и раннему предупреждению катастроф; сотрудничество в подготовке кадров и проведении учений; взаимопомощь в ходе поисково-спасательных операций при чрезвычайных ситуациях на подводных лодках, кораблях и самолётах. В перечислении обойдены многочисленные нюансы, которые тоже играют свою роль.

Важным также является и то, что в «Дорожной карте» собраны, систематизированы и системно увязаны все основные направления сотрудничества РФ и ЕС в укреплении безопасности и обороны. Сформулированы цели и определены или намечены пути их достижения.

В настоящий момент одной из актуальных тем для Российской Федерации и Европейского Союза является «заключение нового, имеющего долговременный и

⁸³ "Дорожная карта" по общему пространству внешней безопасности. МИД РФ. Департамент информации и печати. 11-05-2005.

стратегический характер договора об отношениях России и ЕС, который должен прийти на смену действующему с 1997 года Соглашению о партнерстве и сотрудничестве»⁸⁴.

27 июня 2008 года на саммите РФ - ЕС в Ханты-Мансийске Россия и Евросоюз официально объявили о начале переговоров по новому соглашению.

Первый раунд этих переговоров состоялся 4 июля 2008 года в Брюсселе. В ходе первого раунда переговоров России и ЕС по новому базовому соглашению был достигнут консенсус по вопросам, которые войдут в будущее соглашение, а именно: политический диалог, торговое и экономическое сотрудничество, реформы в сфере правосудия, свобод, безопасности, науки, образования и культуры.

Однако грузино-южноосетинский конфликт и роль России в его разрешении заставили европейские страны насторожиться и взять некую паузу в обсуждении каких-либо вопросов, связанных с дальнейшим сотрудничеством России и Европейского Союза, особенно в области безопасности. Такое решение было принято 1 сентября на чрезвычайном саммите ЕС. Как отметил президент Франции Николя Саркози, Евросоюз не останавливал, а лишь перенёс работу по подготовке этого соглашения. По его словам, это было сделано в связи с тем, что между Россией и Евросоюзом возникли разногласия, поскольку Евросоюз не согласен с односторонним признанием Россией Абхазии и Южной Осетии⁸⁵.

10 ноября на заседании совета ЕС на уровне министров иностранных дел все страны союза, за исключением Литвы, высказались за продолжение переговоров. И уже 2 декабря начался второй раунд переговоров по соглашению о стратегическом партнерстве. Как сказал Д. Медведев на пресс-конференции по итогам саммита 14 ноября, «у нас действительно возникла пауза при подготовке этого документа. Не мы были сторонниками этой паузы, но она возникла и хорошо, что она сейчас преодолена».

Российскую сторону представлял постпред РФ при ЕС Владимир Чижов, европейскую – глава гендиректора Еврокомиссии по международному сотрудничеству Энеко Ландабуру. По словам Чижова, обе стороны «неплохо подготовились» к переговорам. «Мы более детально обсудили структуру будущего соглашения и наметили дальнейшие шаги», - сказал он после переговоров⁸⁶.

5.2. Договор о европейской безопасности: инициатива России

Нельзя не отметить и еще одну инициативу, с которой в июне 2008 года выступил российский президент Дмитрий Медведев. Он предложил разработать и заключить юридически обязывающий договор о европейской безопасности. Выступая на Конференции по вопросам мировой политики в октябре 2008 года во Франции, он впервые представил своё видение такого договора.

По его словам, события на Кавказе подтвердили правильность идеи нового договора о европейской безопасности. «С его помощью вполне можно создать единую и надежную систему всеобъемлющей безопасности». «Эта система должна быть главной для всех государств, без изоляции кого-либо и без зон по каким-то равным уровням безопасности. Она должна быть призвана объединить всю Евро-Атлантику на основе единых правил игры и на долгие годы в юридически обязывающей форме обеспечить общие гарантии безопасности»⁸⁷.

⁸⁴ Из заявления официального представителя МИД РФ М. Камынина. Для РИА Новости.

⁸⁵ Коммерсант.ru. Россия и ЕС возобновили переговоры о стратегическом партнерстве. 02.12.2008.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Из выступления Д. Медведева на конференции по мировой политике в г.Эвиан (Франция).

Говоря о своем видении элементов такого договора, Д. Медведев выделил пять базовых принципов на которых, по его мнению, должен основываться этот договор. Это:

- ✓ Четкое подтверждение базовых принципов безопасности и межгосударственных отношений на евроатлантическом пространстве

"Это приверженность добросовестному выполнению международных обязательств, уважение суверенитета территориальной целостности и политической независимости государств, уважение всех других принципов, которые вытекают из Устава ООН"⁸⁸.

- ✓ Подтверждение недопустимости применения силы или угрозы ее применения в международных отношениях

"Существенно, чтобы договор дал гарантию единообразной трактовки и соблюдения этих принципов. Закрепить единство подходов к предупреждению и мирному урегулированию конфликтов на евроатлантическом пространстве тоже нужно в самом договоре. Упор следовало бы сделать на переговорных развязках с учетом мнения сторон и при безусловном уважении к миротворческим механизмам. Может быть, нужно закрепить и сами эти процедуры, сам механизм урегулирования споров"⁸⁹.

- ✓ Гарантии обеспечения равной безопасности

"Здесь нужно следовать трем "не": не обеспечивать свою безопасность за счет безопасности других, не допускать в рамках любых военных союзов и коалиций действий, которые ослабляют единство общего пространства безопасности, и не позволять, чтобы развитие военных союзов осуществлялось в ущерб безопасности других участников договора"⁹⁰.

- ✓ Подтверждение того, что ни одна из стран, включая Россию, не имеет эксклюзивных прав на поддержание мира в Европе

- ✓ Установление базовых параметров контроля над вооружениями и разумной достаточности в военном строительстве

"Важно новое качество взаимодействия по нераспространению оружия массового уничтожения, пресечение наркотрафика и терроризма"⁹¹.

Возможный договор стал одной из главных тем обсуждения на Совете министров иностранных дел ОБСЕ в Хельсинки в декабре 2008 года, на совместном заседании Форума по сотрудничеству в области безопасности и Постоянного совета ОБСЕ и на зимней сессии Парламентской ассамблеи ОБСЕ в Вене в феврале 2009 года.

В своем заявлении на Ежегодной конференции ОБСЕ по обзору проблем в области безопасности, которая прошла в Вене 23-24 июня 2009 года, министр иностранных дел России С. В. Лавров представил четыре основных смысловых блока такого договора. Они несколько уточняют и расширяют те пять базовых принципов, о которых ранее говорил Д. А. Медведев.

Первый из них подтверждал бы базовые принципы отношений между государствами. Речь идет о добросовестном выполнении имеющихся международных обязательств - уважении суверенитета, территориальной целостности и независимости государств, невмешательстве во внутренние дела, равноправии и праве народов распоряжаться своей судьбой. Важный элемент - гарантии единообразного толкования и соблюдения этих принципов. В Договоре должна быть подтверждена недопустимость применения силы или угрозы ее

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же.

применения как против территориальной целостности или политической независимости любого участника Договора, так и каким-либо иным образом, несовместимым с целями и принципами Устава ООН.

Государства и международные организации должны также подтвердить - но уже в юридически обязывающей форме – обязательства, взятые ранее в ОБСЕ и Совете Россия-НАТО, а именно:

- ✓ не обеспечивать свою безопасность за счет безопасности других
- ✓ не допускать в рамках военных союзов и коалиций действий, ослабляющих единство общего пространства безопасности, в том числе не допускать использования своей территории в ущерб безопасности других государств, в ущерб миру и стабильности в Евро-Атлантике
- ✓ не позволять, чтобы развитие военных союзов осуществлялось в ущерб безопасности других участников Договора
- ✓ уважать право любого государства на нейтралитет

Договор призван подтвердить положение Хартии европейской безопасности о том, что ни одно государство или международная организация не могут иметь эксклюзивных прав на поддержание мира и стабильности в Евро-Атлантике.

Во втором блоке, по словам С. В. Лаврова, необходимо изложить базовые принципы развития режимов контроля над вооружениями, укрепления доверия, сдержанности и разумной достаточности в военном строительстве. Это включает принципы ненаступательной обороны, отказа от дополнительного постоянного размещения существенных боевых сил за пределами своих территорий. Необходимо также подтвердить приверженность продолжению процесса контроля над вооружениями на основе переговоров и закрепить возможность адаптации механизмов контроля над вооружениями и мер доверия.

Третий блок должен быть посвящен принципам урегулирования конфликтов. Договор призван закрепить четкие правила, которые будут единообразно применяться ко всем кризисным ситуациям, закрепить единство подходов к их предупреждению и мирному урегулированию на основе переговоров. В нем следует прописать процедуры и механизмы урегулирования в соответствии с принципами Устава ООН.

Прежде всего, это недопустимость силовых решений. Договариваться между собой должны сами стороны. Необходимо обязать всех уважать переговорные и миротворческие форматы, которые были согласованы сторонами. Урегулирование должно проводиться поэтапно: обязательства по неприменению силы, меры укрепления доверия, налаживание диалога между сторонами. Абсолютным условием является защита гражданского населения в зонах конфликтов, недопущение его изоляции и обеспечение его гуманитарных и социально-экономических нужд. Категорически недопустимы любые провокации против миротворцев, действующих по согласованному со сторонами мандату.

Четвертый же блок будущего Договора должен быть посвящен механизмам взаимодействия государств и организаций по противодействию новым угрозам и вызовам, включая распространение оружия массового уничтожения, международный терроризм, незаконный оборот наркотиков и другие виды трансграничной организованной преступности⁹².

Как следует из вышеизложенного, в отношениях России и Европейского Союза существует база для расширения и углубления сотрудничества в области безопасности и обороны. Однако точка зрения России на механизм обеспечения безопасности не всегда совпадает, а иногда является диаметрально

⁹² Из выступления Министра иностранных дел России С.В.Лаврова на открытии Ежегодной конференции ОБСЕ по обзору проблем в области безопасности, Вена, 23 июня 2009 года

противоположной точке зрения Европейского Союза. Яркими примерами являются война в Чечне, Косовский кризис, а также грузино-югоосетинский конфликт августа 2008 года.

Очень важной также остается проблема разделения функций НАТО и непосредственно Европейской политики безопасности и обороны. Нельзя забывать, что из 27 стран-членов ЕС 20 являются также членами НАТО. Поэтому самостоятельность ЕС в области безопасности и обороны находится под большим вопросом. Без увязки интересов существующих организаций в одну систему взаимодействия будет очень тяжело добиться существенных результатов в том или ином вопросе.

Неким сближающим фактором на пути взаимодействия России и ЕС может послужить мировой финансовый кризис, так как это общая проблема, затрагивающая интересы всех стран, экономики которых являются частями общей мировой экономики. А говоря о России и ЕС, нельзя забывать, что они являются друг для друга важнейшими экономическими партнерами.

И в заключение можно отметить, что, несмотря на явные разногласия по некоторым вопросам, Россия и ЕС пытаются двигаться вперед, осознавая необходимость совместных усилий в области обеспечения безопасности не только в Европе, но и во всем мире.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наблюдавшийся в прошлом высокий динамизм и неравномерность развития мировой военной экономики, по всей вероятности, сохранятся и в обозримом будущем. Учитывая существующие тенденции развития военной экономики, можно предполагать, что в ближайшие годы важное воздействие на эту сферу окажут изменения в геополитической и геоэкономической ситуации в мире, происходящая революция в военном деле, появление новых средств и методов ведения войны, реформирование военно-промышленной базы многих стран, усиление глобализации гражданской и военной экономики. Глубокое влияние на военно-экономическое развитие будут оказывать политические курсы крупных государств и их союзов. На перспективы и характер развития военно-экономической деятельности в различных странах уже сегодня оказывают и, вероятно, будут оказывать заметное влияние такие чреватые опасными последствиями факторы, как международный терроризм, межэтнические и другие внутригосударственные конфликты.

Позиции России в мировой экономике после развала СССР существенно изменились и заметно ослабли. Наблюдавшиеся в 90-е годы недофинансирование военных потребностей, обвальное сокращение оборонных заказов, неэффективные методы конверсии и приватизации оборонных предприятий привели к резкому ослаблению научно-технической и производственной базы ОПК, военно-экономической безопасности страны.

За последние годы руководство страны большое значение придает развитию ОПК, росту расходов на удовлетворение военных потребностей. Однако, несмотря на заметное увеличение военного бюджета и некоторые положительные перемены в ОПК, пока не происходит ожидаемых существенных сдвигов в техническом оснащении российских войск, качестве оборонной продукции. Российский ОПК в его современном состоянии не может разработать и поставлять армии и флоту весь «спектр» современных средств и систем оружия, необходимых для обеспечения национальной и военной безопасности страны.

В ежегодном послании Президента РФ Федеральному собранию (2009 г.) выдвинуто требование создать у нас такую современную армию, «которая не даст шанса угрожать нам и нашим союзникам». Эту исключительно сложную задачу невозможно выполнить без реформирования и оснащения наших Вооруженных сил новейшими видами ВВТ, без модернизации ОПК, обновления всей научно-технической и производственной базы оборонных предприятий, без серьезного повышения качества и снижения себестоимости выпускаемой ими продукции.

Авторский коллектив предусматривает в следующем году более подробно исследовать причины и последствия формирования принципиально новой системы экономического обеспечения военного строительства в ведущих зарубежных странах, основные направления реструктуризации и модернизации отечественного ОПК, создания необходимых инновационных Вооруженных сил России, которые направлены на обеспечение национальной и международной безопасности в многополярном мире.